

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

4

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdzanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

*Х. Г. НИГМАТОВ, К. М. АБДУЛЛАЕВ, В. И. БАНАРУ,
Х. Х. ХАЛИЯРОВ, Н. М. МАХМУДОВ, А. НУРМАНОВ,
Р. Р. САЙФУЛЛАЕВА*

СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ И АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ТЮРКСКОГО СИНТАКСИСА

(ТЕЗИСЫ ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

1. Предыдущая работа данного авторского коллектива в п. 8 содержала слова: «В этих тезисах предпринята попытка наметить основные вехи одного из возможных путей создания **нового** синтаксиса предложения в тюркских языках на основании критериев, диктуемых внутренней системой самих тюркских языков и новейших достижений субстанциальной морфологии, системной лексикологии и теории о рангах членов предложения» [1]. В настоящей статье с вышеуказанных позиций выявляются и чрезвычайно бегло описываются основные способы синтаксической связи зависимого (далее ЗК) и доминирующего (далее ДК) компонентов в составе тюркских словосочетаний при полном отказе от таких классических понятий, как согласование, управление, примыкание, т. е. намечается один из возможных путей создания **нового** синтаксиса словосочетаний в тюркском языкознании.

В процессе работы за исходный пункт принимаются следующие основные положения субстанциальной (функционально-диалектической) морфологии:

1. 1. Сущность грамматических форм и категорий тюркских языков составляет диалектическое единство семантической и синтаксической функций (см.: [2]).

1. 2. В речевых словосочетаниях, как в фокусе, сливаются единицы семантического, морфологического и структурного (синтаксического) ярусов языковой системы, причем удельный вес этих факторов в каждом конкретном типе словосочетания является взаимно обратно пропорциональным, т. е. увеличение (усиление) одной стороны (например, семантической) приводит к ослаблению других (например, морфологической и синтаксической), и наоборот. Соотношение этих факторов в словосочетаниях напоминает соотношение углов треугольника, где сумма всех углов всегда постоянна (180°) и увеличение одного угла уменьшает другие.

1. 3. Связь во всех типах тюркских словосочетаний является обоюсторонней [3. С. 344; 4. С. 38; 5. С. 14—30], т. е. как предшествующий ЗК, так и последующий ДК имеют, каждый в отдельности, свои собственные, только им присущие семантические, морфологические и синтаксические факторы осуществления синтаксической связи, и тюркские словосочетания — это не что иное, как конкретная реализация, координи-

рование синтаксических потенциалов двух (или более) словоформ (ср.: [6; 2]).

1. 4. При определении типов синтаксической связи в тюркских словосочетаниях основной упор делается на форму ЗК и ДК и на ее синтаксические и семантические функции. Причем формальные показатели при ЗК и ДК грамматических категорий, нейтральных по отношению к признаку «сигнализация отнесенности словоформы» в прибавочной оппозиции грамматических категорий тюркских языков (см.: [2. С. 7]), здесь как формы синтаксической связи не учитываются.

2. Связь между ЗК и ДК словосочетаний может быть осуществлена семантическим, синтаксическим и морфологическим способами. Соответственно этому сам по себе способ синтаксической связи распадается на три типа: 1) семантический; 2) синтаксический; 3) морфологический.

3. При семантической связи ЗК и ДК словосочетания связь компонентов осуществляется на основе семантики каждого из этих компонентов, т. е. общих сем их лексического значения. При этом форма ЗК, его место (контактное или дистантное нахождение) относительно ДК являются иррелевантными. ЗК, как правило, выступает в своей номинативной (словарной, лексической) форме: узб. *кеча... кел* 'приходить ночью', тур. *iki kitab* 'две книги', кирг. *жакшы кыз* 'хорошая девушка', азерб. *мән каланда* 'когда я пришел'.

3. 1. Сказуемое как вершина и конструирующий элемент предложения занимает особое место в его структуре [6]. Поэтому связь сказуемого с подлежащим, которое дублирует часть грамматического значения, сконденсированного в сказуемом (а именно в значении лица и числа), и предметно-семантически уточняет данное значение (ср.: *Карим келди* (узб.) 'пришел (он т. е.) Карим'), носит, собственно говоря, семантический характер, т. е. относится к типу, описанному выше. Однако подлежащее, уточняя лицо и частично число, поскольку они в сказуемом всегда маркированы, координируется (согласуется) со сказуемым. Согласование в лице между ними достигается исключительно лексическим (семантическим) способом; *келдим*, например, в качестве подлежащего может иметь только слово *мен*, а *келдингиз* — слово *сиз*. Нередко происходит также совпадение формы числа у подлежащего и сказуемого: тур. *çocukler geldi gelişti/geldiler* 'дети пришли'. Однако такое совпадение не является с п о с о б о м связи подлежащего и сказуемого, так как, что явствует из вышеприведенного примера, обязательного согласования между подлежащим и сказуемым нет.

4. В синтаксической связи морфологический фактор полностью нейтрализуется и ведущим становится синтаксический или семантический фактор. При связи ЗК занимает позицию непосредственно перед ДК, и потому отрыв ЗК и ДК друг от друга и вставка между ними даже артиклов и грамматических показателей невозможны. Другими словами, здесь мы имеем тот тип связи, который был назван И. И. Мещаниновым локализацией [7]. В таких словосочетаниях грамматические формы ЗК (категории числа, падежа, принадлежности) полностью нейтрализуются. Позицию ЗК и ДК в них могут занимать слова определенных семантических типов: тур. *таш көрпү* 'каменный мост', узб. *инженер-педагог* 'инженер-педагог', азерб. *дәмирчи Мәммәд* 'кузнец Мамед', узб. *Фозил шоир* 'поэт Фазыл'.

5. **Морфологическая** связь ЗК и ДК словосочетаний, т. е. связь, обеспечиваемая с помощью формальных (морфологических) элементов, в свою очередь бывает двух типов — односторонняя и двусторонняя.

При **морфологическо-односторонней** связи морфологическим показателем зависимости словоформы оформляется только ЗК, а ДК осуществ-

вляет свою связь с ЗК на основании валентностных связей: тур. *китабы окуду* '(он) читал книгу', азерб. *тә'рифә лајик* 'достойный похвалы', узб. *мактабдан келди* 'он пришел из школы', *мактабга келди* 'он пришел в школу'.

При морфологическо-двусторонней связи морфологическими показателями оформляются как ЗК, так и ДК словосочетаний: тат. *Тукай шигырлере* 'стихи Тукая', каз. *қазактын уйи* 'дом казаха', тур. *элден эле* 'из руки в руки', узб. *Бухородан Самаркандгача* 'от Бухары до Самарканда'.

5. 1. В зависимости от характера места ЗК по отношению к ДК морфологическо-двусторонняя связь бывает локализованной и сепаратизованной.

5. 1. 1. При морфологическо-двусторонне локализованной связи ЗК оформляется формой основного падежа и локализуется (стоит в контакте) с ДК; отрыв ЗК от ДК без изменения формы ЗК невозможен: тат. *Тукай шигырлере*, узб. *колхозимиз боги* 'сад нашего колхоза', *совет халки* 'советский народ'.

5. 1. 2. При морфологическо-двусторонне сепаратизованной связи ЗК оформляется определенным морфологическим показателем и получает возможность оторваться от ДК. Показатели ЗК и ДК образуют своего рода рамочную конструкцию, которая может свободно раздвигаться (...нинг ... -и/си, ... дан... -га, ... дан ... и/-си и т. д.) — *колхозимизнинг янги боги* 'новый сад нашего колхоза', *Рахимжон кизларидан утган йил Москвадан кайтгани* 'та из дочерей Рахимджана, которая вернулась из Москвы в прошлом году'.

5. 2. Морфологическо-односторонняя связь в зависимости от характера семантической и синтаксической функций формы ЗК делится на вариативную и невариативную.

5. 2. 1. В составе словосочетаний, образованных с помощью морфологическо-односторонне вариативной связи, форма ЗК сохраняет свою как семантическую, так и синтаксическую функцию. Так что в зависимости от цели высказывания, передаваемого содержания ЗК может выбирать одну из возможных форм. Другими словами, словосочетания морфологическо-вариативной связи — это такие словосочетания, где замена формы ЗК изменяет значение словосочетания в целом.

Ср. узб.

$$уч \left\{ \begin{array}{l} -га \\ -да \\ -дан \end{array} \right\} бир.$$

С помощью каждого из этих трех формантов образуется один семантический тип словосочетания — эквивалентный (*учга бир* 'за три один'; 3:1) выделительный (*учдан бир* 'из трех один; одна треть'), локативный (*учда бир* 'один в трех'). Ср. также узб.

$$дарс \left\{ \begin{array}{l} -дан \\ -да \\ -га \end{array} \right\} \begin{array}{l} кол- 'остаться от занятий (в занятии) \\ для занятия'; \end{array}$$

тур. эн $\left\{ \begin{array}{l} -де \\ -ден \end{array} \right\}$ гозел 'красивый в доме/краше дома'.

Морфологический элемент, образующий словосочетания этого типа, обязательно входит в определенный парадигматический ряд, что дает

возможность выбора одного из элементов парадигмы в зависимости от цели высказывания.

К конструирующим особые семантические типы словосочетаний, видимо, относятся также морфемы *-лы, -сыз, -даки, -дай/дек*.

Ср. узб.

$$\text{уй} \left\{ \begin{array}{l} \text{-ли} \\ \text{-сиз} \\ \text{-даки} \end{array} \right\} \text{одам.}$$

5. 2. 1. 1. Морфологическо-односторонне вариативная связь, поскольку она связана с семантической функцией формы (с выражением определенной семантики), имеет большую синонимию. Особенно развита синонимия синтетических и аналитических форм: узб. ... *да кел-/... билан кел-* 'приехать на чем-либо', ... *га ол-/... учун ол-* 'брать кому-л.', ... *га бо-... /... томон бор-* 'идти куда-н'. Синонимия такого рода должна рассматриваться не как синтаксическая, а как морфологическая, так как в подобных случаях речь идет о синонимии синтетических и аналитических форм, т. е. единиц формообразования. Поэтому при замене синтетической формы аналитической или оформлении ЗК формой с послелогом характер связи между компонентами словосочетания не меняется.

5. 2. 1. 2. Совершенно иная картина при рассмотрении синонимии между словом и фразеологизмом: *севмок—эсини йўқотмоқ, юрагини қўлдан бермоқ — ипсиз боғланмоқ — жинни бўлмақ* и т. п. Конструкции подобного рода в семантическом отношении едины. Однако в синтаксическом отношении слово и фразеологизм являются единицами разных синтаксических уровней — уровня лексики слов и сочетания слов, т. е. синтаксиса [6]. Поэтому семантически единые фразеологизмы должны рассматриваться как грамматически членимые, а синонимия между словом и словосочетанием — как синтаксическая. Теоретической основой этого тезиса является признание грамматической членимости и самостоятельности компонентов фразеологизмов. В противном случае, т. е. при рассмотрении фразеологизмов как грамматически неразложимых единиц — эквивалентов слов как в грамматическом, так и в семантическом отношениях — синтаксическую синонимию нельзя усмотреть и в лексико-фразеологической синонимии. При таком подходе фразеологизмы должны рассматриваться как структурная разновидность слов, а их синонимия — на уровне слова, т. е. как лексическая.

5. 2. 2. При морфологическо-односторонне невариативной связи ДК для раскрытия своей семантики требует ЗК определенной формы. Грамматическая (морфологическая) форма ЗК полностью нейтрализует свою семантическую функцию и служит средством осуществления синтаксической связи ЗК и ДК: узб. *китобни/китоб ўқи* 'читать книгу', *молга ўч* 'жадный до богатства'; *китобга бой* 'богат книгами'.

Нейтрализация семантической функции грамматической формы ЗК может доходить до того, что морфологические элементы, реализующие при вариативной связи противоположные значения, в случае невариативной связи могут стать взаимозаменяемыми (ср.: [8. С. 50—52]); узб. *гапга/гапдан қўрқ* 'бояться разговора', *отга/отни мин-* 'сесть на коня', тур. *хайата/хайаттан умут* 'надежда на жизнь', узб. *нонга/нондан тўқ* 'сытый хлебом'.

5. 2. 3. Морфологическо-односторонне невариативная связь в зависимости от характера места ЗК по отношению к ДК бывает локализованной и сепаратизованной.

При невариативно-локализованной связи ЗК выступает в форме ос-

новного падежа и локализуется перед ДК; отрыв ЗК от ДК без изменения формы ЗК невозможен: *китаб оку* 'читать книгу'.

При **невариативно-сепаратизованной** связи ЗК оформляется материально выраженной морфемой и может свободно оторваться от ДК: *китобни уки* 'читать книгу'.

5. 3. Односторонне вариативная и односторонне невариативные связи не отгорожены друг от друга. История языковой системы показывает, что невариативная связь представляет собой историческое развитие вариативной связи — выкристаллизацию сочетаемости определенных семантических групп слов в позиции ДК с определенными формами ЗК, их сплавание, что приводит к десемантизации формы ЗК и формированию невариативной связи. Именно такое явление наблюдается в сочетаемости отдельных глаголов целенаправленного действия в ряде тюркских языков. Например, предельные глаголы, указывающие на направление действия (например, *бор-*, *кел-* и т. д.), могут сочетаться вариативной связью с ЗК в формах дательного (для обозначения пункта направления) и исходного (для указания начального пункта движения) падежей. У этих глаголов отчетливо проявляется тенденция формирования односторонне невариативной связи в ее локализованной (*мактаб бор-*) и сепаратизованной (*мактабга бор-*) формах (ср., например, узб. *рокасидан/орка сига туш-* 'следить за ...').

6. Словосочетания являются единицами речи, образуемыми по определенным языковым моделям с помощью способов связи слов, о которых речь шла выше (пп. 3—5). Однако в речи словосочетания выполняют номинативную функцию и как номинативные единицы могут занимать позицию ЗК и ДК в составе более крупного словосочетания: тур. *йени таш копру* 'новый каменный мост', *таш копру тамири* 'ремонт каменного моста'. В первом словосочетании *таш копру* выступает как ДК, а во втором — как ЗК. Оно образовано синтаксической связью, сложное словосочетание *йени таш копру* — семантической и *таш копру тамири* — морфологическо-двусторонне локализованной. И ДК и ЗК сложного словосочетания могут быть выражены словосочетанием: тур. *гаш копрунун ихбари тамири* 'профилактический ремонт каменного моста', которое образовано с помощью морфологическо-двусторонне сепаратизованной связи. Другими словами, выступающие в качестве компонентов словосочетания отдельные слова или словосочетания, образованные с помощью определенного способа связи, на характер и способ связи словосочетания в целом не влияют, так как словосочетания как компонент другого словосочетания, занимая одинаковое положение со словами: 1) *копрунун тамири* и 2) *таш копрунун ихбари тамири*, по синтаксической сущности одинаковы. Различие между ними лишь в том, что первое словосочетание простое, а второе — сложное.

7. Все, что было сказано в п. 8 предыдущей статьи [1], целиком и полностью относится и к вопросам, поднятым в настоящей статье. Мы предложили вниманию исследователей **один из возможных** способов упорядочения основных типов словосочетаний в тюркских языках с иных, как нам кажется, вытекающих из их внутренней системы позиций. Выявленные и фрагментарно и поверхностно описанные способы синтаксической связи компонентов словосочетаний вместе с основными положениями о структуре простого предложения в тюркских языках, изложенными в [1], позволяют по-иному взглянуть и на природу так называемых членов предложения и на функциональные отношения между доминирующим и зависимым компонентами словосочетания, что, несомненно, станет объектом дальнейших исследований авторского коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нигматов Х. Г., Абдуллаев К. М., Банару В. И., Махмудов Н. М., Мухаммедова Д. А., Нурманов А. Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков: (Тезисы формально-функционального исследования)//Сов. тюркология. 1982. № 4.
 2. Нигматов Х. Г. О классификации грамматических категорий в тюркских языках. Сов. тюркология. 1984. № 4.
 3. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
 4. Убрятова Е. И. Исследование по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950.
 5. Балакаев М. М. Современный казахский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения. Алма-Ата, 1960.
 6. Нигматов Х. Г. Соотношение категорий падежа и принадлежности//Сов. тюркология. 1977. № 4.
 7. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
 8. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1975. Ч. 1.
-

М. И. ИСЛАМОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИАЛЕКТЫ

(НАБЛЮДЕНИЯ НАД АЗЕРБАЙДЖАНСКИМИ ДИАЛЕКТАМИ)

Новые слова и выражения, возникшие в литературном языке в результате социально-экономических, политических, культурных преобразований в жизни общества, переходят и в диалекты, обогащая их словарный состав. Обогащение происходит также за счет слов, образовавшихся в самих диалектах и говорах.

В современных диалектах и говорах азербайджанского языка наблюдаются следующие процессы.

В связи с ликвидацией должностей и чинов, связанных со старым общественным строем и его институтами, слова, выражающие эти понятия, утратив свою реальную функцию, либо совсем вышли из употребления, либо перешли в пассивный словарный фонд диалектов и говоров. Например, слова *бэј*, *хан*, *ага*, *газы*, *кэндхуда*, *човуш* перестали употребляться. Они используются в языке художественной литературы, научных исследований и т. д. в случаях, когда речь идет о прошлом.

Новый общественный строй, новый уклад жизни, естественно, обусловили появление слов, обозначающих новые понятия.

Новые слова, употребляющиеся в диалектах и говорах, можно разделить на две группы: в первую входят слова, перешедшие из литературного языка; ср., например, широко употребляющиеся в диалектах и говорах слова и выражения *зэробчи* 'ударник', *јарыш* 'соревнование', *сосјализм јарышы* 'социалистическое соревнование', *бешиллик* 'пятiletка', *колхоз*, *кэнд совети* 'сельский совет', *манга* 'звено', *мангабашчысы* 'звеньевой', *эмәккүнү* 'трудодень', *тарла гәһрәманы* 'герой полей', *тарла дүшәркәси* 'полевой стан', а также сравнительно поздние заимствования *госмос* 'космос', *госмонавт* 'космонавт', *бригада подраты* 'бригадный подряд', *аилә подраты* 'семейный подряд', *фәрди подрат* 'индивидуальный подряд' и т. д.

Слова, переходящие из литературного языка, почти одинаковы во всех диалектах и говорах, они отличаются друг от друга лишь фонетически.

Во вторую группу входят новые слова, образовавшиеся в самих диалектах и говорах согласно внутренним (законам) возможностям самого диалекта. Для выражения одного и того же понятия в каждом диалекте имеются свои слова, образующие синонимические ряды. Например: *ајлыхчы* 'человек, вырабатывающий ежемесячно 30 трудодней'; *ичрәчы* // *ајахчы* // *пителичи* // *бујрухчу* 'курьер, работающий в сельсовете'; *кәсмәт* // *кәсәмәт* 'пенсия'; *чих* 'лих' // *өртү* 'чехол; простыня'; *чалгат* // *дәнмә* 'метис'; *доннух* 'зарплата'; *сахланч* 'камера хранения'; 'вещь';

хранящаяся в камере хранения', 'деньги, хранящиеся в сберкассе'; *чай-сахлыбан* 'термос'; *гурдабахан* 'инспектор по шелководству'; *ишыгабахан* 'электромонтер'; *нафэслик* 'форточка'; *гејмэ* 'туннель'.

Наблюдается также процесс изменения семантики слов: значения слов сужаются или расширяются, зачастую слова приобретают совершенно новые значения. Например, слово *ајахчы* в диалектах и говорах азербайджанского языка издавна употреблялось в значении 'распорядитель на свадьбе'. В советское время это слово приобрело и другое значение: 'курьер в сельсовете, разносящий письма по учреждениям', слово же *јолдаш* 'товарищ' в настоящее время употребляется как в диалектах в значениях 'совместно', 'в компании', 'товарищество', так и в литературном языке в значении 'жена', 'муж'. Слово *гуллугчу*, раньше употреблявшееся в значении 'слуга', в настоящее время имеет значение 'служащий'. Подобное изменение значения можно наблюдать в слове *бујрухчу*. В прошлом оно означало 'помощник', 'слуга', а теперь приобрело и значение 'курьер в учреждениях'. Раньше человека, занимавшегося торговлей табаком, называли *тутунчу*. Сейчас это слово обозначает человека, занимающегося табаководством.

В связи с исчезновением целого пласта понятий вышли из употребления их номинативы. Слова же стали использоваться лишь в переносном значении.

Как известно, в дореволюционном Азербайджане в деревне гражданские тяжбы, так же как и вообще судопроизводство, вел по законам шариата *газы* 'судья'. После установления Советской власти слово *газы* потеряло свое номинативное значение и употребляется сейчас в переносном значении 'приказчик', 'чванливый', 'высокомерный', 'хвастун'.

Слово *бај* 'бек' с исчезновением обозначаемого титула стало употребляться только в переносном значении 'неработающий', 'лодырь', 'тот, кто ничем не занимается'.

Происходят изменения и в территориальном распространении некоторых слов, идущие в двух направлениях:

а) под влиянием литературного языка ареал слов (или форм) может сужаться, т. е. слова (или формы), распространенные на обширной территории, могут вытесняться соответствующими литературными формами и употребляться лишь в ограниченном ареале. В настоящее время, когда усиливается тенденция влияния литературного языка на диалекты, этот процесс вполне естествен и закономерен. На территориях, близких к городу, возможность вытеснения диалектных слов (или форм) литературными увеличивается. А в отдаленных от центра районах диалектные особенности сохраняются очень долго. Таким образом, с течением времени сокращается территория распространения диалектных слов. Степень сужения ареала и выхода из употребления диалектных слов и форм зависит от уровня культурного развития деревни и образования сельского населения и т. д.;

б) в современных условиях ареал того или иного диалектного слова иногда в определенной степени может и расширяться. Это связано с некоторыми факторами. В результате развития транспорта, расширения культурно-экономических связей между деревнями, массовой миграции населения, концентрации уроженцев разных районов в крупных трудовых коллективах, где они работают сообща, диалектная лексика, употребляющаяся в конкретной деревне, может расширять свой ареал. Другим фактором, также в некоторой степени влияющим на этот процесс, являются межрегиональные браки.

В диалектах и говорах может меняться и частотность употребления слов. Проведенные нами длительные наблюдения позволяют сделать вывод, что частотность употребления слов по прошествии определенного времени (40—45 лет) значительно падает, в результате они встречаются преимущественно в речи пожилых людей и крайне редко используются в речи молодежи, отдающей предпочтение их литературным эквивалентам. Например, частота употребления слов *йыгла* 'плакать', *ини* 'шурин, брат мужа', *тапар* 'видно, мол', широко распространенных в речи жителей с. Баш Гейнюк Шекинского района, некоторых сел Закавказья, Кахского районов, заметно сократилась. Эти слова сохранились преимущественно в речи взрослых малограмотных людей. Новое поколение, особенно грамотные люди, или совсем не употребляет этих слов, или же использует их от случая к случаю. Представители интеллигенции в разговорной, и особенно в официальной, речи вместо этих слов употребляют их литературные эквиваленты. Следует отметить, что слова *йыгла* и *ини* являются древнетюркскими, встречаются в письменных памятниках [1. С. 266, 210], широко употребляются в ряде современных тюркских языков, особенно кыпчакской группы [2. С. 188, 183]. Наблюдения показывают, что частота употребления подобных слов в диалектах и говорах постепенно уменьшается. Такой процесс является закономерным результатом развития современных диалектов.

Взаимные связи между диалектами и литературным языком существовали всегда, и этот процесс продолжается и ныне. Однако характер связей в разные эпохи был не одинаков. Взаимовлияние литературного языка и диалектов развивается в основном по двум направлениям.

Как известно, диалекты и говоры являются одним из основных источников обогащения литературного языка. И азербайджанский литературный язык постоянно питается общенародным языком, диалектами и говорами, пополняя свой словарный фонд.

Так, например, термины таких отраслей сельского хозяйства, как животноводство, земледелие, шелководство, овощеводство, научных дисциплин — зоологии, ботаники, медицины и т. д. взяты в основном из общенародного языка, его диалектов и говоров.

В диалектах и говорах есть термины, обозначающие различные понятия и не имеющие эквивалентов в литературном языке, в силу чего они и вошли в него. Подобные слова отражены в словарях: *башаг*, *тэрэчэ*, *чувар*, *агмала*, *агнах*, *ваганымах*, *гурут*, *балаг*, *куз*, *хэрэк*, *будаммаг*, *тинк*, *тохмачар*, *чэкил*, *харал* и т. д. Одна группа заимствованных слов и терминов, употреблявшихся в свое время в литературном языке и нашедших отражение в словарях, впоследствии постепенно заменялась терминами, взятыми из общенародного языка или из диалектов. Например, заимствованный термин *мираж* вначале в качестве географического термина употреблялся в азербайджанском языке и вошел в соответствующий словарь. Однако впоследствии его вытеснило диалектное слово *илгым*, которое стало употребляться как географический термин и вошло в словарь. Или же вместо слова *куржер* начало употребляться диалектное *ајагчы*, взятое из диалектов и вошедшее в «Толковый словарь азербайджанского языка». В дальнейшем произошло ослабление этого процесса, но тем не менее диалекты и говоры остаются одним из источников терминотворчества. Одновременно усилился обратный процесс: в настоящее время диалекты и говоры подвергаются сильному влиянию литературного языка.

Интенсивное развитие науки и техники, экономики, просвещения и культуры, увеличение потока информации, расширение социально-экономических и культурных отношений между селом и городом — эти и

другие факторы создали условия для влияния литературного языка на диалекты.

На современном этапе одним из процессов, наблюдаемых в диалектах и говорах, является образование так называемых смешанных особенностей, или параллелизмов. При отсутствии в самом диалекте слов для выражения новых понятий они заимствуются из литературного языка, а через определенное время осваиваются диалектом и становятся основными лексическими единицами его словарного состава. Бывают и случаи параллельного употребления того или иного диалектного слова наряду с его литературным эквивалентом. Параллелизм наблюдается и в фонетических и в грамматических особенностях. Причиной является в том, что, с одной стороны, носители диалекта под воздействием средств массовой информации и культуры постепенно все более и более усваивают нормы литературного языка, а с другой — не могут освободиться от диалектных особенностей произношения и продолжают сохранять их в своей речи. Иногда в речи носителя диалекта встречаются такие особенности, которые не являются ни сугубо литературными, ни собственно диалектными. Они свойственны речи лиц, получивших образование в центре и возвратившихся в свою деревню. В годы учебы говорившие на литературном языке, они после возвращения на родину опять поддаются под влияние традиционной диалектной языковой среды.

Таким образом, в диалектах под воздействием литературного языка образуются новые особенности, исторически не характерные для данного диалекта или говора. В с. Баш Гейнюк Шекинского района аффикс настоящего времени употребляется в форме *-ыј, -иј* (*алыј, кидиј, вериј* и т. д.). В литературном же языке употребляется слово *кедир*, встречающееся в диалекте в форме *кидиј*. В речи образованного человека из села это слово звучит как *кидир*, что является контаминацией литературной и диалектной форм. Другой пример. Для шекинского диалекта азербайджанского языка весьма характерны формы *-ытды, -итди, -утду, -утдү* в третьем лице (в ед. и мн. числе) прошедшего повествовательного времени: *алытды* 'он взял, брал', *кэлитди* 'он приходил, пришел', *вуртдү* 'он ударял, ударил', *көрүтдү* 'он видел, увидел'. Часто представители местной интеллигенции в разговорной и особенно в официальной речи употребляют не диалектные формы *алытды, кэлитди*, а формы, близкие к литературной норме: *алыфды, кэлифди* (лит. *алыб, кэлиб*).

В диалектах и говорах азербайджанского языка встречается и другая форма смешанной речи. Обычно школьные учителя стараются говорить литературным языком. Однако они не могут полностью освободиться от традиционных диалектных особенностей речи.

Таким образом, на современном этапе развития диалектов их особенности интенсивно вытесняются литературными формами. Однако это процесс длительный, и локальные диалектные различия сохраняются долго.

Диалекты и говоры хотя и медленно, но влияют друг на друга.

На основании приведенного материала можно сделать вывод, что процесс стирания диалектных особенностей усилился в последние годы, литературные формы интенсивно входят в диалекты, и различия между литературным языком и диалектами постепенно стираются.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
2. См.: Исламов М. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баки, 1968.

Док. М. ХАНГИШИЕВ

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Наклонение является грамматикализованным выражением объективно существующей логической модальности, которая в широком смысле отражает отношение мысли, суждения, высказывания к действительности. Под отношением к действительности прежде всего понимается реальность или нереальность содержания суждений и предложений.

В широком смысле модальность не связана только с категорией глагола. Поскольку модальность является отражением объективной действительности, она должна быть выражена во всех предложениях — независимо от того, имеется ли в них глагольная форма, выражающая определенное наклонение, или нет, т. е. модальность вообще — это отражение отношения содержания предложения к действительности. Все предложения выражают два основных признака модальности — реальность или нереальность, все остальные модальные значения (повеление, просьба, сомнение, долженствование и т. д.), которые передаются грамматическими формами или специализированными частями речи, являются субъективными выражениями точки зрения говорящего на содержание высказывания. Как указывает Н. А. Баскаков, «категория наклонения и времени относится уже не к объективной, а к субъективной характеристике действия, т. е. выражает отношение самого говорящего к реальности или нереальности по отношению к моменту речи» [1. С. 10].

Категория наклонения глагола отражает также общеязыковую модальность, поэтому в ней тоже должна быть выражена объективная модальность. К этой объективной стороне категории наклонения как одного из способов выражения модальности следует отнести понятия реальности и нереальности. Объективная сторона особенно ясно выражена в формах изъявительного наклонения, которые не всегда выражают субъективную модальность в том смысле, что в них выражение реальности — нереальности действия превалирует над субъективной оценкой. Н. З. Гаджиева указывает: «Изъявительное наклонение объективно, но эта объективность бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени» [2. С. 27].

Неразрывная связь между наклонением глагола и временем является общепризнанной. Н. А. Баскаков утверждает, что «категория наклонения и времени в тюркских языках выражается единой синкретичной формой, т. е. является категорией недифференцированной» [1.

С .11]. Универсальность модальности заключается в том, что всякое предложение, будь оно именное или глагольное, содержит элемент наклонения, ибо и именное сказуемое выражает время (окказионально — так называемое синтаксическое время).

История формирования системы наклонений в тюркологии мало разработана. А. М. Щербак в этом вопросе исходит из гипотезы об изначальном отсутствии наклонений и формировании различий между ними в процессе морфологического обособления глагола от имени [3. С. 186]. Формирование системы наклонений началось, как указывают исследователи, с разграничения изъявительного и повелительного наклонений; по мере углубления в историю тюркских языков существующие формальные и семантические различия между наклонениями заметно стираются [3. С. 186]. Вероятно, после разграничения изъявительного и повелительного наклонений формирование всей системы исходило из изъявительного наклонения в результате его употребления в несобственных функциях в определенных контекстах. Например, в кумыкском языке сослагательное наклонение на *-ар эди* развилось из неопределенного имперфекта изъявительного наклонения в результате переноса значения его под воздействием условной формы, которая обычно предшествовала данной форме. Источником для некоторых форм могло послужить повелительное наклонение, особенно для форм желательного наклонения. В современном кумыкском языке формы этих двух наклонений иногда перекрещиваются, и в контексте одна и та же форма может иметь значение как повелительного, так и желательного наклонения. Недифференцированное повелительно-желательное значение имеет в кумыкском языке 1-е лицо множественного числа на *-айыкъ* (*алайыкъ* 'возьмем-ка'). Кроме того, формы собственно повелительного наклонения, такие, как форма 2-го лица единственного и множественного числа, при определенной интонации или наличии особых индикаторов (например, частиц) приобретают желательное значение; ср. примеры *ал* 'бери' — *а:л* (с долгим произношением начального *а*) 'бери-ка', *ал хари* 'бери, пожалуйста'. Не случайно некоторые исследователи выделяют единое повелительно-желательное наклонение. Н. К. Дмитриев считает, что «как цельная категория желательное наклонение по-кумыкски не существует (в других тюркских языках эта категория, в общем отмирающая, находится на различных ступенях развития); в кумыкском, как и в карачаево-балкарском, сохранилось только первое лицо единственного и множественного числа; 2-е и 3-е лица обоих чисел не сохранились, и грамматическая схема заменяет их соответственными лицами повелительного наклонения» [4. С. 121].

Категория наклонения у большинства авторов имеет в основном однозначное определение. Наиболее распространенным является определение наклонения, данное В. В. Виноградовым, по которому категория наклонения выражает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом [5. С. 457].

При определении наклонения следует учитывать специфику выражаемой им модальности, в отличие от модальности вообще. Как указывает Д. Г. Тумашева, модальность в широком смысле — это выражение отношения высказывания к действительности через говорящего. Наклонение же в особых формах показывает отношение действия к действительности с точки зрения говорящего [6. С. 10].

Бесспорно выделяя грамматическую категорию наклонения, не все исследователи одинаково устанавливают границы форм, входящих в данную категорию. Неопределенность в установлении количества

наклонений и отнесении той или иной формы к конкретному наклонению наблюдается не только в грамматиках разных тюркских языков, но и в грамматиках одного и того же языка. Н. К. Дмитриев в кумыкском языке выделяет четыре наклонения, Е. И. Коркина в якутском — десять. В «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева четыре наклонения [7. С. 139], а в «Грамматике современного башкирского литературного языка» — шесть [8. С. 271]. Исследователь категории наклонения в азербайджанском языке Н. Г. Агазаде дает пять наклонений, объединив их в три группы (изъявительное наклонение, наклонения, выражающие побудительную модальность, желательное наклонение) [9]. В работах исследователей азербайджанского языка количество наклонений колеблется от пяти до двенадцати [10. С. 43]. В татарском языке Д. Г. Тумашева выделяет пять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, желательное и сослагательное [11. С. 110].

А. М. Щербак общими для всех тюркских языков считает повелительное, желательное, условное и изъявительное наклонения, отмечая при этом, что в отдельных тюркских языках встречаются другие косвенные наклонения (долженствовательное, намерения, сослагательное, предположительное, предельное, утвердительное, вероятное) [10. С. 67].

Категория наклонения в тюркских языках, составляя в основном единую систему, различается, однако, в формах ее выражения, т. е. в тюркских языках функционируют формы наклонения, которые не являются общими для всех. Например, долженствовательная форма на *-малы*, живая и широко употребительная в азербайджанском языке, в кыпчакских языках или отсутствует, или встречается эпизодически. Наибольшие различия в формах наклонений наблюдаются в трех группах тюркских языков: 1) огузских, 2) кыпчакских, карлукских, 3) в языках сибирского региона. Совершенно закономерно поэтому то, что количество наклонений в разных тюркских языках не совпадает. Ясно также, что в одном отдельно взятом тюркском языке формы наклонений представляют (в исследуемую эпоху) четко очерченную систему, которая может быть истолкована только однозначно.

Предпосылки разного толкования категории наклонения заложены в самом традиционном определении данной категории: определение не содержит четкого указания о содержании и форме выражения определяемой им категории. Общие определения наклонения всегда подчеркивают фактор модальности, однако не всегда ясно устанавливают модальность наклонения, в отличие от общей лексико-грамматической категории модальности. Характерно в этом плане отрицание некоторыми исследователями существования изъявительного наклонения (см. об этом: [9. С. 9—10]), вполне объяснимое с точки зрения существующего определения, ибо в нем основной упор сделан на субъективный фактор («с точки зрения говорящего»).

Разная степень исследованности категории наклонения в тюркских языках также может вызвать колебания при выделении наклонений. Углубленное исследование дает возможность выявления неописанных ранее форм и установления не отмеченных другими исследователями наклонений. Кроме того, в процессе специального исследования система форм может уточняться, результаты глубокого исследования природы модальности и наклонения позволяют пересмотреть отношение отдельных форм к тому или иному наклонению.

Некоторые исследователи, слишком широко понимая семантическую недифференцированность некоторых форм наклонений, говорят о

повелительно-желательном и условно-желательном наклонениях [12. С. 83—93; 13. С. 52—58].

Категория наклонения в кумыкском языке является формой выражения модальности действия, которая реализуется конкретно в формах, выражающих желательность, условность, предположительность и другие грамматические значения, определяемые с точки зрения говорящего. Теоретически формы наклонения отражают три типа модальности, возможные с логической точки зрения: необходимости (повелительное и долженствовательное наклонения), возможности (желательное, условное и сослагательное наклонения) и действительности (изъявительное наклонение). Другие формы наклонений, выделяемые в грамматиках, или семантически примыкают к одному из трех наклонений, отражающих три основных типа модальности, или исторически восходят к ним.

Формы наклонений в кумыкском языке, как и в других тюркских, делятся на две группы: 1 — прямое, реальное (изъявительное наклонение); 2 — косвенные (все остальные). Основным отличием изъявительного наклонения от косвенных является выражение им модального значения достоверности, реальности действия.

Более сложным вопросом является отношение прямого и косвенных наклонений к категории времени. Установлено, что категория времени наиболее ярко выявляется в формах изъявительного наклонения. Три временных значения могут выражать лишь формы, обозначающие модальность действительности, модальные же значения необходимости и возможности, выражаемые косвенными наклонениями, ориентированы только на будущее время. Говоря о временном значении наклонений, А. М. Щербак указывает, что «все формы косвенных наклонений, хотя и являются вневременными, обозначают прежде всего и главным образом действия, относимые к плану будущего» [10. С. 43]. Д. Г. Тумашева определенно утверждает, что по временам изменяются только глаголы изъявительного наклонения [11. С. 109].

Однако полное отрицание категории времени в косвенных наклонениях оказывается неубедительным. Исторически простые формы косвенных наклонений являются вневременными. Со временем на базе сформировавшихся в пределах изъявительного наклонения временные формы послужили основой для образования сложных форм косвенных наклонений, которые обозначают время не в перспективном, а в категориальном плане, т. е. имеют полную парадигму из противопоставленных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. Например, условное наклонение кроме вневременной простой формы (*алса* 'если возьмет') имеет три сложные временные формы: *ала буса* 'если берет', *алгъан буса* 'если взял', *алажакъ буса* 'если возьмет'. Вневременность первичной формы *алса* подтверждается наличием формы будущего времени (*алажакъ буса*). Форма желательного наклонения *алгъай эди* 'хотя бы он взял' также имеет три временные формы: *ала болгъай эди* 'хотя бы он брал' (в настоящем), *алгъан болгъай эди* 'хотя бы он взял' (в прошлом), *алажакъ болгъай эди* 'хотя бы он взял' (в будущем).

Таким образом, некоторые формы условного и желательного наклонений образовали на базе временных форм изъявительного наклонения свои временные парадигматические ряды. Считать, к примеру, форму *ала буса* 'если берет' условной формой изъявительного наклонения, как это делается в некоторых учебных грамматиках кумыкского языка, вероятно, не следует, ибо условная форма и есть форма условного наклонения.

Впервые категорию наклонения кумыкского глагола выделил Т. Макаров в своей «Татарской грамматике кавказского наречия», традиции которой без существенных изменений сохраняются и в грамматиках современного кумыкского языка. Т. Макаров выделил в кумыкском языке шесть наклонений: изъявительное, повелительное, условное, желательное, соизволяющее (يازيم, по русской транскрипции Т. Макарова, — язаим) и неокончателюное [14. С. 48]. К неокончателюному наклонению Т. Макаров относит инфинитив на -магъа (который он берет также как начальную форму), при этом особо подчеркивая: «неокончателюное наклонение есть начало глагола» [14. С. 43, 51].

Н. К. Дмитриев в кумыкском языке выделил четыре наклонения: изъявительное, повелительное, желательное и условное [4. С. 93—125]; данная система сохраняется во всех учебных грамматиках кумыкского языка.

Фактический материал современного кумыкского языка и накопленный опыт тюркологических исследований позволяют выделить в кумыкском языке шесть наклонений глагола: повелительное, желательное, условное, сослагательное, долженствовательное и изъявительное. Сослагательное и долженствовательное наклонения в грамматиках кумыкского языка в систему наклонения не включаются, поэтому считаем необходимым остановиться на них отдельно.

1. Сослагательное наклонение

Глаголы сослагательного наклонения выражают действие возможное или предполагаемое. Совершение действия, выраженного глаголами сослагательного наклонения, возможно при определенных условиях, вследствие чего обычным контекстом для глаголов данного наклонения является условный период: *Амма арба гелген буса, уьуне арымай сама барар эдилер* (М. Хангишиев) 'Но если бы пришла арба, то они, не устая (по дороге), поехали бы домой'. *Савут болгъан буса, о шо гюн менден ажжалын табажакъ эди* (М.-С. Ягъияев) 'Если бы было оружие, то он в тот день нашел бы от меня свою смерть'.

Сослагательное наклонение в кумыкском языке, имеющее две формы, образуется от причастий будущего времени на -ар и -ажакъ и вспомогательного глагола *эди*: *алар эди* 'он взял бы'; *алажакъ эди* 'он (непременно) взял бы'.

Указанные формы отличаются модальными оттенками предположительности (первая форма) и категоричности (вторая форма). При спряжении во всех случаях изменяется вспомогательный глагол *эди*.

В грамматиках кумыкского языка сослагательное наклонение не выделяется. В «Грамматике кумыкского языка» Н. К. Дмитриева форма на -ар *эди* рассматривается как имперфект II, а форма на -ажакъ *эди* — как будущее-прошедшее время изъявительного наклонения [4. С. 114—115, 116—118]. Н. К. Дмитриев, не выделяя особо сослагательное наклонение, определенно указал на употребление форм на -ар *эди* и -ажакъ *эди* в составе условного периода и на сослагательное значение формы на -ажакъ *эди* [4. С. 115, 118].

В современном кумыкском языке формы на -ар *эди* и -ажакъ *эди* выражают модальные значения возможности, а не действительности, т. е. не имеют значения изъявительного наклонения, не обладают абсолютным временным значением; их временное значение зависит от предшествующей условной формы. Ср.: *Гелсе, айтар эдим* 'Если бы он пришел, то я сказал бы'; *Гелген буса, айтар эдим* 'Если бы он пришел (в прошлом), то я сказал бы (в прошлом)'.

Форма на *-ар эди* в тюркских языках действительно употребляется как прошедшее незаконченное время изъявительного наклонения, например, в азербайджанском *языр идим//язырдым*; турецком *yarardım* 'я писал'; в якутском *барар этим* 'я уходил'. В кумыкском языке в старом стиле и редко в произведениях современных писателей форма на *-ар эди* встречается в указанной выше функции: *Бу шагъар гъар-бир шшинде Гелбахгъа, Эндирейге таяныр эди* (Анжи-наме) 'Этот город во всех своих делах опирался на Гельбах, Эндирей'; *Тек бир де янгыз ич-мес эди. Бир табун озюню тенгилери булан ичер эди* (Аткъай) 'Но никогда он не пил один. Выпивал (временами) с некоторыми своими ровесниками'. Употребление формы на *-ар эди* в функции незаконченного прошедшего времени изъявительного наклонения для современного кумыкского языка является реликтовым. Развитие форм на *-ыр идэ* от изъявительного наклонения к сослагательному отмечено и в татарском языке [11. С. 135].

2. Долженствовательное наклонение

Глаголы долженствовательного наклонения обозначают необходимость с оттенками желаяния, намерения совершить действие. Долженствовательное наклонение в кумыкском языке, в отличие, например, от огузских языков, не имеет синтетической формы своего выражения, оно образуется аналитически или (редко) при помощи формантов пассивного употребления. Долженствовательное наклонение, как и сослагательное, сформировалось позднее в результате грамматикализации аналитических сочетаний. Данное наклонение выделяется не во всех тюркских языках. Выделение долженствовательного наклонения не вызывает сомнений в огузских языках, где оно маркировано показателем *-малы*. В тех же тюркских языках, где форма на *-малы* отсутствует как личная форма, выделение долженствовательного наклонения вызывает колебания. А. М. Шербак одной из причин колебания в количестве выделяемых в тюркских языках наклонений считает подражание грамматикам инносистемных языков [10. С. 43—44].

Долженствовательное наклонение в кумыкском языке имеет три типа:

1. Долженствовательное наклонение образуется от основы инфинитива на *-магъа//ма* и синонимичных модальных слов *герек*, *тарыкъ* 'нужно, необходимо': *алмагъа герек*, *алма герек//алмагъа тарыкъ*, *алма тарыкъ* 'надо взять', *гёрмеге гёрек*, *гёрме герек//гёрмеге тарыкъ*, *гёрме тарыкъ* 'надо увидеть'. Компоненты форм типа *алмагъа герек*, *алма герек* отдельно не осмысливаются, данная аналитическая форма полностью грамматикализовалась и в современном языке является основной формой долженствовательного наклонения.

Данный тип долженствовательного наклонения имеет полную парадигму спряжения в ед. и мн. числе.

Ед. число

- 1 л. *Мен бармагъа герекмен* 'Я должен пойти'
- 2 л. *Сен бармагъа герексен* 'Ты должен пойти'
- 3 л. *О бармагъа герек* 'Он должен пойти'

Мн. число

- 1 л. *Биз бармагъа герекбиз* 'Мы должны пойти'

2 л. *Сиз бармагъа герексиз* 'Вы должны пойти'

3 л. *Олар бармагъа герек(лер)* 'Они должны пойти'.

Параллельно как синтаксические синонимы употребляются безличные предложения, где форма долженствовательного наклонения не имеет личного показателя, а субъект выражается дательным падежом личных местоимений.

Ед. число

1 л. *Магъа бармагъа герек* 'Мне надо идти'

2 л. *Сагъа бармагъа герек* 'Тебе надо идти'

3 л. *Огъар бармагъа герек* 'Ему надо идти'

Мн. число

1 л. *Бизге бармагъа герек* 'Нам надо идти'

2 л. *Сизге бармагъа герек* 'Вам надо идти'

3 л. *Олагъа бармагъа герек* 'Им надо идти'

Развитие личного сочетания *мен сувукъман* 'мне холодно' (но не 'я холодный') в безличное *магъа сувукъ* 'мне холодно' в современном языке позволяет предположить, что этот тип является вторичным явлением, возникшим, возможно, под влиянием русского языка.

Первый тип долженствовательного наклонения имеет формы прошедшего и будущего времени.

Прошедшее время образуется по схеме: инфинитив + *герек//тарыкъ* + *эди*: *алмагъа герек эди* 'надо было взять'.

Будущее время образуется по схеме: инфинитив + *герек//тарыкъ* + *болажакъ*: *алмагъа герек болажакъ* 'надо будет взять'.

2. Второй тип долженствовательного наклонения образуется от инфинитива на *-магъа*, *-ма* и отглагольного модального слова *тюше* 'следует, надо': *алмагъа тюше*, *алма тюше* 'следует взять'. Слово *тюше* в указанной функции можно отнести к категории модальных, ибо оно потеряло связь со своим первичным значением *тюш-* 'падать' и основные глагольные признаки (переходность — непереходность и залог). Однако *тюше* и в функции модального слова сохраняет связь с глаголом через временные формы: *тюше* 'следует, надо', *тюшдю* 'пришлось', 'было необходимо', *тюшежек* 'надо будет' и отрицательную форму на *-ма*: *тюшмей* 'не стоит', 'не надо'.

Второй тип долженствовательного наклонения отличается от первого тем, что употребляется только в составе безличного предложения, т. е. сама форма не изменяется по лицам: *Магъа гетмеге тюше* 'Мне надо уйти'. В случае русского «Я должен уйти», т. е. в личном предложении, в кумыкском языке употребляется первый тип долженствовательного наклонения: *Мен гетмеге герекмен* 'Я должен уйти'.

В соответствии с особенностями модального слова *тюше* долженствовательное наклонение имеет три временные формы: настоящего времени: *Магъа гетмеге тюше* 'Мне надо уйти', прошедшего: *Магъа гетмеге тюшдю* 'Мне пришлось уйти', будущего: *Магъа гетмеге тюшежек* 'Мне надо будет уйти'.

3. Третий тип долженствовательного наклонения образуется по схеме: причастие на *-малы*, *-мели* + вспомогательные глаголы *эди* и *бол*. Данная форма в кумыкском языке является пережиточной и в современной литературе встречается редко. Третий тип долженствовательного наклонения имеет два варианта:

1. Вариант на *-малы+эди* выражает долженствование: *алмалы эди* 'надо было взять', *гетмели эди* 'надо было уйти'.

Чаще употребляется отрицательная форма, которая образуется при помощи частицы *тююл*: *айтмалы тююл эди* 'не следовало говорить'.

2. Вариант на *-малы+бол-* выражает намерение и употребляется в формах настоящего и прошедшего времени: *Сибирге буса ол уьч йыл болжал булан йиберилген, демек, 1855—1856-нчы йылланы дазусунда гетмели бола* (З. Акавов) 'А в ссылку он был выслан на три года, значит, должен уйти в пределах 1855—1856 годов'; *Огъар кьолунда кьалгъан хола гесек булан урмалы болду* (С. Солтанбеков) 'Хотел было ударить его комком земли, который остался в его руке'. Отрицательная форма второго варианта не употребляется.

Как было отмечено выше, в огузских языках синтетическая форма на *-малы, -мели* широко употребляется как показатель долженствования в положении *verba finita*. Подобное употребление зафиксировано в кумыкской пословице: *Ашамакъ учун яшамалы тююл, яшамакъ учун ашамалыдыр* 'Не стоит жить, чтобы есть, а надо есть, чтобы жить'.

Употребление формы на *-малы* в кумыкском языке имеет диалектные различия: она активизируется в направлении от северных говоров к южным, т. е. в направлении территории распространения азербайджанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Категория наклонения и времени в тюркских языках//Вопросы категорий времени и наклонений глагола в тюркских языках. Баку, 1968.
2. Гаджиева Н. З. Соотношение категорий наклонений и времени в тюркских языках//Там же.
3. Шербак А. М. Формы желательного наклонения в тюркских языках//Turcologia: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
6. Тумашева Д. Г. Татар теле морфологиясен өйрәнү эм кайбер теоретик мәсьәләләр//Очерки по морфологии татарского глагола. Казань: Изд-во КГУ, 1978.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
8. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
9. Агазаде Н. Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1967.
10. Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.
11. Тумашева Д. Г. Хәзәрге татар әдәби меле: Морфология. Казань: Казан университеты нәшрияты, 1978.
12. Зикриллаев Г. Н. Система форм повелительно-желательного наклонения в узбекском языке//Сов. тюркология. 1983. № 1.
13. Он же. Система форм условно-желательного наклонения в узбекском языке// Там же. 1983. № 6.
14. Макаров Т. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Л. П. ПЕТРОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКИХ ДОХРИСТИАНСКИХ ИМЕН

Современный чувашский общенациональный антропонимикон в своей основе является общехристианским. Он сложился лишь в конце XVII — начале XVIII в., когда происходило обращение чувашей в православие. С того времени и до наших дней чувашская антропонимия в своих общих чертах развивалась в русле русской антропонимии.

Историко-этимологический анализ чувашского антропонимикона позволил обнаружить ряд этноязыковых пластов, отражающих не только разнообразие и многослойность чувашской ономастики, но и этапы этногенеза чувашей.

Несмотря на то, что чувашские дохристианские имена в настоящее время в основном вышли из употребления, они представляют значительный научный интерес, и их исследование помогает изучению процессов этно- и глотогенеза чувашей, исторической динамики и мотивации имянаречения, а также антропонимической системы как собственно чувашей, так и контактировавших с ними и с их предками народов. А. Н. Самойлович писал: «Следовало бы составлять полные алфавитные списки с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впоследствии явилась бы возможность произвести весьма интересное в культурно-историческом и в этнографическом отношении сравнительное исследование личных имен всех тюркских народов» [1. С. 289—299].

В настоящее время по чувашской антропонимике накоплен обширный материал [2. С. 189—199; 3; 4], однако изысканий по чувашской ономастике в целом немного [5; 6. С. 88—104; 7. С. 74—87].

В чувашских дохристианских именах, и мужских и женских, апеллятивная основа в настоящее время почти не обнаруживается. Все это связано с полипластом чувашской антропонимии, где отразились наряду с общечувашской лексикой кыпчакские (дотатарские), татарские, арабско-персидские (через татарское посредство), русские и финно-угорские элементы.

Во время работы в составе комплексных научных экспедиций НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР (в 1984 г. в Ульяновскую и Куйбышевскую области и в Татарскую АССР, в 1987 г. — в Башкирскую АССР и Оренбургскую область) нам удалось обнаружить живую традицию бытования дохристианских (языческих) личных имен среди незначительной части носителей чувашского языка этих регионов. Часть антропонимического материала была списана с надмогильных памятников чувашей-язычников «юпа», напр.: *Ильмендеева Хёрбик*, *Абдельменова Тхти*, *Етрукова Минслу Таштимировна*, *Симулин Имет* и т. д.

Большинство языческих имен сохранилось в настоящее время среди жителей обследованных селений в виде фамилий. Однако лишь именованные носители чувашского языка, родившихся, как правило, до Великой Отечественной войны, состоит из дохристианских имен: *Садюхин Седул Иметович* (Алг.), *Емендеев Симендей* (Аф.), *Саватнеев Курмилле Янгубаевич* (Зир.) и т. д. В послевоенное время, как свидетельствуют факты, наметилась тенденция давать детям русские имена: *Ильмурзин Вениамин Ахметович*, *Мурзакова Лидия Хайрулловна* (Зир.) и т. д. Историко-этнографическому исследованию были подвергнуты следующие названия, отражающие влияние языческих верований: *Алгаши* Цильнинского района, *Сабакаево* Мелекесского района Ульяновской области, *Афонькино* Шенталинского района Куйбышевской области, *Ново-Серезкино* Лениногорского района Татарской АССР и *Зириклы* Бижбулякского района Башкирской АССР. В Чувашской АССР некрещенные проживали в ряде деревень Ибресинского, Козловского, Комсомольского, Урмарского, Шемуршинского, Янтиковского и Яльчикского районов. По неполным данным полевых исследований 1955—1959 гг., в республике их насчитывалось около тысячи человек [8. С. 98]. В последнее время такие исследования не проводились.

Достаточно широко дохристианский антропонимикон чувашей представлен и в русских источниках — писцовых и межевых книгах, царских грамотах, наказах воеводам, разрядных книгах, земельных и крепостных актах, в тяжбных документах, ревизских сказках, материалах переписей (в частности ландратской) и т. д. Многие географические названия на территории чувашского Поволжья также включают в себя дохристианские чувашские личные имена. Так, например, названия деревень и урочищ донесли до нас личные имена их основателей или владельцев. Кроме того, значительная часть дохристианских личных имен перешла в разряд родовых и официальных фамилий и в этом новом качестве сохранилась до настоящего времени.

В научных архивах и трудах исследователей XVIII и XIX вв. имеются описания некоторых ритуалов и церемоний, являвшихся обязательными в сравнительно недавнем прошлом у чувашей при рождении ребенка и наречении его именем. В разных районах Чувашии они совпадали в общих чертах, но отличались в частности. Видимо, здесь мы встречаемся с остатками некогда единого и довольно сложного ритуала. В описаниях обрядов рождения и наречения именем можно найти данные, проливающие свет на бытование, преемственность и традиции дохристианского чувашского антропонимикона. Первые такие сведения принадлежат исследователям-путешественникам XVIII в. Так, И. И. Лепехин описал обряд имянаречения: «...бабушка, по принятому обыновению, начинает молиться и дает имя младенцу по своему хотению; а иногда младенец получает имя от того, кто первый бабушке попадается на глаза. Как скоро наречено будет имя младенцу, тогда бывает у них и пиршество...» [9. С. 169—170].

Более подробно описывал картину имянаречения среди чувашей-язычников, а также других «инородцев» Поволжья Г. Ф. Миллер: «При случае родин не бывает у них (чувашей. — Л. П.) никаких дальних обрядов, так что родители по большей части дают имена новорожденным детям по имени того, кто вскоре после родов первый в дом их придет. Ежели же никого скоро не будет, то родители дают имена детям по своему благоизобретению. У сих народов природные их собственные имена суть следующие: у черемис мужские имена *Аксюнь*, *Кундуганъ*, *Тойдерекъ*, *Тилмекекъ*, *Игашкахъ*, *Тойбатирь*, *Токсовой* и проч. Жен-

ские звания: *Асилдикъ, Кюстелетъ, Ксилбикахъ* и прочая; у чуваш мужские имена: *Чулпанъ, Рыгавъ, Имменке, Черабатиръ, Илмешъ, Мингиръ* и прочая; у вотяков мужские звания: *Дузмеке, Ишкейка, Комашъ, Айтигенъ, Эшмурза, Батыръ, Катерка* и прочая; женские имена: *Туйбике, Байбике, Нюлка* и другие многие» [10. С. 65—66].

Почти аналогичные обычаи наречения именем ребенка наблюдались у мари, удмуртов, коми и т. д. Так, М. Г. Атаманов называет 6 способов имянаречения у удмуртов [11. С. 93—95], в большинстве случаев совпадающие с древнечувашским ритуалом: имя давалось бабкой-повитухой, ребенка называли по имени первого вошедшего в избу человека; имя младенцу давали или его родители или кто-нибудь из близких, членов семьи и т. д.

В литературе встречается описание способов наречения у многих родственных и неродственных народов [12. С. 78—138; 11; 13. С. 28—43; 14; 15; 16; 17. С. 21—100; 1; 18. С. 71; 19; 20. С. 65—73; 21. С. 42—47; 22. С. 53—70; 23. С. 72—94; 24. С. 142—160]. При выборе имени и чуваша, и другие народы руководствовались религиозно-мистическими мотивами, верой в магическую силу имени. Чаще всего, «стремясь связать имя с добрыми пожеланиями в жизни, мальчикам давали имена, выражающие мужество, силу, храбрость, а девочкам — имена, обозначающие красоту, нежность» [23. С. 91—92].

По тем же соображениям больному или отмеченному физическими недостатками ребенку старались дать такое имя, которое способствовало бы его исцелению. Например, в деревне Афонькино Шенталинского района Куйбышевской области удалось зафиксировать такой факт. Родившимся с родинкой детям давали имена с деривационным тюркским компонентом *мин* «родинка»: *Саван пек ятсем хунипе пит сине тухнй минни пётет тесе ёненнй* 'Верили, что наречение подобных имен способствует исчезновению родинок с лица'. Такими мужскими чувашскими дохристианскими именами являются *Минхетер, Минтйпай, Минтирек, Минтукка, Минхевер, Минпйлат, Минюкка, Минтукан, Минетер*, а женскими — *Эминкке, Минкка, Минккей, Миниккей, Минеслу, Минъямал, Минесук, Минсихва, Минусса, Минук, Миннипепке, Минус*. Этими именами стали нарекать уже в тот период, когда носители чувашского языка имели понятие о семантике тюркского слова *мин*. Однако, по поверьям среднеазиатских народов, родинка — счастливая примета [25. С. 4].

В деревне Средние Алгаши информаторы сообщили нам, что некоторые их односельчане, родившиеся в послевоенный период (конец 40-х годов) имеют два имени, например: *Чёкеç — Нина, Юман — Иван, Чёкеç — Валентина, Энтюк — Хёветёр* (Федор) и т. д. По мнению самих носителей языка, они получили второе имя для изгнания болезней и злых духов, ибо, по поверью, если изменить имя больного, он обязательно выздоровеет. Как отмечает М. Г. Атаманов, появление вторых имен должно быть связано с верованиями в магическую силу слова — имени [11. С. 99]. Табуирование личного имени зафиксировано многими этнографами мира. В основе табу, как правило, лежало отождествление имени с его носителем и связанное с этим стремление обезопасить человека от злых духов, от наговоров и порчи.

Вера в злых духов и стремление противодействовать их влиянию породили определенные обычаи наречения именем у тюркоязычных народов. Чаще всего этому предшествовал ритуал «купли-продажи». Аналогичное явление в прошлом (оно сохранилось и после христианизации)

наблюдалось у чувашей. Однако в архивных источниках сохранились лишь отголоски церемониала [26. Л. 56—57].

В письменных источниках во многих случаях имена и отчества чувашей начинаются или оканчиваются одинаковыми звукосочетаниями: *Багильда Бакландин*, ясач. чуваш.; *Еналей Валеев*, ясач. чуваш.; *Кудайгол Кудабактеев*, чуваш.; *Янчюра Чюрин*, ясач. чуваш. и т. д. [26. Л. 117, 12 об., 124, 160]. Существовало определенное созвучие личных имен предков и потомков: «...характерно, что при наречении имени новорожденному стараются сохранить начальные буквы или слог имени отца или матери, в зависимости от пола младенца. Например: отец — *Ахмат*, первый (старший) сын — *Альменей*, второй — *Аникей*, третий — *Актыр*; мать — *Альдюк*, дочь — *Аксюк*, вторая — *Агаш* и т. д. Чувашки в таких случаях говорят: «*Сыпӑкрап сыпӑка пултӑр* 'Да пусть идет (это имя) из поколения в поколение'» [27. Л. 410]. Согласно Р. З. Шакурову одной из примечательных особенностей в обычаях имянаречения и в бытовании личных имен у башкир является подбор созвучных, рифмующихся имен по различным линиям родства: «Рифмующиеся личные имена — это весьма своеобразное явление антропонимии, возникшее, без сомнения, еще в условиях патриархально-родового строя и явившееся вполне действенным средством выражения и закрепления особо близких родственных отношений как по прямым, так и по косвенным линиям родства в пределах не только одной семьи, но, и нередко среди наиболее тесно связанных между собой членов рода» [28. С. 42]. Как отмечает А. Е. Китиков, у марийцев в недавнем прошлом если имя деда начиналось с гласного звука *А*, то и внук тоже должен был носить имя, начинающееся с этого звука [29. С. 49]. У монголов этот обычай сохранился до наших дней. Согласно этому традиционному обычаю родные братья и сестры носят имена, имеющие одну общую повторяющуюся часть [30. С. 37].

В деревне Алгаши (Чӑвашкасси) Ульяновской области нами обнаружена родословная таблица, сообщающая имена основателей деревни: *Элькелей*, *Пахтиер*, *Енни*, *Юман*, *Сарука*, *Иментей*, *Ильментей*, *Тементей*, *Эрентей*, *Атав*, *Куриле*, *Тиняха* и *Илтйрек* [31. Л. 46—47]. В таблице, кроме того, были записаны, вплоть до наших дней, родословные всех жителей. У бурят, например, существует давняя традиция учить детей запоминать имена своих предков по отцовской линии до седьмого или девятого колена. Это связано, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, с законом экзогамии, запрещающим заключать браки между кровными родственниками [32. С. 4]. Аналогичная традиция составления запоминания родословных таблиц была и у чувашей. Однако эти вопросы остаются пока вне поля зрения исследователей.

Близкое соседство, культурно-экономические контакты с татарами способствовали переходу части чувашей в магометанство. «Имена некоторых представителей чувашских (например, Магомет), которые от всей горной стороны били челом Грозному (1551 г.), свидетельствуют, что магометанская религия между ними имела своих последователей» [33. С. 31]. Поэтому в чувашском дохристианском именнике были имена мусульманского происхождения, проникшие в чувашский обиход через татарское посредство во времена Казанского ханства. Такие имена в то время носили также предки современных мари, удмуртов (ср.: мар. *Абрай*, *Байбахта*, *Илтйрек* и т. д., удм. *Акбулатко*, *Апас*, *Мамет* и т. д.). При выборе этих имен семантический критерий никакой роли не играл, на первый план выдвигались популярность имени, его звучание и традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самойлович А. Н.* К вопросу о наречении имен у турецких племен//Живая старина. 1911. Вып. 4.
2. *Андреев И. А.* Чувашские имена//Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979.
3. *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928—1950. Вып. 1—17.
4. *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
5. *Андреев И. А.* Сын ячёмем. Шупашкар, 1983.
6. *Егоров Н. И.* Женские личные имена низовых чувашей-язычников//Культура и быт низовых чувашей: Материалы комплексной экспедиции института в чувашские селения Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей в 1984 году. Чебоксары, 1986.
7. *Петров Л. П.* Личные имена закамских чувашей-язычников//Там же.
8. *Кудряшов Г. Е.* Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1984.
9. *Лепехин И. И.* Дневные записки путешевия... по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Спб., 1771. Ч. 1—2.
10. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш; и вотъякн... Спб., 1791.
11. *Атаманов М. Г.* Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами//Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XIX вв. Устинов, 1985.
12. *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргизского ребенка: Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Вып. 12.
13. *Баскаева К. Д.* Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка//Этногр. сб. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6.
14. *Жаркешова Г.* Из истории наречения имен у казахов//Вопросы казахского языкознания. Алма-Ата, 1959. Вып. 1.
15. *Гафуров А. Г.* Способы и виды наречения детей у таджиков//Индийская и иранская филология. М., 1964.
16. *Зарубин И. И.* Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги: Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927.
17. *Камилов К.* Имянаречение у киргизов в прошлом и настоящем//Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980.
18. *Томилов Н. А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья: (Этническая история, быт и духовная культура). Томск, 1983.
19. *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана//Сов. этнография. 1935. № 6.
20. *Фатыхова Ф. Ф.* Наречение имени у башкир//Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.
21. *Федянович Т. П.* Обряды при наречении имени у мордвы//Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4.
22. *Христолюбова Л. С.* Обряды, связанные с рождением ребенка//Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978.
23. *Шаманов И. М.* Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX — нач. XX в.)//Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.
24. *Шатинова Н. И.* Традиционные обряды алтайцев, связанные с рождением ребенка//Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
25. *Гафуров А. Г.* Лев и Кипарис: (о восточных именах). М., 1971.
26. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978.
27. Имена у чувашей-язычников и родинные обряды//Рукоп. ф. науч. биб-ки им. Н. И. Лобачевского КазГУ им. В. И. Ульянова-Ленина. Д. 77.
28. *Шакуров Р. З.* Рифмование имен у башкир//Ономастика Востока. М., 1980.
29. *Китиков А. Е.* Собственные имена в марийских пословицах и поговорках//Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 1.
30. *Крюков В. М.* О социологическом аспекте изучения китайской антропонимии//Ономастика. М., 1969.
31. НА ЧНИИ. Отд. 4, ед. хр. 675.
32. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов//Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ. 1981.
33. *Никольский Н. В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках. Казань, 1912.

К. ИБРАИМОВ

**МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ**

(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!» Ч. АЙТМАТОВА)

В последние годы заметно возрос интерес к изучению истории национальных культур, их традиций. Многие известные писатели поддерживают мысль о том, что созданные архаическим сознанием мифологические образы, преломленные и переосмысленные современным сознанием, могут быть воплощены в литературе, искусстве. Как отмечает Ч. Айтматов, «человек, у которого нет памяти, нет истории, нет духовной биографии, запечатленной в образах великого искусства — древних мифов, легенд, классики, — обречен на духовную нищету; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни» [1. С. 881].

Сегодня народные мифы, обладающие, по словам К. Маркса, общечеловеческим смыслом, вторгаются в сферу современного художественного сознания.

Идейно-эстетический опыт современных национальных литератур, имеющих разные традиции, показывает, что осмысление кардинальных проблем человеческого бытия с помощью сюжетики и поэтики мифов все еще сохраняет свою эстетическую силу. Более того, обнаруживается обратная связь: сложность, напряженность атмосферы в мире, с одной стороны, и высокий уровень интеллектуально-эстетического развития людей — с другой, вызывают необходимость «переоценки ценностей», переосмысления мифов и легенд народа, вобравших в себя квинтэссенцию его исторического опыта, философию, и непосредственное соотношение их с важнейшими задачами современности. Именно такое отношение к национальному духовному наследию характерно для творчества Ч. Айтматова.

Эта тенденция впервые открыто обнаруживает себя в повести «Материнское поле», а затем, развиваясь и усложняясь от произведения к произведению, получает наиболее яркое выражение в повести «Прощай, Гульсары!», ставшей, по признанию самого автора, во многих отношениях поворотным пунктом его творческой эволюции.

Как уже неоднократно отмечалось критикой, архитектоника повести построена на основе параллелизма и взаимопроникновения двух образов — Танабая и Гульсары.

Бесспорно, эти образы могут быть порождением лишь современного высокообразованного художественного мышления. В то же время глубокий анализ произведения выявляет тесную связь его с национальной эпической традицией киргизского народа, с испокон веков складывавшимися и в той или иной мере бытующими и поныне представлениями о симпатической связи человека и коня.

Известно, что в иерархии образно-символических представлений

архаического сознания, воспринимавшего все явления и стихии окружающего мира как персонификацию различных животных и божеств, конь занимает особо почетное место, являясь посредником между человеком и небом. Не случайно Г. Д. Гачев, подытоживая свои наблюдения над спецификой киргизского народного мировосприятия, пишет: «В народном представлении конь — это верхняя часть космоса («Пища для человека — сила, лошадь — крылья»). Все остальные животные к земле тяготеют, в нее глядят. Конь глядит вперед и вверх, грива у него — крылья, он отрывается от земли, преодолевает притяжение и взлетает. Вместе с ним взлетает и человек. Человек верхом причастен к небу — верху мира, освобожден от земли и ее тяготений. В народных песнях постоянно рядом и светила, и конь... Он является атрибутом человека, и через него человек приобщается к небу» [2. С. 87—88].

Эти слова критика сразу же вызывают в памяти знакомые строки из «Прощай, Гульсары!» [3]: «В глазах темнело от злобы и ветра, дорога стремительно уплывала под ноги, солнце катилось навстречу, падая с неба огненным шаром» [с. 125]; «Он выскочил на бугор, точно бы на гребень большой волны, и на какое-то мгновение словно завис в полете, невесомый» (с. 128); «С болтающимся под стремянем козлом казах на карем жеребце уходил прямо туда, где алело закатное солнце. Казалось, еще немного и он влетит в это пламенеющее солнце и растает там красным дымом» [с. 128]; «А кони мчались все так же упрямо к солнцу» [с. 129]; «А кони, соединенные единоборством всадников, мчались в злобе, торопясь настичь багровое солнце» [с. 129]; «Иноходец бежал туда, к рассвету, к одинокой и яркой звезде, еще не угасшей на небосклоне» [с. 220].

Откуда у Айтматова подобное «оптическое видение», столь одухотворенное отношение к коню? Результат ли это реальных жизненных наблюдений или влияние книжно-литературных факторов, а может быть, живое впечатление современного кинематографа? Скорей всего, и первое, и второе, и третье. Но за всем этим, по нашему глубокому убеждению, как внутренняя, интуитивная, авторская предпосылка стоит все же архаическое представление о коне.

Общеизвестно, какую огромную роль в хозяйственной и ратной жизни древнего кочевника, весь свой век проводившего в седле, играл конь — друг и соратник, наипервейшая жизненная необходимость. И благодарный человек относился к коню с особым благоговением, возносил его к небесной сфере, где, по верованиям древних тюрко-монгольских племен, обитало верховное божество — Тенгри. Первые наскальные изображения крылатого скакуна, именуемого у киргизов Тулпаром, появляются, по данным В. Волкова и Э. Новгородовой [4. С. 78], уже в I тысячелетии до н. э. Наибольшую же известность и популярность этот образ получает в V—III вв. до н. э., широко распространившись не только в скифо-сибирском и скифо-сакском мире, но и на территории Саяно-Алтая и Монголии [5. С. 369; 6. Табл. 25; 7. С. 74].

Большое место занимает образ коня и в народных сказках, героических сказаниях; он наделен и даром человеческой речи и тем самым сближается с зооморфными тотемами. Ни одно более или менее крупное событие — будь то праздник или тризна — не проходило без конных состязаний и игр. От скакуна нередко зависело счастье или несчастье, удача или неудача. Проигрывал конь — проигрывал человек. Победа же окружала ореолом славы и скакуна, и его хозяина. И поэтому так понятно волнение айтматовского Танабая, перед большой скачкой об-

ращающегося к иноходцу: «Ну, смотри у меня, Гульсары, не подкачай. Ты не должен опозорить себя, слышишь! Мы не имеем на то права, слышишь!» (с. 123).

Между тем, соотносясь в сознании человека с высшей сферой бытия, увенчанный «нимбом святости» образ коня подвергался и определенной временной трансформации, тем самым постепенно превращаясь в своеобразный, высший нравственный критерий, символ чистоты и благородства. Как пишет Г. Д. Гачев, конь становится «для киргиза наиболее всеобъемлющим “телом отсчета” и в мире нравственных максим и абстрактных понятий» [2. С. 84—85].

Сходной точки зрения применительно к повести «Прощай, Гульсары!» придерживается и К. Асаналиев: «Гульсары — это душа Танабая» [8. С. 30]. А. М. Борбугулов по этому поводу пишет: «Джаныбар — “имеющий душу”. Так у нас в Киргизии называют коня. Заметили ли вы, что Танабай... мерит людей их отношением к золотистому Гульсары? И — никогда не ошибается. Человечность и жестокость, душевность и бездушие, широта натуры и себялюбие раскрываются, едва герой писателя “коснется” коня.

Поэтизация Гульсары, своего рода одухотворение коня — мотив национальный, киргизский» [9. С. 4].

Наличие в художественной трактовке Айтматовым образа Гульсары мифологической традиции древнего киргизского искусства, в частности архаического представления о коне, очевидно. На это обстоятельство указывал в свое время и Л. Якименко, подчеркивая, что «в сюжетной канве «Прощай, Гульсары!» — эпическая структура. История иноходца, Гульсары, и история пастуха Танабая восходят в своей первооснове к поэтической ситуации, которая многократно разрабатывалась народной песней, эпическим преданием» [10. С. 158].

Однако, говоря об исторической преемственности в произведении Айтматова, мы, тем не менее, далеки от утверждения какой-либо исключительности именно национально-эпической основы. Двухединный образ Танабая и Гульсары прежде всего — порождение современного высоко развитого художественного мышления, явление современного искусства, а следовательно, — и результат синтеза достижений многонациональной советской и мировой литературы.

Произведений, посвященных взаимоотношениям человека и животных, в мировом искусстве немало. Если сопоставить образы толстовского Холстомера и Гульсары, то по глубинной концепции, положенной в их основу, по антропоморфной своей природе они, действительно, очень близки, обнаруживают художественно-семантическое родство. Выписывая образ своего четвероногого героя, Л. Н. Толстой стремился воплотить в нем свои идейные концепции, творческие искания, свой внутренний нравственный принцип: гуманизм, моральная чистота и красота человека обнаруживаются в его близости к природе, в единстве со всем сущим на земле. И в унисон этому звучат и слова Ч. Айтматова, сказанные им в беседе с критиком Л. Новиченко: «...надо учитывать, что совершенствование человеческой души (чуткость, доброта, понимание прекрасного) — идет и через отношение к природе» [1. С. 273].

И «Холстомер», и «Прощай, Гульсары!» имеют свою особую художественно-эстетическую структуру, несут на себе печать своего времени, своей национальной традиции.

Если горькая исповедь некогда знаменитого, а затем из-за черствости, жестокости человека загнанного, брошенного, забытого Холстомера вводит нас в тягостную, проникнутую отчужденностью атмосферу общественной жизни России второй половины XIX в., когда в своей без-

духовности человек, доходя до крайнего индивидуализма, терял всякую связь со своей праматерью — природой, то история Гульсары — это, прежде всего, отражение трудностей и противоречий, жесточайшей социальной и нравственно-психологической борьбы, которыми сопровождалось становление нового, социалистического общества.

Так же, как и Холстомер, Гульсары обрисован в рамках своей природной ипостаси — конь. С другой стороны, подобно тому же Холстомеру Гульсары являет собой и одухотворенный символ естественной природы. Однако, в отличие от толстовского скакуна, он выступает еще выразителем светлого начала, потаенных стремлений и помыслов человека. «Сливаясь» вместе с Танабаем в двуединый образ, одновременно пребывая в конкретно-бытовом, аллегорическом и философско-символическом измерениях, иначе говоря, заключая в себе полисемантическую и полифункциональную, Гульсары тем самым отличается от Холстомера. Гульсары — поэтический символ внутреннего мира Танабая.

В то же время Ч. Айтматов далек от фетишизации природного начала в человеке, от некоей идеализации природы. В этом отношении образ Гульсары нужен писателю лишь в качестве особого катализатора, выявляющего негативные стороны человеческого характера, — изменчивость чувств, пустоту, присущие выведенным в повести отрицательным персонажам.

Особую эмоционально-смысловую нагрузку в художественной структуре произведения несет на себе и использованный Ч. Айтматовым древний киргизский плач «Карагул ботом», который писатель творчески синтезирует с другим не менее известным фольклорным мотивом — легендой об охотнике Коджожаше («Коджожаш»). Традиция идейно-эстетической трансформации бытующих в народе фольклорных сюжетов была известна еще в античной литературе, которая на основе народных мифов, аккумулировавших в себе архаическую духовную традицию, создала различные формы и жанры их художественной переработки. В свою очередь, греко-римская мифология послужила формальной базой для литературы и искусства Ренессанса, европейского классицизма XVIII в. и романтизма XIX в.

Вторгается миф и в художественную структуру литературы и искусства XX в., порождая новые эстетические формы. Примеры тому — произведения Т. Манна, Т. Элиота, Д. Джойса, Д. Апдайка и др. Что же касается современной латиноамериканской прозы, то сильнейшее мифологическое начало стало ее неотъемлемой, наиболее характерной чертой. Особое место занимает в этом ряду роман Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», где перед читателем словно в карнавальной шествии проходят античные, афро-азиатские, латиноамериканские мифы. Можно сказать, что народная мифология всегда была и остается одним из сильнейших стимуляторов творческой рефлексии, тесно связанных с миром поэтической субъективности.

Синтез легенды об охотнике Коджожаше и древнего плача «Карагул ботом», направление их в единое художественное русло стали возможны благодаря имеющимся в них точкам непосредственного соприкосновения, пересечения. А они есть в самой содержательной субстанции, концептуальной сущности произведений. Ведь и первое и второе — порождение архаического, мифологического сознания древних охотников и, следовательно, несут на себе отпечаток специфической психологии своих создателей.

Для древнего охотника животные были и необходимой для существования добычей, и друзьями, и врагами. Мифологизируя окружающую действительность, человек верил, что удача или неудача на охоте

полностью зависит от воли духа — покровителя животных, в частности покровителя горных копытных животных (кийиков) — Кайберена. Существовало и магическое число — «тысяча», более добывать дичи не имел права никто. «В народе говорится, — пишет по этому поводу этнограф Т. Баялиева, — что более тысячи кийиков убивать нельзя. Тот же, кто нарушит это предначертание, будет жестоко наказан: либо он ослепнет, либо его постигнет несчастье. В конце концов, он погибает. А в отдельных случаях убивает своего сына, приняв его за кийика» [11. С. 11].

Именно проклятие, ниспосланное Кайбереном, становится в «Карагул ботом» причиной того, что старый охотник убивает своего сына, принимая его за олененка [12. С. 177].

Этот же лейтмотив есть и в легенде об охотнике Коджожаше, главный герой которой, несмотря на предупреждение духа-покровителя, полученное им во сне, опьяненный собственной гордыней, решает уничтожить весь род Серой козы. И расплата за это — гибель.

Каждое из произведений заключает в себе глубокий смысл, передающееся из поколения в поколение завещание-предупреждение о том, что любое зло, направленное против природы, неизменно оборачивается злом для человека. Эта идеология и связанные с ней разного рода табу, поверья и приметы испокон веков играли роль своего рода морального кодекса взаимоотношений человека и природы.

Ч. Айтматов в древней истории об охотнике Коджожаше и в плаче о Карагуле увидел обобщенно-аллегорическую модель наиболее сложного по своим диалектическим взаимосвязям сюжетного «узла» семантической системы повести: нравственно-психологический поединок близких по духу, но в силу сложившихся обстоятельств ставших далекими друг от друга людей — Танабая и Чоро. Именно поэтому писатель, объединяя содержание двух разных произведений, создает новую притчу, ставшую центром одной из событийных микроструктур повести. Миф и современность сливаются воедино, идеи и образы древней трагедийной легенды придают повести сильнейшее эмоциональное звучание.

В финале, проводив иноходца Гульсары в последний путь, Танабай замечает вдруг в небе отставшего от стаи одинокого серого гуся, и трагическую историю жизни героя повести автор заканчивает древним киргизским плачем о верблюдице, потерявшей своего белого верблюжонка.

Этот плач, вобравший в себя архаико-мифологические представления киргизского народа, восходит к далеким временам, когда человек обожествлял животных, считая их своими покровителями. Элементы тотемизации верблюда обнаруживаются, например, в названиях отдельных киргизских родоплеменных союзов. Это, к примеру, род Ак бото (Белый верблюжонок) в составе племен Кушчу и Кыпчак. Особо почитаем был этот тотем у знахарей и шаманов. Кроме того, Белый верблюжонок считался божеством-охранителем святых мест — мазаров, божественной силой, дарующей материнство.

В архаическом сознании древних киргизов, синкретичном по своей природе, не существовало четких границ между человеком и окружающим его миром. Так некогда родилось и предание о том, что верблюд — это человек, превратившийся в животное. Подобное биоантропоморфное представление о верблюде нашло свое отражение и в бытующем у киргизов обычае: рождение верблюжонка считается равным рождению ребенка, в честь него устраивается трехдневный той, а верблюдице, словно женщине, на голову надевается белый платок. Столь же глубо-

ко воспринимается и потеря верблюдницей верблюжонка: считалось, что древний плач — кошок создан верблюдницей.

«Плач верблюдницы», вливаясь в полифонию повести Ч. Айтматова, наполняет ее мотивами скорби, утраты, одиночества. Звуча повторяющимся рефреном, а затем завершающим аккордом сюжетных событий «Прощай, Гульсары!», этот плач становится своеобразной кульминацией тяжелой душевной драмы главного героя повести, возвышает ее до катарсиса.

Сложнейшая иерархия обобщенно-аллегорических, мифологических, философских конструкций и притч (человек — гусь, человек — верблюдница, Гульсары — Танабай, «Карагул ботом») в органичной связи с судьбой главного героя — Танабая позволяет сделать вывод о наличии в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» многозначной параболической художественной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою... Фрунзе: Кыргызстан, 1978.
- 2 Гачев Г. Д. О национальных картинах мира//Народы Азии и Африки. 1967. № 1.
- 3 Цитаты приводятся по кн.: Айтматов Ч. Прощай, Гульсары! Фрунзе: Кыргызстан, 1967.
- 4 Волков В. В., Новгородова Э. Н. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия)//Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- 5 Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
- 6 Литвинский Б. А. Древние кочевники//Крыши мира. М., 1972.
- 7 Акишев К. А. Курган «Иссык»//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- 8 Асаналиев К. Открытие человека современности. Фрунзе: Кыргызстан. 1968.
- 9 Борбугулов М. Жаныбар — имеющий душу//Лит. газ. 1968. 6 нояб.
- 10 Якименко Л. На дорогах века. М.: Худ. лит., 1978.
- 11 Баялиева Т. О тотемических представлениях киргизов//Религия и религиозные пережитки. Фрунзе: Илим, 1969.
- 12 Антология киргизской поэзии. Фрунзе: Кыргызстан, 1980. Т. 1.

О. В. ВАСИЛЬЕВА

**«ПОВЕСТЬ О СЕФЕР-БЕЙ-ЗАДЕ» (XVII в.) И РОМАН
НАМЫКА КЕМАЛЯ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИ-БЕЯ» (XIX в.)**

Появление в турецкой литературе во второй половине XIX в. жанра романа принято связывать с возникновением новой социально-политической ситуации в стране, ростом национального самосознания, европеизацией различных сторон жизни, и прежде всего — с европейским литературным влиянием. Одним из основоположников жанра по праву считается Намык Кемаль (1840—1888), а его произведение «Предусмотрительность, или приключения Али-бея» признано классическим образцом раннего турецкого романа.

В нем повествуется о трагической любви молодого человека из благородной семьи к женщине «предосудительного поведения», заканчивающейся смертью героев романа. Исследователи полагают, что импульсом к созданию произведения послужило знакомство автора с романом А. Дюма-сына «Дама с камелиями», и усматривают некоторые аналогии между ними (социальный тип героини, трагический исход любовных отношений и т. д.).

Однако у Намыка Кемалья, по нашему мнению, был и другой «источник вдохновения» — анонимная «Повесть о Сефер-бей-заде» («Сефер-бей-заденин хикайати»), рукопись которой хранится в отделе рукописей и редких книг ленинградской Государственной Публичной библиотеки им. А. Е. Салтыкова-Щедрина (1. С. 63; 2. С. 38. Шифр ТНС 140). По ряду признаков список этот может быть отнесен к началу XVIII в., сама же повесть написана несколько раньше — во второй половине XVII в. [3]. Сочинение это ни в исследовательской литературе, ни в каталогах не упоминается. Между тем, если судить по многочисленным пометам на полях рукописи, сделанным и владельцами, и читателями, «Повесть о Сефер-бей-заде» была в свое время очень популярным произведением в турецкой городской среде.

В повести описываются жизнь Сефер-бей-заде и усыновленного им красивого юноши по имени Хюсн-шах, его любовь к некой «ханым-эфенди», двадцатипятилетней вдове.

«Повесть о Сефер-бей-заде» и роман Намыка Кемалья «Предусмотрительность, или приключения Али-бея» имеют много общего. Так, в обоих произведениях действие происходит в Стамбуле, кульминационная сцена — в окруженном садом доме героини. Главные герои — осиротевшие юноши, вступающие в пору зрелости, одержимые любовью, приводящей их к трагическому концу.

Еще большее сходство наблюдается между героинями анонимной повести и романа Намыка Кемалы. Обе они представляют один и тот же тип «мусульманской гетеры»: они самолюбивы, преданны и коварны, образованны, богаты. И та и другая — старше своих избранников, умнее и хитрее их. Их любовь вспыхивает с такою же силой, как и ненависть. Чувство оскорбленного достоинства толкает их на жестокую месть возлюбленному. И в обоих случаях коварство приводит их к гибели.

Для выявления общих и отличительных черт рассматриваемых произведений приводим сопоставительный анализ их содержания.

«Повесть о Сефер-бей-заде»

У Хюсн-шаха, шестнадцатилетнего красивого юноши, есть только мать. В течение 7 лет он находился в обучении у брадобрея, затем его усыновил 40-летний Сефер-бей-заде, который знакомит юношу с женщинами.

Месяца через 3—4 в их дом приходит «ханым-эфенди» (имя ее не указано), 25-летняя вдова, «чрезвычайно красивая и кокетливая». Хюсн-шах так влюбился, «что и не выразить словами». 20 дней по вечерам красавица приходила к Хюсн-шаху, сопровождаемая двумя служанками.

Но вот произошла ссора, в результате которой захмелевший Хюсн-шах ударил ханым-эфенди по лицу, из ее носа и горла пошла кровь. Красавица клянется жестоко отомстить. Эту клятву слышит Сефер-бей-заде и умоляет юношу не встречаться с ханым-эфенди. Хюсн-шах заболел от тоски, «днем и ночью он плакал в уединенных местах». Сефер-бей-заде развлекает сына по-прежнему: днем — кофе и молитвы, ночью — вино и женщины.

«Предусмотрительность, или приключения Али-бея» [4. С. 108—115]

Али-бей, молодой человек 22-х лет, остался после смерти отца на попечении матери.

На прогулке Али-бей встречает Мах-пейкяр, красивую и кокетливую молодую женщину, разъезжающую в экипаже с двумя служанками. Через некоторое время Мах-пейкяр признается Али-бею в любви.

Друзья предостерегают Али-бея от увлечения женщиной предосудительной репутации. Али-бей мучается раздумьями, потерял аппетит и сон. Тем временем мать находит ему одалиску Диль-Ашуб.

Али-бей решает порвать с Мах-пейкяр и отправляется на последнее свидание с ней в ближайшую пятницу. Свидание происходит в ее доме, окруженном садом. Али-бей уходит к Диль-Ашуб. Мах-пейкяр ждет его.

Прошло 5—10 дней. Хюсн-шах получает письмо, в котором ханым-эфенди приглашает его к себе в гости в ближайшую пятницу. «Если не придешь, этой вашей рабыне суждено погибнуть».

Хюсн-шах с радостью пошел в указанный дом. Ханым-эфенди напивает гостя и начинает его избивать, намереваясь привести в исполнение свою клятву. На помощь Хюсн-шаху приходит Сефер-бей-заде. Он вступает в драку со слугами ханым-эфенди и одерживает победу. Женщина молит о пощаде и отдает все свои богатства. Но Сефер-бей-заде все-таки убивает ее и обоих слуга-нок.

Сефер-бей-заде и Хюсн-шах уезжают, спасаясь от возможного наказания, в Египет, занимаются там торговлей, через 6 лет, приумножив свои богатства, возвращаются в Стамбул. «Эти Сефер-бей-заде и Хюсн-шах, живя как отец с сыном, развлекались и веселились в этом лживом мире и в свое [положенное] время умерли... Неизменный и изменчивый мир их изгнал, и они отправились в путь к своему вечному пристанищу и ушли. Лишь этот рассказ оставил нам память о них».

Сопоставление содержания повести и романа показывает сходство их основных сюжетных узлов, близость характеристик главных персо-

Прошло 10 дней, а его все нет. Она пишет ему письмо — ответа нет. После третьего письма, в котором она грозит покончить с собой, Али-бей отправляет ей... письмо самого ужасного свойства... Оскорбленная куртизанка хочет мстить

В результате ее интриг Али-бей ударяет Диль-Ашуб «головой об стену, ... у нее изо рта и носа хлынула кровь».

Али-бей заболел, мать его продала Диль-Ашуб работоторговцу, который отвел ее в дом Мах-пейкяр. Али-бей предается пьянству и разгулу. Мать умирает. Али-бей вновь отвергает Мах-пейкяр, она же хочет его убить. Али-бей снова у нее в доме. Он пьян.

Диль-Ашуб хочет его спасти, уговаривает уйти, а сама надевает его пальто и погибает от руки наемного убийцы.

Али-бей приводит полицейский патруль.

Увидев смеющуюся Мах-пейкяр, «Али-бей в ярости схватил нож, ... невзирая на ее вопли и мольбы, заколол ее».

Али-бей «с горя тоже через шесть месяцев умирает».

нажей, совпадение отдельных деталей. Вместе с тем очевидны и различия. Так, наставником героя повести Хюсн-шаха в делах житейских и любовных является Сефер-бей-заде, приемный отец, а по существу, его старший друг-приятель. В романе же Намыка Кемалья эту миссию выполняет мать, а помогает ей Диль-Ашуб, которую она ввела в дом. Таким образом, в романе — не одна, а две молодые красавицы, возлюбленные героя, противопоставленные одна другой как положительное и отрицательное начала.

Заметны различия и в характеристиках главных героев — Хюсн-шаха и Али-бея. Али-бей старше Хюсн-шаха на 6 лет, самостоятельней и активней в своих поступках, острее реагирует на происходящие события. И, наконец, основное сюжетное различие — финал: герой повести продолжает жить в веселье и довольстве, герой романа умирает от горя через полгода после трагических событий.

Каждое из произведений изображает, говоря словами В. Д. Смирнова, «некоторые стороны внутреннего быта турецкого общества с его понятиями и воззрениями» [4. С. 115]. Но за два века в этом обществе произошли изменения, которые не могли не отразиться и на позиции авторов. Анонимный автор XVII в. как бы отстраненно ведет подробный и обстоятельный рассказ, не восхваляя и не порицая, не жалея и не презирая героев. Лишь в одной фразе можно уловить легкий намек на этическую оценку им происходящего: «Сефер-бей-заде и Хюси-шах... развлекались и веселились в этом лживом мире...». Намык Кемаль, напротив, постоянно «присутствует» на страницах романа, он называет Али-бея «благовоспитанным дитячком», жалеет его, негодует на Мах-пейкяр, сочувствуя матери, покупающей одалиску для сына и продающей ее, когда та уже не нужна.

Есть между повестью XVII в. и романом XIX в. и еще одно очень существенное различие: это — язык произведения. Повесть написана относительно простым языком, не перегружена ирризмами и арабизмами, тяжелыми грамматическими формами. Роман же отличают изощренность стиля, языковая претенциозность. И это — не просто влияние эпохи. Произведения адресованы разному в социальном плане читателю. Повесть — средним слоям городского населения, торговцам и ремесленникам. Роман же Намыка Кемалья, одного из идейных руководителей движения «новых османов», рассчитан был на новую интеллигенцию. Отсюда, по-видимому, и новый герой: государственный служащий, отпрыск знатной семьи.

Сравнение этих двух произведений, написанных в разное время, показывает, что возникновение и бурное развитие турецкого романа нельзя объяснить одним только европейским, в частности французским, влиянием [5. С. 10]. Турецкая проза XIX и XX вв. имеет глубокие национальные корни, и выявление ее истоков является одной из интересных задач тюркской филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О. В. Турецкие рукописи в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина//Turcologica. 1986: К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.
2. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. Спб., 1896.
3. Васильева О. В. Неизвестная турецкая повесть XVII в.
4. Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы. Спб., 1891.
5. Он же. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. Спб., 1891.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Г. ВИЛЬДАНОВА, Т. М. ГАРИПОВ

ОДИН НУЛЕВОЙ ПАДЕЖ ИЛИ НУЛЕВЫЕ ФОРМЫ РАЗНЫХ ПАДЕЖЕЙ?

В лингвистической литературе вопрос о падежах занимает особое место ввиду сложности данной грамматической категории и наличия самых полярных подходов к ее квалификации. Несмотря на многочисленные исследования в этой области, в целом ряде тюркских языков, в том числе в башкирском (Н. К. Дмитриев, К. З. Ахмеров, В. Ш. Псянчин, А. М. Азнабаев, Р. Ф. Зарипов и др.), настоящая проблема до конца так и не решена. Продолжает оставаться открытым вопрос о строго научных критериях установления количества самостоятельных падежей в башкирском языке (их число у разных авторов колеблется от 6 до 19). Нет единства и в дефиниции термина «падеж», что объясняется приверженностью исследователей к разным школам в языкознании: одни ученые инвентаризируют падежи по аналогии с классической латынью, другие следуют методам русской лингвистики, третьи используют критерии классификации падежей из языков разных типологий.

Изыскания известных советских тюркологов — Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортяна, А. Н. Кононова, Б. А. Серебренникова, А. М. Щербака, Э. Р. Тенишева и ряда других внесли определенную ясность в решение некоторых из вышеотмеченных вопросов. Критерием для определения количества падежей стало разграничение словоизменительных и словообразовательных аффиксов, на своеобразие которых указывал еще Н. А. Баскаков [1. С. 103—108]. 6 падежей башкирского языка описаны Н. К. Дмитриевым в его «Грамматике башкирского языка» [2]. Разделив падежи на пространственные и грамматические, ученый в то же время считает, что деление это условное [2. С. 61]. Особо им выделены место, значения и функции так называемого «неопределенного падежа». Однако уровень методики лингвистических исследований в области младописьменных языков 1950 г., ограниченность рамками однотипных и родственных языков породили у ряда ученых двойственность восприятия отдельных падежей в башкирском языке.

Такой подход к падежам объясняется их способностью «оформляться» нулевыми аффиксами. В тюркологии все еще сохраняется традиционное мнение о том, что в позиции падежных словоформ с нулевыми аффиксами выступает исключительно основной падеж. Такова точка зрения и авторов «Грамматики башкирского языка» [2].

Специальный анализ значений и функций нулевых падежных форм в башкирском языке показывает, что ими могут быть как общеграмматические, так и пространственные падежи (в своих безаффиксных вариантах). Нулевые формы косвенных падежей употребляются чаще в

роли однородных членов предложения; только последний из них принимает аффикс соответствующего падежа: *Мәсхәрә, хурлык, йәберзәр-Гә сызат тик ятманьк* 'Позора, срама, ПРИТЕСНЕНИИ безропотно не терпели мы' (Т. Йәнәби). Нулевые формы притяжательного и винительного падежей характерны как для литературного языка, так и для непринужденно-разговорной речи. В диалектах пространственные падежи вообще не принимают аффиксов: *Анан ӘСТЕРХАН сығып киттем, шан ТӨРӨКМӘН киттем* 'Оттуда (в) АСТРАХАНЬ выехал, потом к туркменам отправился'; *Нисә йыл СИЛӘБЕ күргәнем йук* 'Сколько лет ЧЕЛЯБЫ не видел'; *Без аны ХИСАП һукманьк* 'Мы его в РАСЧЕТ не брали'.

Все нулевые формы в приведенных примерах квалифицируются многими тюркологами как сфера основного падежа, в то время как функционально-семантический анализ указывает на природу косвенных падежей. По справедливой оценке А. М. Щербака, «представление о функциональной неопределенности многих падежей, в частности о возможности использования в значении каждого из них именительного падежа, далеко не соответствует действительному положению вещей» [З. С. 70].

При выявлении семантических и синтаксических различий падежей отмеченная путаница в их значениях, позициях и функциях может быть упорядочена.

Падежная форма слова, представляющая его грамматическое значение, складывается из основы слова и показателя падежа. Последний (падежный формант) может быть как материально выраженным, так и нулевым.

Формы с нулевыми аффиксами давно волновали лингвистические умы. Интересны в этом отношении суждения выдающегося фонетиста А. А. Реформатского: «...насколько нуль плох в жизни, настолько он важен в мысли. Без нуля мыслить нельзя... Нули бывают разные. Бывает истинный нуль в любой системе счисления. „Система нуждалась в нуле, чтобы стать еще совершеннее“, — приводил из индийских мудрецов чудесный В. Н. Топоров. Бывают и иные нули. „Для вас он (Козулин) ничтожество, нуль, а для нас... он велик, всемогущ и великомудр“ (Чехов. „Торжество победителя“). А бывают и лингвистические нули—они-то и не „идеальные“, а необходимый инвентарь системных отношений, о чем еще когда-то пеклись Фортунатов, Бодуэн, Соссюр. Нули в любой семиологической системе необходимы—это прямое следствие знаковости, где даже при двух возможных в качестве одного бывает нуль. То же при трех и более. Собственно, вся дихотомия построена на отношении к нулю» (цит. по повести Н. Ильиной «Реформатский»).

Первоначально лингвистические нули связывали с категорией определенности—неопределенности [4—6]. Б. А. Серебrenников именные словоформы с нулевыми аффиксами считает реликтами так называемого именного строя, широко распространенного когда-то в уральских языках [7. С. 71]. Тем не менее ответ на вопрос: почему под нулевой формой подразумевался только основной падеж, так и не был дан.

Сторонники формального подхода к падежам исходили из того, что существенной характеристикой грамматической категории падежа является выражение его в форме аффиксов склоняемого слова, а это препятствовало определению их количества, вскрытию отношений форм по значению и системных связей между ними (ср. труды А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского в русистике).

Другое направление в теории падежей сводилось к выявлению закономерных соотношений падежных форм по значению, к классификации их по функциям, выполняемым ими в предложениях (см. труды А. А. Потебни). Здесь обнаруживаются первые проявления семантического понимания падежа, когда его значения характеризуются набором понятийных категорий — таких, как «субъект действия», «объект действия», «орудие действия» и т. д.

Третье направление в изучении падежных отношений, исходя из универсального характера падежей, выдвигает более или менее оформленную теорию падежного значения. Основоположником этого направления является А. А. де Гроот — автор одной из самых значительных работ по синтаксису падежей. Его преемником Луи Ельмслевым впервые была предложена универсальная идея [8. С. 1—77], определяющая основное (общее, главное, инвариантное) значение падежа путем предельного обобщения противопоставляемых ему частных значений до возможно наименьшего их числа.

Развивая концепции А. В. де Гроота и Л. Ельмслева, Р. О. Якобсон [9. С. 240—288] разработал довольно сложную систему падежных корреляций, признаком которых, по его мнению, является наличие указания на затрагиваемость предмета глагольным действием или на границу участия означенного предмета в вещественном содержании высказывания. Однако выявленных признаков русских падежей (объемности, направленности и периферийности) оказалось слишком мало для того, чтобы охватить всю систему падежей во всей ее сложности и многообразии [10. С. 43].

В отличие от Р. О. Якобсона, продемонстрировавшего синтез семантики со стилистикой на основе морфологического критерия оценки падежей, с иных позиций к изучению категории падежа подошел Ежи Курилович. С его именем связано фундаментальное положение теории падежей — выявление их первичных и вторичных функций. В зависимости от влияния семантики главного слова на значение падежного окончания Е. Курилович выделяет падежи грамматические и конкретные (ср. аналогичную классификацию у Н. К. Дмитриева). Считая падеж областью тесного переплетения семантического с синтаксическим, Е. Курилович устанавливает сначала синтаксические, а затем уже семантические различия. Отсюда и определение синтаксических функций как первичных, а семантических значимостей — как вторичных функций падежа [11. С. 186]. Предложенная Е. Куриловичем система, дополненная очень важным для вскрытия специфики тюркских языков «принципом разового вхождения» падежа в простое предложение, выдвинутым Ч. Филлмором, успешно может применяться и при описании башкирских падежей. Суть принципа Ч. Филлмора сводится к следующему: «Когда некоторая падежная форма появляется в поверхностной структуре одного и того же предложения более чем один раз (в разных именных группах), то либо здесь налицо более чем один глубинный падеж, либо данное предложение является сложным» [12. С. 400]. Такого же мнения придерживаются некоторые русисты [13. С. 219; 14. С. 73] и тюркологи [15. С. 81].

Таким образом, для выявления модификации падежного значения и в башкирском языке целесообразно исходить из формы, семантики и синтаксической функции. Как показывают исследования, в башкирском языке в зависимости от позиции и функции, а также семантики сочетающихся слов обоснованно билатеральное восприятие общеграмматических падежей с материально выраженными аффиксами (кроме основного падежа) и с нулевыми показателями падежа. (О статусе нуле-

вого форманта в общелингвистическом плане имеется довольно обширная библиография. См.: [16]).

В тюркологии же, руководствуясь «взаимозаменяемостью», падежи с нулевыми показателями относят к сфере основного падежа. Указанный термин прочно вошел в обиход тех тюркологов, которые под нулевой падежной формой подразумевают только основной падеж. Применение же «принципа разового вхождения» падежа ограничивает рамки действия понятия «взаимозаменяемость». Взаимозаменяться могут не разные падежи, а варианты одного и того же падежа, которые выделяются на основе общности синтаксических функций и семантических разновидностей. Это допущение подтверждается следующими примерами: *Шулай итеп, бәгән Байгилдә балаларына УГӘЙ ӘСӘЙ алып кайтырга тейешле ине* 'Таким образом, сегодня Байгилде детям своим НЕРОДНУЮ МАТЬ привести должен был'; *Иштуған ЯНЫ ӘСӘЙЗЕ хатта абайламань ла* 'Иштуган НОВУЮ МАТЬ даже не заметил'. В этих предложениях прямое дополнение выражено нулевой формой (1) и морфологически выраженной (2) формой винительного падежа. Если вести толкование по традиционной в тюркологии методике, то *УГӘЙ ӘСӘЙ* следует квалифицировать как форму основного падежа, а это противоречит «принципу разового вхождения»: основной падеж уже имеет одно вхождение в данное предложение (*Байгилде*). Оказывается, в приведенных предложениях реализуется взаимозаменяемость двух вариантов винительного падежа. Допущение о взаимозаменяемости основного и косвенных падежей следует признать сомнительным, ибо каждый падеж имеет свои строго очерченные синтаксические функции и свое инвариантное значение. Если даже исторически в какой-то период развития тюркских языков и имел место частичный параллелизм, например, винительного и именительного падежей, то его причины пока не установлены, так как заложены они значительно ниже верхнего уровня праязыка [17. С. 29].

Функционально-семантический анализ притяжательного, винительного и других косвенных падежей башкирского языка (в основном на материале диалектов) позволяет говорить о функционировании двух их форм: с нулевым аффиксом и морфологически выраженной. Материально выраженный вариант притяжательного падежа употребляется, если: 1) речь идет об определенном предмете (принадлежности) (*әкиәттәрзәгә таузарзың алтыны* 'золото сказочных гор'); 2) при определении есть указательное местоимение (*был замандың иң мөһим вакифайы* 'самое важное событие этой эпохи'); 3) определение выражено существительным с аффиксом принадлежности (*балакайымдын һулышы кайнар* 'у деточки моей дыхание горячее'); 4) определяющее является ремой высказывания, т. е. имеет актуализированное выделительное значение (*матурзарзың матуры* 'красивый из красивых'). Нулевой вариант притяжательного падежа указывает на обобщенную, неконкретную, неопределенную принадлежность. Но единый смысл принадлежности выражается единым падежом — притяжательным.

Таким образом, при описании башкирских падежей рациональным оказывается функционально-семантический подход, при котором за основу берется их синтаксическая функция, принадлежащая словам в процессе выражения мысли. Функция словоформ в конкретном высказывании реализуется в виде синтаксической позиции, отмеченной данной ролью (иначе: первичные и вторичные функции падежей).

Исходным является тезис о том, что в башкирском языке в одном и том же предложении (по модели $N_{осн} + N_{косв} + V_f$) один и тот же

падеж не может занимать одновременно две позиции — субъекта и объекта. Если в позиции субъекта явный основной падеж, то в позиции прямого объекта при финитном глаголе никакой другой падеж, кроме винительного с нулевым аффиксом, выступать не может (N косв = N вин. 0). Оформлению этого падежа показателем способствуют особые условия и синтаксическое окружение (дистантное расположение, эмфаза, актуальное членение, наличие детерминантов и т. д.).

Анализ на семантическом уровне указывает на то, что падежи с нулевыми аффиксами, как и их морфологически выраженные варианты, используются для выражения одной и той же идеи. Такой подход удовлетворяет требованиям множественной характеристики падежа как единицы объединенного морфолого-синтаксического и семантико-синтаксического уровней языка в их диалектическом единстве. Кстати, морфологический подход к падежам не оправдан именно потому, что налицо морфологически невыраженные формы падежей.

Исходя из вышеизложенного, при описании падежей в языках тюркской семьи необходимо учитывать наличие двух вариантов общеграмматических падежей и принимать за реальное их билатеральное восприятие и в башкирском языке.

Следующим шагом в развитии общетюркологической грамматики необходимо, на наш взгляд, признать последовательный отказ от смешения форм основного падежа с нулевыми аналогами косвенных падежей. Типологическим подтверждением тому служит достаточно строгое различие омоформных именительного и винительного неодушевленного падежей в русистике (*и даже ПЕНЬ в апрельский ДЕНЬ березкой снова стать мечтает...*).

Относительно новым в башкироведении следует считать возврат к шестипадежной парадигме башкирского языка [18], но на принципиально иной основе, заключающейся не в формальном отнесении косвенно-падежных нулевых вариантов к сфере основного падежа [19], а в «вычленении» из него «неоформленных» (в действительности же семантически маркированных) словоформ с последующей дистрибуцией последних по соответствующим притяжательному и объектному падежам, а также сугубо разговорным (просторечным?) падежеподобным конструкциям с директивным значением, например: *Ул БАЗАР китте* 'он на базар отправился'.

Остается по-прежнему дискуссионным вопрос о наличии нулевых форм у таких падежных образований, как локатив, аблатив, инструменталис и комитатив (социатив), компаратив, и других, выходящих за сюжетные рамки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. шк., 1969.
2. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
3. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л.: Наука, 1977.
4. Дмитриев Н. К. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. 2: Морфология.
5. Он же. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
6. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. Серебрянников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964.

8. *Hyelmslev L.* La categorie des cas//Acta Jutlandica. 1935. 7, № 2.
9. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus//TCLP. 1936. V. 6.
10. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
11. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
12. *Филлмор Ч.* Дело о падеже//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
13. *Головин Б. Н.* Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1973.
14. *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М.: Наука, 1965.
15. *Ганиев Ф. А.* О синтетических и аналитических падежах в татарском языке //Вопросы тюркологии: Учен. зап. КГПИ. Казань, 1970. Вып. 74.
16. *Meier G. F.* Das Zero-Problem in der Linguistik. Berlin: Akademie-Verlag, 1961.
17. *Menges K. N.* Morphologische Probleme I: Zum Genitiv und Akkusativ. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960.
18. Хәзерге башкорт теле/Под ред. З. Г. Ураксина и К. Г. Ишбаева. Өфө, 1986.
19. *Вильданова Н. Г.* Нулевые формы башкирских падежей и их эквиваленты в ино-системных языках: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1984.

А. АХУНДОВ

ИМЕЕТСЯ ЛИ КОМИТАТИВ В ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА?

Несмотря на то что во всех известных грамматиках тюркских языков признается лишь шесть падежей, тем не менее кроме именительного (основного), родительного, дательного, винительного, местного и исходного, отдельные авторы указывают на наличие в системе склонения определенных тюркских языков притяжательного [1. С. 49—53], творительного [2. С. 30], продольного [3. С. 34], совместного [4. С. 22—23], лишительного [4. С. 24—25], причинно-целевого [4. С. 25—26], направительного [4. С. 26—27; 5. С. 125—126; 6], инструментального [4. С. 27] падежей. Такое разнообразное толкование категории склонения было и в азербайджанском языкознании [8. С. 54—55].

На наш взгляд, успешное решение проблемы категории падежа возможно в случае исследования диалектного материала тюркских языков, в частности изучения комитатива (совместного падежа), на основе диалектов азербайджанского языка.

М. Ш. Ширалиев в своем труде по азербайджанской диалектологии среди неупотребляемых в литературном языке послелогов указывает на -пап/-пәп, которые в диалектах выполняют ту же грамматическую функцию, что илә в литературном. Это толкование ученого вполне соответствует действительности.

Однако, как нам кажется, диалектный коррелят послелога -ла//-лә (ilä) может рассматриваться и как показатель определенной грамматической категории, в данном случае падежа, в диалектной системе азербайджанского языка.

Следует отметить, что форма -пап//-пәп и ряд других, генетически восходящих к ней в некоторых тюркских языках, в давние времена рассматривались (например, в киргизском) [9. С. 114] и продолжают рассматриваться (например, в хакасском) именно как падежные [10]. На наш взгляд, аффикс -пап//-пәп в диалектах азербайджанского языка образует форму совместного падежа (комитатива), которая имеет грамматические значения совместности, прямого объекта, средства, орудия, способа действия, места и времени. Как видно, данная падежная форма полностью входит в семантическую систему категории склонения тюркских языков.

Однако в парадигме склонения она стоит особняком. Прежде всего, в отличие от всех падежных окончаний, аффиксы комитатива -пап//-пәп безударные. Кроме того, слова с гласным ауслаутом перед аффиксами комитатива принимают эпентетический *j*, что не характерно для других падежных аффиксов с согласным аслаутом. Видимо, поэтому -пап//-пәп диалектологами самостоятельной падежной формой не счи-

тается. Однако указанное своеобразие аффикса имеет свою лингвистическую мотивированность.

Во-первых, в тюркских языках не все аффиксы ударные, например, личные окончания, аффиксы категории сказуемости, категории отрицания и некоторые другие. Немаловажную роль в этом играет и то, что форма -nāp// -nāp в определенных фонетических условиях звучит как аффикс исходного падежа (*vətānnān* < *vətāndān*; *sāndān* < *sānnān*; *adāmnān* < *atāmdān*; *üzümnān* < *üzümdān* и т. д.). Здесь ударение выступает как сверхсегментная фонема, различающая данные морфемы. Что касается появления эпентетического *j*, то это, видимо, связано с тем, что данный аффикс безударный. Вероятно, акцентуационный момент, т. е. ударяемость слога предшествующего аффикса, требует дополнительной силовой компенсации в виде согласного *j*.

Что касается происхождения аффикса -nāp// -nāp, то традиционная точка зрения о причастности этой формы к *birlān* (туркм., тат., бараб., узб., уйгур.) > -lān// -lān, -nāp// -nāp (гагауз.), -nāp// -nēp, (хакас.) [4. С. 23] не представляется нам правомерной для диалектов азербайджанского языка. Здесь прототипом, скорее всего, выступает именно -lā//lā — древний аффикс словообразования; -nāp// -nāp, видимо, — фонетический вариант -lān// -lān, причем ассимилятивный. Весьма интересен с точки зрения этимологии -nāp// -nāp; его комбинаторный вариант в народной поэзии иранских туркмен (азербайджанцев) — *idān* (-dān// -dān) — явление, на наш взгляд, позднее, вариант диссимилятивного происхождения:

Бу сулар ахмағидэн,
Даш геје јахмағидэн,
Мэн јардан нече дојум
Ирағдан бахмағидэн (илэн) [11. С. 81—86].

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Байрамкулов У. Грамматика карачаевского языка. Кисловодск, 1931.
- 2 Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.
- 3 Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение. Черкесск, 1977.
- 4 Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- 5 Павлов И. П. Хальви чават литература челхи: Морфология. Шупашкар, 1965.
- 6 Н. И. Ашмарин аффикс данного падежа считал сложным падежным окончанием [7. С. 129], а И. Беннинг — комбинированной падежной формой в своих чувашских исследованиях [4. С. 26].
- 7 Ашмарин Н. И. Материалы исследования чувашского языка. Казань, 1898.
- 8 Гусейнзаде М. Мүасир Азербайжан дили: Морфоложија. Баку, 1973.
- 9 Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1898.
- 10 Донидзе Г. Форма и значение творительного падежа в хакасском литературном языке // Вопросы хакасского языка и литературы. Абакан, 1955.
- 11 Әлизадә С. Илә, ла//лә гошмаларынын мәншәјинә даир//АДУ-нун Елми әсәрләри. Дил вә әдәбијат. 1964. № 2.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ю. М. СЕИДОВ

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ТИПЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Здесь имеется в виду словосочетание, обе части которого представлены числительными типа *беш мин* 'пять тысяч', *он мин* 'десять тысяч', *ийирми беш* 'двадцать пять', *юз он* 'сто десять'.

До сих пор в учении о словосочетаниях особого внимания на указанный языковой факт не обращалось, хотя трудно найти книгу по грамматике, посвященную морфологии, в которой бы такие сочетания не рассматривались. Дело в том, что они приравниваются к слову в качестве лексических единиц, несмотря на то, что состоят из двух, а порой и нескольких слов. Однако исследователи определяют их по-разному.

Одни из них безо всяких оговорок дают подобные соединения в одном ряду со словами (числительными) «один, два, три..., десять, двадцать...» [1. С. 242; 2. С. 38; 3. С. 22; 4. С. 41; 5. С. 75; 6. С. 217]. Например, Э. В. Севортян характеристику числительного как части речи в крымско-татарском языке начинает с количественных числительных, приводя следующие примеры: *бир, эки, учь, дёрт, беш, алты, еди, секиз, доггуз, он, он бир, он эки, ийирми...*, *юзь, беш юзь, бинъ, эки бинъ*. Таким образом, двусоставные словосочетания отождествляются им со словами.

Другие исследователи указывают на два разных по структуре вида количественных числительных: числительные из одного слова, которые определяются ими как простые, и числительные из двух и более слов (числительных), которые определяются ими как сложные [7. С. 166; 8. С. 75; 9. С. 122; 10. С. 177—178; 11. С. 95; 12. С. 126; 13. С. 50; 14. С. 72—73; 15. С. 144; 16. С. 201; 17. С. 268; 18. С. 326; 19. С. 472—473; 20].

Третьи так же подразделяют количественные числительные по структуре на две группы и, сохраняя в этом делении термин «простые числительные», термин «сложные числительные» заменяют термином «составные числительные» [22. С. 99; 23. С. 102; 24. С. 46].

Четвертые делят количественные числительные на три группы: простые, сложные, составные. Эта классификация чаще встречается в трудах по русскому и некоторым другим славянским языкам, где подлинно сложные числительные (сложные слова) отличаются от словосочетаний. К сложным числительным в соответствии с этим наименованием относят сложные слова, к «составным числительным» — в основном числительные словосочетания; например, в академической «Грамматике русского языка» читаем: «По составу имена числительные

делятся на простые (пять, сто), сложные (пятнадцать, двести) и составные (двести восемьдесят, сто тридцать шесть) [25. С. 366; 26. С. 142; 27. С. 173]. Это деление приводится и в работах по другим языкам, в том числе и тюркским, однако деление фактов на группы по названиями «сложные» и «составные» числительные очень часто соответствует подобному в русском языкознании (иногда с некоторыми различиями) [28. С. 68; 29. С. 87; 30. С. 220].

Использование в двух последних делениях термина «составные» означает, что исследователи почувствовали некое несоответствие в представлении о сочетаниях, состоящих из двух и более слов (числительных) и не оформившихся как сложные слова, как лексические единицы. Числительные словосочетания вроде *он мин* 'десять тысяч', *элли алты* 'пятьдесят шесть' и т. п. сформировались как сложное слово не в фонетическом, не в лексическом и не в грамматическом отношении; насколько неправомерно именовать несформировавшуюся как сложное слово любую языковую единицу сложным существительным, сложным прилагательным или же сложным глаголом, настолько неправомерно именовать их и сложными числительными. Термин «составные» и был придуман для того, чтобы устранить или хотя бы подправить это несоответствие. Однако словосочетание и слово (в том числе сложное), независимо от их наименования, не могут отождествляться. Не случайно те, кто приводит отдельный анализ числительных (неважно, в каком направлении — синхронном или диахронном), говоря о простых и истинно сложных числительных, не затрагивают в этом контексте числительные словосочетания [6. С. 217—226; 25. С. 369—377].

Есть и такие авторы, которые не обращаются к вышеотмеченным делениям числительных и тем самым обходят молчанием числительные словосочетания в морфологии [6]. Они, может быть, и не задумываются над тем, являются ли выражения *беш жүз*, *он мин* словосочетаниями или нет, однако что-то подсказывает им, что эти выражения не есть лексические единицы.

Таким образом, включение выражений, созданных смысловой и грамматической связью двух или более слов (числительных), в числительные и приравнивание их к лексическим единицам явно неудачно. Эти выражения являются словосочетаниями и отвечают всем требованиям для синтаксических единиц. Включение этих словосочетаний в морфологию обуславливается и общими (связанными с историей изучения словосочетаний) и частными (связанными непосредственно с природой самих числительных словосочетаний) причинами. Каковы они?

Сначала — об общих причинах. Их несколько.

Во первых, эти факты убеждают в том, что все типы словосочетаний в языке вообще и в отдельных языках, в частности, до сих пор полностью не определены.

Во-вторых, долгое время в книгах по синтаксису и в синтаксических разделах грамматик во многих случаях словосочетания не затрагивались, сведения об их отдельных видах приводились в книгах по морфологии.

В-третьих, как и при определении ряда грамматических категорий, в решении этой проблемы не обращено внимание на взаимоотношения языка и речи. Не отграничиваются языковые и речевые единицы — лексические категории от синтаксических, отождествлены сложное слово и сложное имя.

Причины, связанные непосредственно с категорией числительного, имеют две грани:

1. *Смысловая грань.* Ввиду того, что в числительных словосочета-

ниях обе стороны являются числительными, выражение ими в словосочетании отдельных понятий уловить довольно трудно. В словосочетании *беш китаб* 'пять книг' увидеть полноточность слов *беш* и *китаб* как лексических единиц и выражение ими отдельных понятий не так уж сложно, однако увидеть эти особенности слов в соединении *беш мин* 'пять тысяч' несколько сложнее, хотя, с теоретической точки зрения, между выражениями *беш китаб* 'пять книг' и *беш мин* 'пять тысяч' принципиальной разницы нет.

2. *Цифровое обозначение.* Несмотря на то, что эта черта чисто формальная, однако она имеет определенное значение. В словесном написании *беш китаб* и *беш мин* сходны: в обоих случаях очевидно смысловое и грамматическое соединение двух слов; но форму «5 000» никоим образом невозможно уподобить словосочетанию. Лингвистическая же мысль чаще всего берет свой фактический материал из письменной речи, а потому письмо, хотя и формально, не может не оказать в этом случае своего влияния.

Итак, языковедение (и общее языкознание, и частные лингвистики) должно принять еще один вид именных сочетаний, до сих пор не известный как словосочетание. Было бы наивно предполагать, что языкознание было в полном неведении относительно этого мнения. В части «Морфология» пятитомной «Сравнительной грамматики германских языков» под общей редакцией М. М. Гухмана, В. М. Жирмунского, Э. А. Макаева, В. Н. Ярцевой (Т. 3 — редактор тома М. М. Гухман, автор раздела «Числительные» — С. А. Миронов) указывается, что некоторые числительные, сформировавшиеся ныне как сложные числительные (сложные слова), в древних германских языках являлись числительными соединениями. Следовательно, не полностью сращенная форма двух числительных считается словосочетанием. Помимо этого, отмечается формальная эквивалентность таких имен числительных из германских языков, как «двести сорок», «тысяча восемьдесят», аналогичным именам числительным в русском языке, и эти формы считаются словосочетаниями (указ. ист. С. 365, 373).

Возникает вопрос: названия каких количеств выражаются словосочетаниями? В этом плане налицо различия не только между неродственными, но и между родственными языками. Например, в русском языке числительные от одиннадцати до девятнадцати выражаются сложными словами (одиннадцать, двенадцать, тринадцать...), в азербайджанском языке — словосочетаниями (*он бир, он ики, он уч...*); в некоторых же тюркских языках, например, в татарском, они пишутся слитно, как и в русском языке и, следовательно, принимают форму сложного слова (*не он биш, а онбиш/унбиш*). Числительные 60, 70, 80, 90 в одних тюркских языках, будучи исторически сложными, в настоящее время выражаются простыми лексическими единицами (например, в азербайджанском языке — *алтмыш, јетмиш, саксан, дохсан*; так же и в туркменском, гагаузском, узбекском, татарском). В других тюркских языках они сохраняют исторический вид сложного слова; например, в шорском языке: *алтон (60), четтон (70), сегизон (80), тогузон (90)*. В алтайском языке есть вариант выражения сложным словом числительных «сорок» и «пятьдесят». Сложными в шорском языке являются и слова, обозначающие числительные 40, 50, 60, 70, 80, 90: *тӱртӱн, бежен, алтан, етен, сегизен, тогузӱн*. В отличие от всех этих языков, словосочетаниями выражаются числительные 40, 50, 60, 70, 80 в якутском; 80, 90 — в чувашском; 20, 30, 40 — в карачаевском языках. Например: якутский: *түорт уон '40', бизс уон '50', алта уон '60', сэттэ уон '70', тогус уон '90'*; чувашский: *сăкăр вун '80', тахар вун '90'*; кара-

чаево-балкарский: *эки он '20', юч он '30', төрт он '40'* (в этом языке имеется также вариант счета по двадцаткам: *эки джыйырма '40', юч джыйырма '60'*).

Эти сравнения можно продолжить с тем, чтобы обосновать мысль о том, что конкретные виды и формы числительных словосочетаний, о которых идет речь, хотя по своему принципу и обладают общей теоретической основой, различаются по языкам. В этих различиях есть, как можно убедиться, и объективные, и субъективные стороны.

В книгах по грамматике то в составе количественных числительных, то в отдельном разделе указывается еще один вид числительных, именуемых «дробными числительными»: *бешдә (бешдән) бир 'одна пятая', дөрдә (дөрдән) үч 'три четвертых'*. Как видно, и эти числительные, будучи грамматическими соединениями двух отдельных слов, являются словосочетаниями, по структуре относящимися к именным словосочетаниям типа *элиндә китаб 'книга в руке', догдан ағыр 'тяжелее горы'*.

Числительные словосочетания — свободные (грамматические) сочетания, однако цельность значения приближает их, хотя и в малой степени, к устойчивым сочетаниям слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Севортян Э. В. Крымско-татарский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
- 2 Чикобава А. С. Грузинский язык//Там же. М., 1967. Т. 4.
- 3 Кертагаев Т. А. Бурятский язык//Там же. М., Л.; 1968. Т. 5.
- 4 Тодаева Б. Х. Калмыцкий язык//Там же.
- 5 Константинова О. А. Эвенкийский язык//Там же.
- 6 Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- 7 См.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского языка. М.; Л., 1960.
- 8 Пентиев М. Хэзирки заман туркмен дилинде сажар. Чэршев, 1962.
- 9 Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- 10 Сравнительный татарский литературный язык. М., 1969.
- 11 Гусейнзаде М. Мүасир Азербайжан дили: Морфолокија. Баку, 1983.
- 12 Мүасир Азербайжан дили. Баку, 1980, 2 ч.: Морфолокија.
- 13 См. также: Андреев И. А. Чувашский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
- 14 Гаджиева Н. З. Азербайджанский язык//Там же.
- 15 Закиев А. З. Татарский язык//Там же.
- 16 Магамедов А. Г. Кумыкский язык//Там же.
- 17 Мусаев К. М. Карaimский язык//Там же.
- 18 Кенисбаев С. К., Карашева Н. Б. Казахский язык//Там же.
- 19 Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык//Там же.
- 20 Л. А. Покровская в [21. С. 119], в отличие от [9], под количественными числительными приводит числительные, состоящие из одного слова.
- 21 Покровская Л. А. Гагаузский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
- 22 См.: Азимов П., Амансариев Дж., Сарыев К. Туркменский язык//Там же.
- 23 Зејналов Ф. Р. Түрк дилләринин мүгајисәли грамматикасы. Баку, 1974. 1 ч.
- 24 Касх А. Х. Эстонский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3.
- 25 Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1.
- 26 Об этом также см.: Современный русский язык. М., 1981. Ч. 2.
- 27 Брилю Н. В., Буганов М. Г., Судник М. Р. Белорусский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1.
- 28 См.: Макаров Г. Н. Карельский язык//Там же. Т. 3.
- 29 Хямляйнен М. М. Финский язык//Там же.
- 30 Хабыев М. А. Карачаево-балкарский язык//Там же. Т. 2.

Н. А. АСИЛОВА

**ОБ ИСТОЧНИКАХ «КИТАБ АЛ-ИДРАК ЛИ-ЛИСАН АЛ-АТРАК»
АБУ ХАЙЙАНА**

Один из выдающихся ученых восточного средневековья Асир ад-Дин Абӯ Хаййāн ал-Андалуси (1256—1345) был выходцем из Испании. Араб из племени бербер, он получил образование в Египте, объездил многие арабские страны и поселился в Каире, где и начались его научные изыскания. Абӯ Хаййāн был известен в арабском мире как ученый-энциклопедист, блестящий знаток науки о языке (за что он получил псевдоним ан-Нахви *النحوي*), арабской литературы, богословия и др. В области языкознания он был последователем Сибавейхи, а затем и сам воспитал немало учеников, ставших впоследствии видными учеными. Прекрасно изучив арабский, персидский, тюркский и эфиопский языки, Абӯ Хаййāн создал ряд ценных трудов, посвященных разработке грамматики и лексикографии этих языков.

Сведения об Абӯ Хаййāне и его научной деятельности имеются во всех восточных энциклопедиях, а также в трудах западных и русских ориенталистов. Ему посвящено специальное исследование иракского ученого Хадиджи ал-Хадиси [1].

Абӯ Хаййāн написал три сочинения, посвященных тюркскому языку, из которых до нас дошло только одно: «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак».

Это сочинение Абӯ Хаййāна, дважды изданное в Турции (в 1891 г. — Мустафа-баем из Салоников и в 1931 г. — М. Ахмедом Джафероглу) [2], издавна привлекает внимание исследователей. В настоящее время мы располагаем фотокопией рукописи, хранящейся в библиотеке Вели-эддина Эфенди при мечети Баязида под № 2896 (Джафероглу условно обозначает эту рукопись латинской буквой V).

Основные источники, использованные Абӯ Хаййāном при создании его труда:

1. В кратком вступлении к «Китаб ал-идрак» Абӯ Хаййāн называет имя Шейха Фахр ад-Дина, у которого он взял все материалы словарной части трактата. Это имя довольно часто упоминается также в самом словаре при толковании отдельных слов. Например: *салача* — 'носилки, паланкин'; наш Шейх Фахр ад-Дин сказал, что *салача* 'погребальные носилки'.

По сведениям выдающегося русского тюрколога П. М. Мелиоранского, Шейх Фахр ад-Дин (631 г. х) был по происхождению турок из рода салгур *سلم* из румского городка Дурек или Дуреки (недалеко от Алеппо), знал персидский и гурецкий языки и даже написал касыду «Кавāиди лисан ат-турк». Родным языком этого шейха был салгур-

ский диалект туркменского языка, который и следует понимать под **الترکمانی** Абу Хайяна [3. С. X—XI].

Во введении османско-турецкого словаря стамбульского издания [4. С. 64] приведена краткая справка о «Китаб ал-идрак», согласно которой сочинение Шейха Фахр ад-Дина, которого Абу Хайян называет своим учителем, упоминается под названием «Касидату фи кавѣ 'иди лисан ат-турк» в «Кашф аз-зунун». **كشف الظنه**

2. В сочинении Абу Хайяна имеются также ссылки на книгу Бейлика **کتاب رسد**

Согласно сведениям К. Броккельмана, О. Прицака и А. Зайончковского, до сих пор найденное сочинение Ала ад-Дина Бейлика ал-Кифчаки «Ал-анвар ал-муди'а» послужило основным источником для более поздних работ, таких, как «Китаб ал-идрак» Абу Хайяна, «Тухфат аз-закия» анонимного автора, а также «Булгат ал-муштак фи-лу-гат ат-турк ва-л-кифчак» Джамал ад-Дина ат-Турки.

Этим и объясняется сходство многих словарных единиц в указанных источниках. В частности, Джамал ад-Дин ат-Турки, перечисляя работы своих предшественников, которыми он пользовался, первым называет «Ал-анвар ал-муди'а».

О. Прицак, ссылаясь на «Историю арабской литературы» К. Броккельмана, приводит сведение о том, что Бейлик с 1250 по 1282 год жил в Каире [5. С. 75]

Ссылки Абу Хайяна на книгу Бейлика сделаны в связи с сопоставлением толкований отдельных слов, или показывают различные их формы и фонетические варианты:

<i>təшək</i>	تشك	— ковер; в «Книге Бейлика» <i>təшək</i> تشك матрац, ложе, постель; а ковер — <i>гилим</i> کليم
<i>йанты</i>	يبطى	— покрывать, окутывать; строить, возводить, сооружать; в «Книге Бейлика»: <i>йанты</i> يبطى закрывать, запирать
<i>чимдиди</i> (ش) جمدى		— (он) ущипнул..., в «Книге Бейлика» в этом же значении: <i>чимдиди</i> جمدى
<i>қулач</i> (ش) قلج		— обхват (мера длины равная 3 м); в «Книге Бейлика» <i>қулач</i> قلج
<i>қулақ</i> قلق		— ухо; в «Книге Бейлика» <i>қулақ</i> قلق
<i>йув</i> يو		— мой, стирай; прошедшее время: <i>йуды</i> يدى в «Книге Бейлика»: <i>йуйды</i> ييدى (он) мыл, стирал.

3. Главным источником для создания «Китаб ал-идрак» послужили живые тюркские диалекты, распространенные в мамлюкском Египте в XIV веке, в особенности—кипчакский и огузский.

В период создания труда Абу Хайяна среди мамлюков, состоявших из представителей самых различных тюркских племен, доминирующим этническим элементом были кипчаки. Большое влияние имели также и туркмены, осевшие здесь еще в период правления Айюбидов. Тюркский язык Мамлюкской империи, ставший объектом исследования Абу Хайяна ал-Андалуси, был неоднороден по своему лексическому составу.

В связи с этим огромное значение приобретают лексические пометы, сделанные автором памятника в его словаре и указывающие на разли-

чия между диалектами. В них названы следующие тюркские языковые группы: кыпчаки, туркмены, турки, болгары, токсюба, уйгуры, татары и туркестанцы.

Основная часть лексики в словаре «Китāб ал-идрāk» является общетюркской, наибольшее количество помет приходится на кыпчакский диалект — 59, на туркменский — 55, турки — 5, болгарский — 3, токсюба—1, уйгурский—1, татарский—1, туркестанский—1.

Лексические пометы выполняют следующие функции:

1. Показывают принадлежность слова к какому-либо диалекту: *эсри* 'леопард, пантера' (туркм.); *сарынчқан* 'саранча' (кыпч.); *қавут* 'жареная пшеница' (кыпч.); *отув* 'остров' (токс.); *курт* 'айва' (кыпч.); *айва* 'айва' (туркм.); *кийиз* 'войлок' (кыпч.); *кәчә* 'войлок' (туркм.).

2. Показывают, что одна и та же основа в разных диалектах может выражать различные понятия: *тал-* 'уствовать, утомляться' (кыпч.); *тал-* 'нырять, окунасть, погружаться' (туркм.).

3. Указывают на диалектное значение слова, которого оно не имеет в общетюркском употреблении: *сырт* 'холм, горка'; *сырт* 'клинок, острие плуга' (кыпч.); *қар* 'снег'; *қар* 'равнинная местность' (кыпч.).

4. Указывают на фонетические варианты слова в диалектах: *ич* 'нить'—*йип* (кыпч.); *айақ* 'нога'—*азақ* (болгар.); *йағмур* 'дождь' (кыпч.)—*йағмур* (туркм.); *этик* 'вид обуви, сапоги' (турки)—*эдүк* (туркм.); *майи* 'мозг'—*бәйни* (туркм.).

В отдельных случаях лексические пометы могут служить для выявления морфологических показателей, свойственных разным диалектам:

кичичүк 'маленький' (туркм.) — кичкина 'маленький' (кыпч.).

В языке «Китāб ал-идрāk» нашли отражение следующие особенности кыпчакских наречий:

1) появление протетического *й* в начале слова: *йип* 'нить'. *йчлан* 'змея';

2) выпадение *ғ*, *г* перед согласными: *игнә*—*инә* 'игла, иголка; жало';

3) выпадение *л* перед *т*: *кәтур* 'приносить, приводить';

4) переход:

г > *й*: *эгин*—*эйин* 'плечо, лопатка'

дәгмә—*тәймә* 'каждый, всякий'

к > *й*: *бәк*—*бәй* 'правитель, эмир'

ғ > *й*: *бугдай*—*бүйдәй* 'пшеница'

ғ > *в*: *оғул*—*овул* 'сын'

ағуз—*авуз* 'молозиво'

қ > *ғ*: *оқы*—*оғу* 'читать'

х > *қ*: *хожа*—*қожа* 'старик, господин';

5) частое нарушение губной гармонии;

6) употребление только огубленного варианта словообразующего аффикса *-лы/-лу* и вопросительной частицы *-ми/-му*;

7) наличие собирательных числительных на *-аву/-эву*.

В памятнике имеется и материал, указывающий на некоторые особенности огузских наречий, которые Абү Хаййāн считает присущими туркменскому «языку». Например:

1. Переход *м* > *б*: *мән*—*бән* 'я'

майи—*бәйни* 'мозг'

мүйүз—*бөйнүз* 'рог'.

т > *д*: *этик*—*эдүк* 'вид обуви, сапоги'

тәмир—дәмир/ ~ дәмүр 'железо'
тилкү—дилкү 'лиса'.

2. Наличие форм деепричастия на -у/-ү, -йү/-йү.
3. Наличие формы настоящего-будущего времени на -йур/-йүр.
4. Наличие собирательных числительных на -ағу/-ағу, -авла/-авла.

В настоящее время нами, при участии чл.-корр. АН УзССР, проф. Э. И. Фазылова, подготовлен перевод на русский язык этого уникального произведения на основе фотоконии упомянутой рукописи. Перевод имеет принципиальные расхождения с турецким изданием А. Джафероглу, в котором обнаружены пропуски, неверные толкования, неточные переводы и др.

В частности, сопоставление рукописи с критическим текстом Джафероглу выявило следующие расхождения:

1. В критическом тексте встречаются некоторые слова, отсутствующие в рукописи V, т. е. взятые из второй рукописи, помеченной издателем латинской буквой D.

2. Имеются случаи изменения огласовок в тюркских словах: ркп. (2V, 15) *ك* ! *өркүч* 'горб верблюда'

крит. текст (11, 1) *أركيح* *эркүч*

3. Встречается неправильное толкование слов:

1) ркп. (3V, 1) *اشق الكعب*

крит. текст (14, 17) *اشق الكعب*

الكعب — бабка, кость (игральная)

2) ркп (9V, 12) *بتر - النمر*

крит. текст (33, 12) *بتر - المر*

المر — точило, точильный камень

المر — трогание, касание.

Можно также указать на неправильное толкование слов *сүрчәк*, *киши*, *көшәк*, *көпиди*, *қавра* и др.

Подобные расхождения и недочеты будут учтены в нашей дальнейшей работе над памятником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хадиджа 'Абд ар-Раззак ал-Хадиси. Абу Хайян ан-Нахви. Багдад, 1966. На араб. яз.
2. Ahmet Caferoğlu. Kitāb al-Idrāk li-lisān al-Atrāk. Endülüsli Esiriddin Abū Naḡyān eseri. İstanbul, 1931.
3. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. Спб., 1900.
4. Osmanlıçadan Türkçeye söz karşılıkları. Tarıma dergisi. İstanbul, 1934. С. 1.
5. Pritsak O. Das Kiptschakische//PhTF. T. I.

Н. Ч. МУСАБЕКОВА

ПРОБЛЕМА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ГИДРОНИМОВ АЗЕРБАЙДЖАНА. ТИПОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ГИДРОНИМОВ

Каждый язык, группа родственных языков обладают своим набором типовых топооснов и конструкций топонимов, что обусловлено географическими, этнографическими и рядом других экстралингвистических реалий и особенностями самих близкородственных языков, носители которых участвуют в производстве географических наименований.

Типовые топоосновы и топоформанты на определенном этапе развития языка, сочетаясь друг с другом в определенных комбинациях, создают многообразие топонимов, которое еще более увеличивается в тюркских языках благодаря участию в образовании географических названий структурно разнообразных географических номенов (терминов) и активно действующему у тюрков способу образования различных типов топонимов путем трансонимизации, которая позволяет сохранить в языке неразрывность «ономастического фронта» [1. С. 151]. Изучение словообразовательных моделей каждого из уровней топонимов республики (ойконимов, оронимов, гидронимов и т. п.) и последующее сопоставление типовых конструкций всех указанных срезов позволит в дальнейшем выявить набор типовых и раритетных основ и конструкций для Азербайджана, а затем поставить вопрос более широко — взяться за решение проблемы выявления общего фонда типовых основ и конструкций географических названий с более широким охватом — всех тюркоговорящих зон регионов СССР.

Настоящая статья является попыткой выявления и вычленения типовых конструкций гидронимов Азербайджана на основе анализа 2070 наименований макро- и микрообъектов водного ландшафта республики, представляющих собой гидронимы, образованные сочетанием как исконно тюркских основ и формантов, так, и иноязычных основ (иранских, иберо-кавказских и других по языковому происхождению) с тюркскими и иноязычными формантами и географическими номенами (далее — ГН) в согласии с традициями и принципами азербайджанского языка.

В обширном классе гидронимов Азербайджана можно выявить три типа гидронимов в соответствии со способом их образования: лексико-семантическим, морфологическим или синтаксическим.

Некоторые исследователи [2. С. 6] считают, что лексико-семантический способ не следует относить к числу способов образования имен в ономастике, хотя нам кажется, что изменения в статусе лексем, сопряженные с перегруппировкой в семантике апеллятива при переходе его в ранг гидронима, субстантивация имен в процессе этих преобразо-

ваний позволяют рассматривать его как переходный к собственно словообразованию. Наш интерес к этому способу образования гидронимов обусловлен тем, что он является одним из наиболее продуктивных.

Полученные лексико-семантическим путем гидронимы образуют два типа имен: 1) так называемые первичные, возникшие из апеллятивов без деривации; 2) вторичные, возникшие путем трансонимизации без участия деривационных аффиксов. И в том и в другом случае — это эллиптированные образования, в которых опущен ГН, следующий непосредственно за топонимом.

Первичные гидронимы представлены двумя разновидностями конструкций, основа которых образована от апеллятива-имени и апеллятива-глагола. Первая группа по численности и семантическому многообразию основ превосходит вторую. Так, в качестве первооснов гидронимов, образованных от имен, могут выступать зоонимы: р. Сугуу (<сугуу 'ястреб'); оз. Goşgar (<goşgar 'баран; бараний'); минерал. источник Songar (<şongar 'сокол') и т. д.; фитонимы: р. Bāpövşä (<bāpövşä 'фиалка'); оз. Kāndalaş (<kāndalaş 'бузина') и др.; слова-цветообозначения: канал Sary (<sary 'желтый') и т. д.; слова, указывающие на чистоту и прозрачность воды: р. Murdar (murdar 'грязный, гадкий'); оз. Tāmiz (<tāmiz 'чистый') и т. д. Группа отглагольных гидронимов образована в основном от наименования рек, а основы их — глагольные апеллятивы — отражают интенсивный, бурный характер течения последних: рр. Govga (<govga 'собираться, скопляться'); Toxoş (<toxoş 'драться, сражаться') и т. д.

Вторичные гидронимы по лексико-семантическому наполнению и статусу онимов, участвующих в их образовании, можно подразделить на несколько типов, основу которых составляют: а) гидронимы; б) ойконимы; в) оронимы; г) этнонимы; д) антропонимы.

Гидронимы отгидронимического происхождения дают две разновидности имен: 1) образованные от гидронимических номенов: рр. Axtaz (<axmaz — азерб. 'пруд, старица в бассейне р. Куры в Азербайджанской ССР'); Bulag (<bulag 'родник'); оз. Nohur (<nohur — тюрко-монг. 'озеро, водоем'); Sala (<çala 'пересыхающее озеро; замкнутая котловина с луговой и солончаковой растительностью' [З. С. 606]); родник Gajpata (<gajpata 'источник, родник') и т. д.; 2) образованные способом трансгидронимизации, т. е. от географических имен другого порядка, представляющих собой либо двусоставное по структуре имя: р. Boşbulag по роднику Boşbulag (<boş 'пустой'+bulag); оз. Samurbulag по роднику Samurbulag (<samur 'ил, глина, грязь'+bulag) и т. д., либо лексикализованное словосочетание: р. Vaş Bulag по роднику Vaş Bulag (<vaş 'главный; верхний'+bulag); р. Bōjūktāpā Bulag по роднику Bōjūktāpā Bulag (<Bōjuk tāpā—название горы ('большой холм')'+bulag) и т. д.

Примерами конструкций вторичных гидронимов, образованных от ойконимов, могут служить: р. Galakānd по с. Galakānd (<gala 'крепость, укрепление' + kānd 'деревня'); оз. Sarydaş по названию летовки Sarydaş (<sary 'желтый'+daş 'камень'); минерал. источник Suxurjurd по с. Suxurjurd (<çuxur 'яма, впадина'+jurd 'село' [З. С. 643]) и т. д.

Наиболее многочислен и разнообразен подтип единиц, образованных от оронимов, что связано, очевидно, с преобладанием горного ландшафта на значительной части территории республики и характерным для гидронимии Азербайджана принципом наименования рек, озер, каналов по горам, холмам, ущельям, где протекают реки, размещаются озера, проложены каналы и т. п. Это, к примеру, следующие гидронимы, в которых нашли отражение названия гор, скал, возвышенностей: рр.

Gabagtäpə по холму Gabagtäpə ('тыквенный холм'); Däliday по горе Däliday ('гора племени дели/делиляр'); оз. Duzday по горе Duzday ('соленая гора'); минерал. источник Daryday по горе Daryday ('просяная гора; гора, где посеяно просо') и т. д.; долинам, степям, ущельям: р. Alpoutdärä по ущелью Alpoutdärä ('ущелье племени алпоутов'); оз. Ajy-talasy по равнине Ajy-talasy ('медвежья равнина'); родник Mešädäräsi по ущелью Mešädäräsi ('лесное ущелье') и др.

Большим разнообразием имен отличаются подтипы вторичных гидронимов, образованных от этнонимов: рр. Bajandyg — от этнонима bajandyg; Gурçag — от гурçag; канал Baharlu — от baharlu; канал Kürd — от Kürd и т. д., и антропонимов. В составе последних выделяются вторичные гидронимы, берущие начало от однокорневых антропонимов: р. Fätäli; оз. Mehman; канал Ajaz; родник Abbas и т. д.; двукорневых: р. Gagaturad (Gaga + Murad); р. Mämmädsäfi (Mämmäd + Säfi) и др. К отантропонимическим гидронимам примыкают гидронимы, образованные сочетанием тесно сросшихся и ныне воспринимаемых как единое целое имени собственного и титула лица: родник Älibäj (Äli + bäj 'бек') и т. д.

Относительно менее продуктивным является морфологический, или аффиксальный, способ гидронимообразования. Лишь 17% собранных нами гидронимов образованы с помощью аффиксов, причем из них более половины составляют дву- и трехкомпонентные гидронимы и лишь малую часть — однокомпонентные.

Неравномерно аффиксальные образования распределяются и по разрядам гидронимических названий. Так, коэффициент их наиболее высок среди наименований каналов, водохранилищ ($\approx 29\%$) и озер ($\approx 20\%$), что объясняется, скорее всего, необходимостью, с одной стороны, выдержать в географическом названии принцип описательности (ведущий в тюркском топообразовании), а с другой — придать имени наиболее компактную форму с использованием минимума языковых средств, и относительно низок среди названий минеральных источников, родников ($\approx 17\%$) и рек ($\approx 16\%$).

Рассмотрим типовые конструкции, наиболее продуктивные в системе гидронимообразования Азербайджана, — конструкции с тюркскими аффиксами именного словообразования -ly°, -lyg°.

Формант -ly°, сочетаясь с основной-апеллятивом или основной-топонимом разного ранга (ойконимом, оронимом и т. п.) в составе гидронимического образования, привносит в последнее широкий спектр значений: 1) обладания, наделенности качеством, свойством, предметом по исходной основе; 2) различной антропо-этногеографической принадлежности отнесенности по исходной основе.

Примером первого может служить участие -ly° в образовании одно- и многосоставных гидронимов: рр. Sorlu (<šor 'соль' + -lu → 'соленая'); Dämirlisu (<dämir 'железо; железный' + -li- + su 'вода, река' → 'железистая вода, река'); родник Armudlubulag (<armud 'груша' + -lu- + bulag 'родник' → 'грушевый родник'); родник Ijlilbulag (<ij 'запах' + -li- + bulag 'родник' → 'родник с запахом; обладающий запахом'); оз. Gamyşly (<gamuş 'тростник, камыш' + -ly → 'камышовое, т. е. озеро с произрастающим по его берегам камышом') и др.

Примером реализации второго типа значений форманта -ly° в составе гидронимов могут быть следующие конструкции: оз. Mämmädli (<Mämmäd — муж. имя собств. + -li → 'озеро Мамеда'); канал Mälikumudluarx (<Mälikumud — муж. имя собств. + -lu- + arx 'канал' → 'канал Меликумуда'); канал žäjrilarx (<žäjr — этноним джаир + -li- + arx 'канал' → 'канал племени джаир'); рр. Zayaly (<zayä 'пещера, грот' +

-ly→‘пещерная’); Çajlagly (<çajlag ‘сухое русло реки’ + -ly→‘река, имеющая сухое русло’) и т. д.

Значительное число вариантов значений вносит в гидроним и аффикс -lug^o: 1) свойства, качества, состояния: р. Sosuzlug (<sosuz — диал. ‘беспородный, бездетный’ [4] + -lug→‘бездетность’) и др.; 2) места изобилия объектов природы: рр. Guzgunlug (<guzgun/guzgun — диал. ‘ястреб’ + -lug→‘река, текущая в местности обитания ястреба’); Zäjlikçaj (<zäj ‘квасцы’ + -lik- + çaj ‘река’→‘река, текущая в местности, богатой залежами квасцов’) и т. д.

Отметим также конструкции с аффиксами именного словообразования -žä^o: рр. İläžä (<ilä ‘ясный, прозрачный’ + -žä→‘почти прозрачная’); Daşlyža (<daş ‘камень’ + -ly- + ža→‘несколько камениста’) и т. д.; -žuy^o: р., родник Galažik (<gala ‘крепость, замок’ + -žik ‘маленькая крепость’) и т. д.

Из аффиксов глагольного гидронимообразования наиболее продуктивны аффиксы причастий, которые придают новообразованиям особую яркость, описательность, своеобразие.

По структуре и семантике гидронимы причастные конструкции подразделяются на несколько подтипов: 1) односоставные аффиксальные: канал Gazyaп (<gaz-/gazy- ‘рыть, вскапывать’ + -yaп/-aп→‘роющая, вскапывающая’) и др.; 2) двусоставные определительные детерминативные (большая группа имен): канал Gurujanarx (<guru- ‘высыхать, иссякать’ + jaп- + arx ‘канал’→‘высыхающий, иссякающий канал’) и др.; 3) гидронимы причастные словосочетания с субъектом (большая группа имен): рр. Atabatan (<ata ‘отец’ + bat- ‘утопить, идти ко дну’ + -aп→‘топящий отец’); Dämiraпararçaj (<dämira ‘железо’ + araп- ‘нести, относить’ + -aп- + çaj ‘река’→‘река, несущая железо’) и др.; 4) гидронимы причастные словосочетания с объектом: р. Adamöldüräп (<adam ‘человек’ + öldür- ‘убивать’ + -äп→‘убивающая человека’); оз. Kürbaxarşor (<Kür — р. Кура + bax- ‘смотреть’ + -aп- + sor ‘соленое озеро’→‘соленое озеро, обращенное к р. Кура’) и т. д.

Как можно заметить, две последние подгруппы по форме и смысловой связи компонентов могут быть сравнены с предложениями, причем гидронимы причастные словосочетания с субъектом, включая в свою структуру гидронимен, создают иллюзию полного предложения, т. к. в них вокруг глагольной формы (центра структуры) сгруппированы существительные и ГН в форме основного падежа, а гидронимы причастные словосочетания с объектом ввиду отсутствия последнего напоминают составно неполные предложения.

Аффиксы словоизменения реже глагольных участвуют в образовании гидронимов края. Среди них можно выделить аффиксы множественности — собирательности -lar/-läг: р. Läkilär (<läk/läki — этноним ляк/ляки [5. С. 64] + -läг→‘ляки’); оз. Nažylarg’öl (<Nažu — Гаджи ‘мусульманин, совершивший паломничество в Мекку’ + -lar- + g’öl ‘озеро’→‘озеро Гаджей’) и т. д.; родительного и дательно-направительного падежей.

Из иноязычных аффиксов в гидронимообразовании наиболее продуктивными являются иранские по происхождению аффиксы места: -aп; -ma/-na; -stan/-slan/-lan; -rd [6. С. 152—159]: р. Zäng’ilan (<zäng’i — этноним зенги [7. С. 147] + -lan→‘место племени зенги’); оз. Talyslan; р. Talyslançaj/Talystançaj (<talys/talyš — этноним талыш + -lan/-stan- + çaj ‘река’→‘озеро; река талышей’); иберо-кавказские аффиксы места -ut/-it [8. С. 21—22]; р. Läkät (<läk — этноним ляк [5. С. 64] + -it→‘место племени ляков’); русские аффиксы -к-; -овк-; -инк-; -ск-; -инск- со значением ‘объект, характеризующийся признаком по

исходной основе'; р. Астраханка (<Астрахан/ь — г. Астрахань + -к(а)→ 'маленькая Астрахань'); Камышовка (<камыш 'тростник, камыш' + -овк(а)→ 'тростиночка'); Каспийское море (<каспи—этноним каспи [9. С. 15—16] + -ск(ое)→ 'море каспиев') и т. д., присоединяющиеся к тюркским и иноязычным основам.

Как видно, в системе конструкций, образованных морфологическим способом, нет такого разнообразия структурно-семантических моделей, как в случае имен, образованных лексико-семантическим путем.

Наиболее продуктивным, ведущим, охватывающим огромное количество разноструктурных имен и отражающим особенности тюркского топообразования, характеризующегося повышенной продуктивностью форм, которые построены по модели изафетных конструкций I и II типов, является синтаксический способ. В системе тюркских языков в качестве основной единицы топопроизводства он выдвигает словосочетание, выступающее в гидронимобразовании во всем многообразии своих видов и подвидов. Так, только по признаку составности выделяются три подвита: дву-, трех- и четырехсоставные конструкции; по признаку синтаксической связи компонентов словосочетания-гидронимы делятся на определительные I типа, где связь компонентов обеспечивается простым порядком слов — примыканием (определительные детерминативные словосочетания) и II, где синтаксическая связь дополняется морфологической, т. е. при определяемом стоит аффикс принадлежности 3 л. (определительные притяжательные словосочетания). Неоднородны и детерминанты, входящие в структуру гидронимов определительных детерминативных словосочетаний. Это могут быть как собственно ГН рек, озер и т. д., так и определители другого рода.

Самый обширный разряд многосоставных гидроимен, образованных синтаксическим способом, составляют двусоставные гидронимы, объединяющие гидронимы определительные детерминативные двусоставные словосочетания (далее — ДДО) и гидронимы определительные притяжательные двусоставные словосочетания (далее — ДПО). Каждая из двусоставных конструкций распадается на подтипы в соответствии с лексико-семантическим признаком мотивирующей основы, сочлененной в составе гидронима с ГН. Так, в качестве производящей основы могут выступать различные в лексико-семантическом плане апеллятивы [10] (рр. *Auçaj*, *Sov*—цвет воды; оз. *Şorg'öl*—вкус воды; родник *Bulanıysu*—чистота воды; канал *Dıkarx*—форма русла и т. п.); гидронимы и гидронимы другого уровня (оз. *Nohurg'öl*; родник *G'ölbulağ*; рр. *Sarybulagçaj*, *G'öjg'ölçaj* и т. д.); оронимические термины и оронимы (рр. *Mağaraçaj*, *Talaçaj*, *Ağgajaçaj*, *İlydäräçaj* и т. д.); ойконимы (рр. *Aydaşsu*, *Astaraçaj*; канал *Ne'matabadarx* и т. д.); этнонимы (р. *Balharu*—от этнонима *balhar/bolgar* [8. С. 8]; канал *Alpoutarx*—от *alpout* [12. С. 35—36; 8. С. 108; 5. С. 25]; антропонимы (родник *Nijazbulag*; канал *Mursalagx* и т. д.), сочетающиеся с тюркскими и иноязычными ГН различных водных объектов среды.

Гидронимы типа ДПО также обладают своеобразием, которое обусловлено принятием определяемым аффикса притяжательности 3 л. ед. ч. -*su*^o или -*y*^o: конструкции этого типа указывают либо на принадлежность рек оронимическим объектам: рр. *Ajydäräst* ('река медвежьего ущелья'); *Mejdandäräsi* ('река долины, плато') и т. д., либо на место истока реки: рр. *Gumbaşu* (<*gum* 'песок, песчаный' + *baş* 'голова; верхняя часть' + -*y*→ 'река, стекающая с песчаного высокого места (пригорка?)'); *Daşalty* (<*daş* 'камень; каменный' + *alt* 'низ; нижняя часть' + -*y*→ 'река у подножия камня') и т. д., либо принадлежность че-

му- или кому-либо: р. Kilsäsüju (река христианского храма); Läg'isuju (река лезгин) и т. д.

Аналогично строятся трехсоставные гидронимы, распадающиеся на подтип определительных детерминативных (ТДО) и определительных притяжательных (ТПО). Необходимо лишь отметить, что в качестве мотивирующих основ ТДО выступает несколько более узкий в лексико-семантическом плане класс слов-апеллятивов: рр. Gyzylyboğazg'öl (озеро с золотым проходом (песчаным?)); Istisučaj (река с теплой водой); оз. Ağıgobuaxmaz (озеро-старица в форме кривой отлогой балки), реже используются этнонимы: р. Dapajerčaj (река местности племени дана/тана [13. С. 71]); канал Täklägolarx (рукав канала племени текля (текели) [14. С. 147; 5. С. 78]) и т. д.; антропонимы: оз. Adlayag'öl (озеро господина Адиля); оз. Pıristmajlnohur (озеро святого Исмаила); канал Nadırşaharx (канал шаха Надира) и т. д.

Группа гидронимов типа ТПО сравнительно более молодая и включает в себя в основном наименования каналов, водохранилищ, построенных в советское время по модели: КАНАЛ ИМЕНИ КОГО-ТО, ЧЕГО-ТО; КАНАЛ, ОЗЕРО КОГО-ТО и ЧЕГО-ТО: «Araz»su govşayunp su anbarı (водохранилище гидроузла «Аракс»); Samur-Abşeron qanalı (Самур-Апшеронский канал); Azizbəjov adyna qollektor (коллектор им. Азизбекова) и т. д.

Единичны случаи использования четырехсоставных конструкций: определительных детерминативных (оз. Pərigüngyl Alag'öl 'озеро равнины с пятнами разных почв и растительности, где позвякивают пери' и др.) и притяжательных определительных (оз. Azyzbir Dävāci Liman 'озеро с одним отверстием (выходом), расположенное в Дивичах' и др.), представляющих собой сложные тяжеловесные образования, не типичные для азербайджанского языка.

Итак, нами вкратце рассмотрены основные типы конструкций гидронимов Азербайджана, образованных на базе использования лексико-семантического, морфологического и синтаксического способов гидронимообразования. Анализ представленных в статье единиц, а также лингвистическое исследование гидронимов картотеки в целом позволяют автору сделать ряд общих выводов: о численном превосходстве и качественном разнообразии единиц, образованных лексико-семантическим и синтаксическим способами; о типичности для гидронимии Азербайджана использования конструкций, образованных без участия деривационных аффиксов, с помощью синтаксической связи примыкания, путем агглютинации основ и ГН в составе образуемых гидронимов; о высокой степени продуктивности двух- и трехкомпонентных словосочетаний изафетного типа I и II рангов в продуцировании гидроимен, в которых наиболее полно и ярко выдерживается принцип экономии языковых средств, компактности конструкции, сочетающийся с максимальной описательностью, информативностью — непреложной основой и особенностью тюркской топонимики в целом; о сильном влиянии экстралингвистических факторов на формирование гидронимического лица Азербайджана и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подольская Н. В. Типовые восточно-славянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983.

² Она же. Восточно-славянские типовые исходные топоосновы//Имя нарицательное и собственное/Под ред. А. В. Суперанской. М., 1978.

³ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.

- ⁴ Азербайжан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри. Бақы: Азерб. ССР ЕА Нәшријјаты, 1967. 1 н.
- ⁵ Әһмәдов Т. М. Ел-обамызын адлары. Бақы: Кәнчлик, 1984.
- ⁶ Савина В. И. О типах словообразования топонимов Ирана//Топонимика Востока. М.: Наука, 1964.
- ⁷ Ономастика Востока. М.: Наука, 1980.
- ⁸ Ахундов А. А. Торпағын көксүндә тарихин изләри. Бақы: Кәнчлик, 1983.
- ⁹ Алиев К. К вопросу о племенах Кавказской Албании//Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л., 1960.
- ¹⁰ О лексико-семантических полях основ гидронимов более подробно изложено в [11. С. 155—157].
- ¹¹ Мусабекова Н. Ч. Лексико-семантический анализ гидронимов Азербайджана: Система лексико-семантических полей основ гидронимов (постановка проблемы)//Материалы 9 Респ. науч. конф. аспирантов вузов Азербайджана. Баку: АЗПИ им. Ч. Ильдрима, 1987.
- ¹² Алиев А. И. Топонимия западных районов Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1975.
- ¹³ Гейбуллаев Г. А. О происхождении некоторых этнопонимов Азербайджана (Галагаин, Гаялы, Гаргалыг, Даначы, Улашлы)//Докл. АН АзССР. 1978. Т. 34, № 11.
- ¹⁴ Агаев Г. Д. Данные этнопонимии о расселении тюркоязычных племен в Азербайджане XI—XV вв.//Этническая ономастика. М.: Наука, 1984.

М. Ф. ЧЕРНОВ

НЕСВОБОДНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ПЕРИФРАЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди глагольных фразеологических сочетаний особое место занимают словесные группы, соотносимые по смыслу с глаголами: *вайран кай* 'обессилеть, ослабеть' — *вайсарлан* 'обессилеть, ослабеть (физически)', *саймах (халап) вакла* 'разговаривать (много, со всеми подробностями)' — *саймахла, халапла* 'разговаривать, беседовать; толковать', *айса кёр* 'образумиться' (букв.: войти в разум) — *айслан* 'поумнеть, стать умным, умнее', *наяна пер* 'лодырничать, гонять лодыря' — *наянлан* 'бездельничать, лениться'.

В существующих исследованиях названные конструкции не выделяются в особую категорию, а рассматриваются в общей массе глагольных словесных соединений, квалифицируемых как составные или сложные глаголы. Подобные глагольно-именные соединения слов, соотносимые по смыслу с глаголами, мы называем глагольно-именными перифразами, учитывая при этом тот факт, что в чувашском языке существуют и другие структурно-семантические типы глагольных перифрастических сочетаний. К ним, в частности, относятся сочетания типа «подражательное слово» — глагол *ту* 'сделать' (*ахъл-ахъл ту* 'хотать', *вёлт-вёлт ту* 'мелькать', *карт ту* 'вздоргнуть', *пай ту* 'шипеть', *шатър ту* 'треснуть, хрустнуть') и словесные соединения типа «инфинитив русского глагола» — глагол *ту* 'сделать' (*служить ту* 'служить', *судить ту* 'судить', *евит ту* 'заявить', *торговать ту* 'торговать'). Сочетания названных структурных типов образуются в процессе речи в соответствии с существующими в языке моделями, т. е. они являются свободными сочетаниями слов. Глагольные перифразы, представляющие собой соединения подражательных слов с глаголом *ту* 'сделать', — это весьма продуктивный тип сочетаний слов, они получили одинаково широкое распространение и в разговорной речи, и в литературном языке.

Глагольные же перифразы типа «инфинитив русского глагола» — *ту* 'сделать' типичны для разговорного языка, в литературный же язык вошли лишь отдельные из них, следовательно, с точки зрения норм книжной речи соединения *служить ту* и ему подобные являются несвободными соединениями слов.

Глагольно-именные же перифразы, в отличие от упомянутых разновидностей перифраз, как правило, выступают в виде несвободных сочетаний, или фразеологизмов.

Характерной особенностью несвободных глагольных перифраз является смысловая соотношенность с глаголами. Это важное их свойство проявляется не только в том, что они так же, как и глаголы, обозна-

чают действие или состояние, но и в структурном своеобразии: общность содержания, выражаемого глагольной перифразой и глаголом, основывается на совпадении основы именного компонента глагольного сочетания и глагола. Ср.: *чап ил* 'прославиться' — *чаплан* 'прославиться, покрыть себя славой', *ӓс ил* 'приобрести ум, стать умным, умнее' — *ӓслан* 'умнеть, становиться умнее', *сѣнӓ пар* 'дать предложение, предложить' — *сѣн* 'рекомендовать, советовать', *элек пар* 'клеветать, наушничать' — *элекле* 'клеветать, возводить поклеп; наушничать', *канаши ту* 'советоваться' — *канашла* 'советоваться; совещаться', *мӓшкӓл ту* 'издеваться; порочить' — *мӓшкӓлла* 'издеваться, глумиться, измыряться; порочить, позорить', *тӓкак ту* 'расходоаться, тратиться' — *тӓкаклан* 'расходоаться, тратиться', *вӓйран ӓк* 'ослабеть, обессилеть' — *вӓйсӓрлан* 'обессиливать, слабость (физически)'.

Смысловым ядром рассматриваемых перифраз является именной компонент, который, как правило, выступает в качестве основной морфемы, совпадающей с основой глагола, а глагольный член имеет лексико-грамматическое значение, его функция в составе перифрастических сочетаний аналогична функции глаголообразующих морфем. Ср.: *кӓмӓл ту* 'желать, хотеть' — *кӓмӓлла* 'желать', *сӓтӓр ту* 'наносить вред, причинять ущерб' — *сӓтӓрла* 'вредить, приносить вред, наносить ущерб, урон', *манӓс ту* 'привести к забвению, предать забвению' — *ман* 'забыть', *чыс пар* 'почтить' — *чысла* 'чтить, почитать', *ответ пар* 'дать ответ, ответить' — *ответле* 'отвечать'.

В чувашском языке в именной, или субстантивной, части несвободных глагольных перифраз главным образом выступают имена существительные, причем они обычно служат производящей основой глаголов, с которыми по значению соотносятся глагольные перифразы. Ср.: *кӓле яр (хур)* 'запереть на замок' — *кӓлеле* 'запирать на замок', *сӓвӓ кала* 'петь хороходные песни' — *сӓвӓла* 'петь в стихах; складывать стихи', *сӓскене лар* 'цвести' — *сӓскелен* 'цвести'.

Нередко субстантивная часть перифраз выражается именами прилагательными, которые также легли в основу образования синонимичных с ними простых глаголов: *начара тух* 'ослабеть, одряхлеть' — *начарлан*: 1) 'исхудать, истощиться'; 2) 'ухудшиться', *юрӓхсӓра тух* 'прийти в негодность' — *юрӓхсӓрлан* 'сделаться негодным', *япӓха кай(тух)* 'прийти в запущенное состояние, в запустение' — *япӓхлан* 'прийти в упадок, в запустение', *юрла ер(тух)* 'обеднеть' — *юрлан, юрӓлан* 'беднеть'.

В отдельных случаях в качестве субстантивной части глагольно-именных перифрастических сочетаний могут выступать имена существительные, образованные от соотнесенных с ними глаголов: *манӓса тух (юл)*: 1) 'быть забытым, быть преданным забвению'; 2) 'отойти в прошлое, кануть в вечность' — *манӓс* 'забыться, предать забвению', *тавлашӓва кӓр* 'вступить в спор' — *тавлаш* 'спорить', *чӓркӓша кӓр* 'придираться' — *чӓркӓш* 'придираться; скандалить'.

В составе глагольных перифраз, как правило, употребляются глаголы с широкой семантикой. Отличительной особенностью этих словосочетаний является способность видоизменять свое значение в зависимости от семантики сочетающихся с ними именных слов. Именные компоненты представляют собой смысловой центр перифраз, с их помощью значение глагольного слова приобретает реальное содержание, а наличие глагольного компонента придает всей фразе свойство глагольности. Таким образом, происходит слияние имени с грамматическими свойствами глагола, т. е. образуются несвободные аналитические структуры. Характерной особенностью глагольных компонентов в сочетаниях

рассматриваемого типа, как и слов с фразеологически связанным значением, является синсемантичностью, т. е. отсутствие у них самостоятельной знаковой функции и, следовательно, автономного лексического значения. Эту функцию они приобретают в сочетании с одним фиксированным словом (*пурнăçа кĕр* 'осуществиться, воплотиться в жизнь' — *пурнăçлан* 'претвориться, провестись в жизнь, реализоваться') или рядом фиксированных слов (*айăпа кăлар* 'обвинить' — *айăпла* 'винить, обвинять', *манăçа кăлар* 'предать забвению, забыть' — *ман* 'забыть, запомнить', *пăрахăçа кăлар*: 1) 'привести в негодность'; 2) 'отменить'; 'упразднить', 'аннулировать' — *пăрахăçла*: 1) 'браковать'; 2) 'отменять, аннулировать'). Синсемантичность глагольных слов вызвана тем, что они в составе глагольных перифраз в той или иной степени подвергаются десемантизации. Утрата реально-вещественного содержания глаголами происходит в разных сочетаниях в разной степени, но, как правило, обуславливает такие их особенности, как особый характер отношений между компонентами (отсутствие между ними отношений грамматической зависимости и, следовательно, отношения определения к определяемому) и развитие аналитичности всей конструкции в целом (в речи функционируют как неделимые, целостные словесные соединения, в предложении выступают в качестве одного члена). Смысловая целостность глагольных перифраз функционально сближает их со словами, в данном случае с глаголами. Перифрастические сочетания, как и глаголы, в целостном виде соотносятся с «кусочками» действительности, иными словами, соединения *кутăна пер* 'упрямиться', *хуйха пут* 'впасть в горе' связаны с теми же референтами, что и глаголы *кутăнлан* 'упрямиться, капризничать', *хуйхăр* 'горевать, печалиться, скорбеть'.

Наблюдения показывают, что в чувашском языке глаголы в несвободных глагольно-именных перифразах обычно не подвергаются полной десемантизации, выражаемые ими значения в известной мере сохраняют связь с системой других (свободных и несвободных) значений, с помощью семантически опорных именных слов реализуют присущее им значение и придают всему сочетанию в целом категориальное значение глагольности, или процессуальности (строевая функция) [1. С. 28—31]. Однако степень утраты глагольными компонентами перифраз реального значения бывает различной: одни глаголы претерпевают десемантизацию в меньшей степени, другие — в большей. Это, по-видимому, связано со своеобразием семантической структуры глагольного слова, употребляющегося в связанном значении. У одних глаголов логическое ядро более или менее отчетливо проявляется, а у других оно отличается неопределенностью.

В зависимости от различной степени утраты глаголами вещественного значения анализируемые глагольно-именные перифразы условно можно разделить на две группы: 1) перифразы, в которых глагольный компонент в меньшей степени подвергается десемантизации; 2) перифразы, в которых глагольный компонент в большей степени подвергается десемантизации. К первой группе, в частности, принадлежат словесные соединения, образуемые реализацией фразеологически связанного значения 'испытывать, переживать, переносить (что-либо тяжелое, бедственное, неприятное)', свойственного глагольной лексеме *кур* ('видеть') [2]: *асап кур* 'мучиться, страдать' — *асаплан* 'мучиться, страдать', *нĕша кур* 'терпеть муки, мучения, страдания; попасть в беду' — *нушалан* 'мучиться, страдать, испытывать мучения, страдания', *намăс кур* 'опозориться, осрамиться' — *намăслан* 'опозориться, осрамиться', 'быть опозоренным' (ср.: *намăсланса пĕт* 'опозориться вконец'), *мăшкăл кур*:

1) 'терпеть издевательства'; 2) 'опозориться' — *майшкъллан* 'терпеть издевательства, позор', *инкек кур* 'попасть в беду' — *инкеклен* 'попасть в беду'.

Если в глагольно-именных перифразах первой группы относительно четко проявляются и лексическое, и грамматическое значения глагольного члена, то в глагольно-именных перифразах второй группы грамматическое значение, выражаемое глаголом, преобладает над лексическим. глагол больше выполняет строевую функцию, нежели номинативную, он манифестирует обобщенное значение действий. Тем не менее глагол и в перифразах рассматриваемой группы — не полностью десемантизированный компонент, выступающий лишь как морфологизованный элемент, в определенной степени он сохраняет свою индивидуальную семантику, связанную с системой свойственных ему других значений. По этой причине нельзя, на наш взгляд, рассматривать глаголы в составе перифрастических сочетаний лишь как средства языка, выполняющие строевую функцию. Так, в частности, глагольные компоненты *ту* 'сделать' и *пар* 'дать' в перифразах, хотя и претерпевают десемантизацию в сильной степени, полностью не превращаются в строевые элементы, несмотря на то, что связанность выражаемых ими значений обусловлена их строевой функцией. Это хорошо видно из сопоставления значений глагольно-именных перифраз со значениями соотносительных с ними глаголов. Например, перифраза *чыс пар* означает 'почитать', и соответствующий ему синонимичный глагол *чысла* тоже имеет значение 'читать, почитать'. Но это не значит, что сопоставляемые единицы совершенно идентичны по смысловым и стилистическим оттенкам. Значение, выражаемое глаголом *чысла*, относится к нейтральному стилю речи, а значение перифразы *чыс пар* — к книжному стилю. И это стилевое своеобразие значения 'читать, почитать' создается употреблением глагола *пар* 'дать' в составе глагольно-именного сочетания. Следовательно, компонент *пар* 'дать' — это не только показатель грамматического значения, он содержит и определенную семантическую информацию, которая, сливаясь со значением семантически ключевого слова, создает значение, связанное с определенным конкретным действием, состоянием. И данное значение вступает в синонимические отношения со значением соотносительного с перифразой глагола.

Как было отмечено, несвободные глагольно-именные перифразы — это составная часть глагольных фразеологических сочетаний. Вполне закономерно, что им свойственны все черты последних: семантическая спаянность компонентов (односторонняя смысловая зависимость), социально закрепленная устойчивость значения и лексико-грамматического состава, призванного выражать данное значение, воспроизводимость в речи. От других видов глагольных фразеологических сочетаний их отличает только то, что они имеют общую основу с глаголами, с которыми состоят в синонимических отношениях. И данное свойство послужило основанием для выделения их в особую категорию глагольных фразеологических сочетаний.

Глагольно-именные перифразы — не семантические дублиеты простых глаголов. В языке не бывает полного совпадения значения перифразы со значением (или значениями) соотносительного с ней глагола. Правильно говорить лишь о соотносительности значений сопоставляемых единиц.

Содержание перифрастических соединений слов, как правило, характеризуется коннотативностью, т. е. осложняется добавочными значениями, связанными с разным рода экспрессивно-эмоционально-оценочными оттенками, со стилистической окрашенностью. Ср.: *аса ѓк* 'вдруг вспомниться, припомниться' — *астуса ил* 'вспомнить'; *силё тыт*

‘разгневаться, быть разгневанным’ — *шиллен* ‘сердиться, злиться’, *хыпар кӳр* ‘принести весть, известить’ — *хыпарла* ‘сообщать, извещать, уведомлять, информировать’, *кӑмӑл ӳкрӗ* ‘влюбиться’ — *кӑмӑлла* ‘любить кого-, что-либо’.

Большинство глаголов стилистически нейтрально. Причем многие глагольные лексемы, в отличие от существительных и прилагательных, характеризуются широкой семантикой. Это можно проиллюстрировать и на примере глаголов, которые имеют соотнесенные с ними глагольно-именные перифразы. Что касается последних, то у них семантический объем меньше, чем у простых глаголов. Глагольно-именные перифразы обычно однозначны, в редких случаях имеют два или более значений. Они, входя в систему глагольных наименований как аналитические структуры для обозначения разного рода новых оттенков действий, состояний или процессов, дополняют глагольную лексику. Поэтому, когда мы сравниваем перифразы с глаголами, то имеем в виду прежде всего их смысловую соотносительность, а не семантическую эквивалентность. В одних случаях смысл перифразы соотносится с одним, в других — с двумя или более значениями глаголов. Так, например, перифраза *кӑмӑла кай* употребляется в значении ‘нравиться, прийти по вкусу’. У синонимичного с ним по смыслу глагола *кӑмӑлла* в «Чувашско-русском словаре» (М., 1982) зафиксированы следующие значения: 1) ‘любить кого-, что-либо’; 2) ‘желать, благоволить (что-либо сделать)’; 3) ‘предпочитать, выбирать’; 4) ‘облюбовать’.

Сопоставление семантики *кӑмӑла кай* и *кӑмӑлла* показывает, что значение сочетания *кӑмӑла кай* соотносится с 1, 3 и 4 значениями глагола *кӑмӑлла*, однако ни для одного из них не является смысловым эквивалентом.

В отдельных случаях значение глагольно-именной перифразы почти однозначно покрывает все значения глагола. Так, к примеру, сочетание *хала (хал) яр* содержит все значения, свойственные глаголу *халсӑрлат (халсӑрлантар)*: 1) ‘изнурять, вызывать слабость, делать слабым, бессильным, немощным’ (*ӳйвӑр ӗс халсӑрлатать* ‘непосильный труд изнуряет’); 2) ‘делать больным, нездоровым’ (*хуйхӑ сынна халсӑрлатма пултарать* ‘горе может человека свалить’). Однако даже при сравнительной близости значений, выражаемых перифразой *хала (хал) яр* и глаголом *халсӑрлат*, содержание первой, по сравнению с глаголом, выделяется экспрессивностью, эмоциональностью. Такие перифразы, как правило, стилистически окрашены.

Константным членом в глагольно-именных перифразах выступает именное слово — носитель вещественного сочетания в целом, замена именного компонента обычно сопрягается с изменением семантической структуры перифразы. Глагольный же член, выражающий в основном грамматическое значение и служащий средством синтагматической связи всего глагольно-именного сочетания, может быть заменен синонимом. Это обуславливает образование вариантов глагольной перифразы, передающих в целом один и тот же общий смысл. Ср.: *хуйхӑр* ‘горевать, печалиться, скорбеть’ — *хуйха кай* ‘загоревать, начать горевать’, *хуйха ӳк* ‘загоревать, опечалиться’, *хуйха пут* ‘впасть в горе’; *шухӑшла* ‘думать, размышлять’ — *шухӑша кай* ‘задуматься’, *шухӑша пут* ‘погрузиться в раздумья, в размышления’; *вайлан* ‘окрепнуть, стать сильным, крепким, здоровым (физически)’ — *вай ил* ‘окрепнуть, набраться сил’, *вай кӗр* ‘стать сильным, сильнее, стать крепким, крепче’.

Каждый из вариантов глагольно-именной перифразы, как правило, не дублирует один и тот же смысл, а вносит в общее содержание соче-

тания что-то новое, обогащая его оттенками. Это свидетельствует о том, что глагольный член в составе перифраз не превращается лишь в средство выражения грамматических значений, а несет ту или иную семантическую нагрузку. И общее значение глагольных перифраз создается в результате взаимодействия и слияния семантики именного и глагольного компонентов. По сути дела, в перифрастических соединениях концентрируется семантика сочетающихся словесных компонентов.

Наблюдения над проявлением семантического и функционального своеобразия глагольных слов в перифразах позволяют выделить следующие особенности их употребления:

1. Синонимичность глагольных компонентов дает возможность перифразам соотноситься с разными значениями глагола, а также выражать различные оттенки этих значений. Так, например, к глаголу *сӓнсӓрлан*: 1) 'стать безобразным, некрасивым, непривлекательным'; 2) 'спасть с лица, осунуться, похудеть, побледнеть' имеется описательное выражение с синонимичными компонентами *сӓнран кай* (*тух, ӓк*). Вариант перифразы *сӓнран тух* выражает значение, которое соотносится с первым лексико-семантическим вариантом глагольной леммы *сӓнсӓрлан* ('стать безобразным, некрасивым, непривлекательным'). Например: *Сӓнран тухнӓ* (Ашм.) 'Стал некрасивым, спал с лица'.

Вариант *сӓнран кай* реализует такое значение перифразы, которое синонимично второму лексико-семантическому варианту глагола *сӓнсӓрлан* ('осунуться, похудеть, побледнеть'): *сӓнран кай* 'побледнеть, осунуться, плохо выглядеть, выглядеть болезненным; потерять облик'. *Сӓнран ӓк* (букв.: спасть с лица), по сути дела, выражает то же, что и *сӓнран кай*, но с большей экспрессией и эмоциональностью. Ср.: *Унӓн юлашки сӓмахӓсене илтсен, пӓтӓмпех сӓнран кайнӓ* (Ашм.) 'Услышав его последние слова, он совсем побледнел'; *Лапсар ялӓнче Сӓнран ӓкет пике хӓр, Хура тӓтӓм ӓшӓнче Тӓксӓмленет чипер хӓр* (Шуп.) 'В деревне Лапсары бледнеет девушка-красавица. В черном дыму чахнет красивая девушка'.

Следует отметить, что рассматриваемая перифраза в понудительном залоге употребляется лишь с глаголом *ӓк*: *сӓнран ӓкер* 'сделать худым, бледным'. В данной форме она соотносится по смыслу с первым из выделенных значений *сӓнсӓрлан*: *Чӓпта сӓпасси сӓнтан сӓнран ӓкерет мӓн вӓл* (Тӓх.) 'От (постоянного) кулежания человек бледнеет (или теряет облик человеческий)'.

Чувашский глагол *намӓслантар* имеет два значения: 1) 'стыдить, срамить, совестить'; 2) 'позорить, срамить; порочить, предавать позору'. В языке бытуют и синонимичные названному глаголу перифразы: *намӓс ту* 'стыдить' (имеет еще значение 'развратничать') и *намӓса кӓлар* 'опозорить, осрамить, покрыть позором'. Сочетание *намӓс ту* семантически соотносится с первым значением глагола *намӓслантар*, а перифраза *намӓса кӓлар* — со вторым значением названного глагола. Однако в стилистическом плане смысл, выраженный глаголом *намӓслантар*, и семантика перечисленных перифраз неоднозначны. *Намӓслантар* — стилистически нейтральное слово, а перифрастические сочетания *намӓс ту*, *намӓса кӓлар* относятся к разговорному стилю речи.

Синонимичные глагольные компоненты в составе перифрастических сочетаний служат эффективным средством для передачи самых тонких нюансов выражаемых ими значений, для образно-экспрессивной характеристики способа протекания действия. Ср.: *вийхӓла* 'дремать, быть в полусонном состоянии; хотеть спать' — *вийха кай* 'заснуть', *вийха кӓпче* 'дряхнуть', *вийха пер* 'спать без просыпу', *вийха пут* 'погрузиться в

сон', *ыйха сар* (яр, сёр, хёрт) 'здорово спать, вовсю спать', *ыйха сартар* (ислет) 'спать непробудным сном', *ыйха ярён* 'навалиться на сон'.

Богатые возможности глагольно-именных перифраз, позволяющие раскрывать оттенки действий, можно проиллюстрировать и на примере глагольных сочетаний слов, выражающих значение 'плясать': *ташша ил*, *ташша илтер*, *ташша сар*, *ташша сартар*, *ташша тў*, *ташша яр*. Эти сочетания передают смысл 'задорно, лихо, с азартом плясать', осложненный разного рода добавочными семантическими и стилистическими обертонами, возникающими, как правило, в результате взаимодействия именного и глагольного компонентов перифраз.

2. Нередко замена глагольного компонента в перифрастических сочетаниях слов, созданных на одной и той же именной основе, приводит к образованию разных значений. Так, например, словесное соединение *сёнран улийн* (*улайш*) выражает значение 'измениться в лице', а сочетание *сёнран яр* — значение 'заставить кого-либо потерять человеческий облик'. Ср.: *Агния Ивановна сак хута вуласа тухрё те савантах сёнран улийн чё* (Кр.-А.) 'Агния Ивановна, прочитав эту бумагу, сразу изменилась в лице'; *Сынна сёнран яракан, вилём патнех илсе ситерекен йёларан — эрех ёшнинчен хёталас пулать пирён* (Чав. кал.) 'Нам надо покончить с пьянством — привычкой, заставляющей человека терять человеческий облик'.

3. Часто глагольный член может выступать носителем экспрессивно-эмоциональных оттенков, и в этом случае перифразы в целом осложняются образно характеризующим значением. Ср. постепенное нарастание экспрессии в следующих сочетаниях: *шухайша кай* 'задуматься', *шухайша йк* 'впасть в задумчивость, в тоску, затосковать', *шухайша пунт* 'погрузиться в раздумье, в размышление'.

4. Часто в семантической структуре глаголов в перифразах содержится добавочное значение, связанное с субъективной модальностью, т. е. с выражением отношения говорящего к содержанию высказывания. Так, например, ярко выраженной модальностью характеризуются глагольные перифразы *кахала юлхава пер* 'бездельничать, предаваться безделью', *кахала сар*: 1) 'бездельничать, предаваться безделью'; 2) 'вести праздный образ жизни', *хуйха пунт* (*тўн*) 'впасть в горе'.

5. Своеобразие глагольных слов в перифразах проявляется и в том, что они не только придают последним значение глагольности, но и характеризуют действия, указывая на способы и фазы (моменты) их протекания. Так, например, глагольные компоненты могут характеризовать действие или состояние, названное перифрастическим сочетанием, с точки зрения интенсивности его совершения. Ср.: *сймах* (*халап*) *сар* (*сартар*): 1) 'оживленно, увлеченно разговаривать, беседовать, вести оживленную, увлеченную беседу'; 2) 'пустословить, болтать', *сймах-юмах сар* (*яв, яр*) 'увлеченно беседовать, разговаривать, говорить'.

Часто глагольные члены в составе перифраз указывают на различные стадии в развитии действия или состояния. Так, например, глаголам *кёр* 'войти' и *тух* 'выйти' в структуре перифраз свойственно указывать на начало действия: *йса кёр* 'образумиться, стать благоразумным; поумнеть, стать умным, умнее', *вая кёр* 'окрепнуть, набрать силы, стать сильным, сильнее, стать крепким, крепче', *сула кёр* 'стать совершеннолетним, достигнуть зрелого возраста, стать взрослым, возмужалым', *ватта тух* 'постареть, стать старым, старше', *кивве тух* 'устареть, стать устаревшим', *начара тух*: 1) 'ослабеть (стать физически слабым, потерять физическую крепость)'; 2) 'стать плохим', *ухмаха тух* 'стать су-

масшедшим'; 'стать дурным, поглупеть', *хисепе тух* 'стать почетным, уважаемым', *чапа тух* 'прославиться, стать прославленным'.

Глагол *тух* 'выйти' в перифразах может выражать и значение 'выйти из какого-либо состояния', т. е. указывает на завершение действия: *а́нран (та́нран) тух* 'лишиться сознания, рассудка', *чысран тух* 'потерять честь; обесславиться', *хисепрен тух* 'потерять уважение, лишиться авторитета'.

Глагол *кай* 'пойти' в составе перифраз реализует значение 'дойти до какого-либо состояния': *япáха кай*: 1) 'прийти в запущенное состояние, прийти в состояние заброшенности, упадка, прийти в упадок'; 2) 'обеднеть, оскудеть', *мая кай* 'улучшиться, поправиться, пойти на улучшение'.

Значение 'привести в какое-либо состояние, названное именем существительным', в рассматриваемых сочетаниях выражает глагол *ка́лар* 'вывести': *пáрахáса кáлар* 'привести в негодность' (ср.: *пáрахáса тух* 'прийти в негодность').

Названный глагол *ка́лар* 'вывести' в ряде случаев содержит значение результата действия, обозначенного глагольным сочетанием в целом: *чапа кáлар* 'прославить, сделать прославленным, известным, знаменитым; возвеличить', *ухмаха кáлар* 'свести с ума, лишит рассудка', *айáпа кáлар* 'обвинить, сделать (считать) виновным'.

6. Глаголы, с которыми соотносятся глагольные перифразы, свойственны главным образом нейтральному стилю речи. Глагольные же сочетания рассматриваемого типа, как и фразеологизмы, употребляются в разных сферах речи. Не будет ошибки, если скажем, что глагольные перифразы — это стилистическое средство выражения мысли. И стилистическая окрашенность того или иного перифрастического сочетания определяется, как правило, своеобразием глагольного члена. По нашим наблюдениям, глагольно-именные перифразы — это, прежде всего, свойство разговорного стиля. Об этом красноречиво свидетельствует их распространенность в языке художественной литературы: *ухмаха ер* 'сойти с ума, стать сумасшедшим, умалишенным', *чире кай* 'впасть в продолжительную (хроническую) болезнь', *ва́йран кай* 'выбиться из сил'.

Целый ряд глагольных перифраз относится к просторечно-разговорному стилю: *ва́йран суп* 'выбиться из сил; измучиться'; *халтан үк* 'выбиться из сил'. Например: *Утмáл сүхрáма ун чух Алексей ултá кун кайрэ, хамáрáннисем патне сиччэмéш талáкра тин сэтэк-сатáк тумпа пэтэмпех халтан үксе тухрэ* (Сад.) 'Тогда Алексей шестьдесят верст шел шесть дней, к нашим вышел лишь на седьмые сутки, в рваной одежде, выбившийся из сил'; *Шалт ва́йран супрáмáр ёнтé* (Ашм.) 'Мы совсем измучились'.

Некоторая часть глагольных перифрастических сочетаний по-видимому, характерна лишь для книжного стиля. Так, например, сочетание *пáрахáса кáлар* в значении 'привести в негодность' относится к разговорной речи, в значении же 'отменить, упразднить' — к книжному стилю. Ср.: 1. *Асаттесем хáварнá мула пэтэмпех пáрахáса кáлар-тáмáр* (Ашм.) 'Богатство, оставленное дедами, мы все привели в негодность'. 2. *Керенский тўри-шари тапранса кайрэ. Ва́хатлáх правительство патша союзникéсемпе тунá договорсене пáрахáса кáлар-арé* (Кр.-А.) 'Чиновники Керенского пришли в движение. Временное правительство не отменило договоры, заключенные с союзниками царя'.

Оттенок книжности имеют перифразы *манáса хáвар* 'забыть, предать забвению', *айáпа хур* 'обвинить, вменить в вину, ставить в вину', *хисеп пар* 'почитать'.

Таким образом, роль глагольного компонента в составе глагольных перифраз значительна, хотя семантически стержневым словом в них является именной компонент.

Смысловый центр глагольно-именных перифраз — именной член, глагол же — их грамматически организующий член. Он вместе с именным компонентом выполняет номинативную функцию: называет действие или состояние. Наряду с этим, глагольное слово содержит все грамматические показатели глагольных перифраз — фразеологических сочетаний (наклонение, время, лицо), позволяющие им, во-первых, выступать как простые глагольные единицы и функционировать в качестве самостоятельного члена предложения (главным образом сказуемого), во-вторых, — оформлять в предложении предикативную связь.

Глагольно-именные перифразы обнаруживают общность с глаголами и в том, что могут выражать субъектно-объектные, или залоговые, отношения. В чувашском языке в сфере рассматриваемых глагольных сочетаний выделяются два способа выражения залоговости: лексический и грамматический.

При лексическом способе передачи субъектно-объектных отношений образуется разветвленная цепь соотносительных перифрастических выражений, в которых в одних случаях наблюдается субъектная, а в других — объектная направленность действия. Такое различие субъектно-объектных связей, отражающееся в структуре перифраз, устанавливается лексическим способом — использованием разных глаголов при одном и том же именном компоненте. Ср.: *ухмаха ер* 'сойти с ума' (отнесенность действия к субъекту — *ухмаха кӑлар* 'свести с ума, лишить рассудка' (отнесенность действия к объекту), *шухӑша ӳк* 'впасть в задумчивость' (субъектная направленность) — *шухӑша яр* 'заставить задуматься (объектная направленность), *вӑя кӑр* 'окрепнуть, набраться сил' (субъектная направленность) — *вӑйран яр* 'лишить сил кого-либо, измучить кого-либо' (объектная направленность), *чап ил* 'прославиться, обрести славу' (субъектная направленность) — *чапа кӑлар* 'прославить, сделать прославленным, известным (объектная направленность)'.

В чувашском языке нередко глагольно-именные перифразы реализуют залоговые отношения с помощью грамматического (морфологического) средства, а именно аффикса понудительной формы -т: *ухмаха ер* 'сойти с ума' — *ухмаха ерт* 'свести с ума', *ӳкӑте кӑр* 'поддаваться на уговоры' — *ӳкӑте кӑрт* 'убедить, повлиять на кого-либо уговорами', *вӑя кӑр* 'окрепнуть, набраться сил' — *вӑя кӑрт* 'сделать сильным, здоровым, крепким', *ӳркене кӑр* 'образумиться, одуматься, войти в разум' — *ӳркене кӑрт* 'образумить, урезонить', *айӑпа кӑр* 'провиниться' — *айӑпа кӑрт* 'принудить провиниться'.

Немалое количество глагольно-именных перифраз чувашского языка остается вне залоговых отношений. Они, как правило, имеют субъектную направленность, соотносятся по смыслу с непереходными глаголами: *ӳйха кай* 'заснуть', *сула кӑр* 'стать совершеннолетним, достигнуть зрелого возраста', *кӑмӑла кай* 'нравиться, прийтись по вкусу, быть по душе', *хуйха пӳт* 'впасть в горе', *вӑйран кай* 'выбиться из сил, обессилеть, ослабеть (от страсти, болезни и т. п.)'.

Рассмотренные словесные соединения представляют собой в языке вторичные образования, появившиеся как синонимы существующих глагольных лексических единиц. То, что глагольные перифразы по структуре (по форме) совпадают со свободными сочетаниями слов,

объясняется их происхождением. Первоначально перифразы представляли собой словосочетания, между компонентами которых существовали синтаксические отношения дополнения (прямого или косвенного) к глагольному сказуемому, «впоследствии обе части построенных таким образом словосочетаний (в силу регулярной повторяемости) слились в единое лексическое целое, грамматикализовались, а указанные глаголы (имеются в виду глаголы *etmek, oylmek, kilmek, olmak*. — М. Ч.) превратились в словообразовательный элемент» [З. С. 263]. Глаголы и соотнесенные с ними по смыслу перифрастические сочетания обозначают одну и ту же реалию, но с разной стилистической направленностью. Глаголы большей частью стилистически нейтральны: могут употребляться в различных по стилистической окраске текстах. Глагольные же перифразы бытуют в определенных стилистических условиях. В чувашском языке данные сочетания слов — это главным образом единицы разговорного стиля речи. Не в меньшей степени они присущи официально-деловому, книжному стилю. Глагольные перифразы возникли в языке прежде всего из потребности стилистически точно передавать самые различные оттенки значения действий или состояний, которые не могут быть выражены глаголами. Однако стилистический план, несмотря на его чрезвычайно важную роль, не единственное условие, определяющее существование глагольных перифраз. Общеизвестно, что многие глаголы характеризуются сложной семантической структурой. По сравнению с именными частями речи они бывают предельно насыщены значениями. В языковой же сфере происходит постоянный процесс образования новых значений, отражающих тончайшие оттенки действий или состояний, и, следовательно, существует постоянная потребность выражать их языковыми средствами. Так называемые «аналитические слова» — глагольные перифразы — восполняют «недостаточность» глагольной лексики. Таким образом, глагольные перифразы в чувашском языке не только являются стилистическими средствами номинации новых смыслов, но и ограждают глагольные лексемы от дальнейшего осложнения их семантики, от развития в них новых значений. Следовательно, к факторам, вызвавшим к жизни глагольные перифразы, наряду со стилистическими условиями их употребления, относится и существующая в языковой системе тенденция к устранению многозначности глагольных лексем [4. С. 123].

В языке действует и другой важный фактор, обуславливающий возникновение глагольных перифраз. Он связан с характером семантики глагольных компонентов. В чувашском языке, как и в других языках, имеется целый ряд глаголов, характеризующихся широким семантическим объемом. Их отличительной особенностью является то, что в процессе расширения сочетаемостной способности они утратили реально-вещественное значение, свойственное им ранее. Глагольные слова рассматриваемого типа, лишённые своей индивидуальной семантики, приобретают свойство глагольности, или процессуальности, только в сочетании с именными словами определенного семантического класса, и притом не со всеми именами, а только с теми, которые строго определены узусом. К подобным глаголам в чувашском языке прежде всего принадлежат *ту* 'сделать', *тух* 'выйти', *нар* 'дать' и др.

По-видимому, нельзя игнорировать тот факт, что в распространении глагольно-именных перифрастических сочетаний в чувашском языке сыграло и играет существенную роль влияние русского языка, в системе которого глагольно-именные описательные выражения занимают значительное место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробно: *Чернов М. Ф.* Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары, 1985.

² В скобках даются прямые, номинативные значения слов.

³ *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

⁴ Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

Х. НУРУЛЛАЕВ, М. ТУИЧИЕВ

ГЛАГОЛ ҚИЛМОҚ КАК СТРОЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ

Учение акад. Л. В. Щербы о строевых функциях лексем позволяет по-новому осветить роль так называемых «служебных глаголов» в тюркских языках. Как известно, сущность концепции Л. В. Щербы состоит в том, что он противопоставил весь комплекс средств, передающих грамматическую семантику, словам, которые «выражают самостоятельные предметы мысли» [1. С. 328]. Так, им были расчленены «строевые и знаменательные элементы языка» [1. С. 328] и подчеркнуто, что роль строевых элементов «может, в сущности, играть любая часть речи» [1. С. 329], т. е. знаменательный элемент языка. Это значит, что знаменательные слова в определенных условиях начинают выполнять иную функцию, свойственную грамматическим элементам языка, а именно выражать «отношения между самостоятельными предметами мысли» или образовывать новые слова и их оттенки [1. С. 328]. Указанный функциональный сдвиг в грамматиках связывается с «грамматикализацией» или «делексикализацией», «потерей лексического значения» знаменательного слова. В таких терминах обычно и описываются способы образования в тюркских языках аналитических глаголов, имеющих структуру «имя+глагол в одной из спрягаемых форм»; подобные аналитические глаголы часто называют «сложными» или «составными» глаголами [2. С. 83—85; 3. С. 11—12], а глагол как строевой элемент именуется «вспомогательным» или «служебным». Одним из самых распространенных глаголов такого типа в узбекском языке является глагол *қилмоқ* 'делать' [4. С. 259—261].

Многие авторы сравнивают функцию этого глагола в аналитических образованиях с функцией словообразовательного элемента, подобного обычному глаголообразующему аффиксу [3. С. 12; 4. С. 260]. Г. Ф. Благова рассматривает *қилмоқ* как средство «функциональной междуклассовой транспозиции», т. е. «функциональной транспозиции многочисленных имен... в класс глагола» [5. С. 81—82]. Ф. А. Ганиев считает, что в модели «имя+глагол» глагол выполняет «чисто деривационную (словообразовательную) функцию, он имя существительное превращает в глагол...» [2. С. 89]. Функцию «оглаголивания», «вербализации именных основ» видит во вспомогательном глаголе «делать» и Р. А. Аганин [6. С. 64]. Подобные трактовки функций глагола «делать» в сложных глаголах как бы подразумевают полную замену знаменательной семантики глагола «делать» семантикой грамматической, в результате которой знаменательное слово становится обычным строевым элементом, причем обладающим только одним формальным содержанием — указанием на глагольную функцию имени в составе предложения.

Между тем те же авторы четко показывают, что, несмотря на распространенность указанной модели, сочетания имени и глагола порождают не однородную семантику «оглаголивания», а целый ряд сложных семантических отношений как внутри самой модели, так и всего сложного образования в целом к другим компонентам предложения. Следовательно, строевые функции знаменательных слов, как подчеркивал в свое время Л. В. Щерба, должны рассматриваться глубоко и неоднозначно, так как речь здесь идет о «превращениях» таких языковых единиц, которые содержательно не совпадают «с понятием лексических... и грамматических элементов языка» [1. С. 328]. Все переходы подвижны, не абсолютны, иногда временны или даже уникальны, а переливы «знаменательности» и «грамматичности» трудно уловимы и функционально зависимы. Представляется, что наиболее сложно уловить степень «потери» у глагола знаменательного значения за счет усиления абстрактно-грамматического значения, особенно в случае с глаголом қилмоқ 'делать'. Напомним, что, по мнению Н. К. Дмитриева, глаголы «делать», «совершать» являются «самой общей абстрактной формой для выражения действия. Это как бы сама идея глагольности, облеченная в форму глагола» [7. С. 582]. При такой отвлеченности лексического значения глагола «делать» еще труднее говорить о степени развития в нем свойственной грамматической семантике абстрактности.

В то же время анализ сложных глаголов с служебным глаголом қилмоқ 'делать' (и его синонимами *этмоқ* и *айламоқ*) в тюркских языках, а также сходных аналитических образований в других языках (в частности в немецком) показывает, что использование подчиняется определенным закономерностям, которые поддаются обобщению. Этот путь анализа для тюркских языков, предложенный Н. К. Дмитриевым, состоит в моделировании тех отношений, которые устанавливаются между семантикой входящего в модель имени, самим глаголом «делать» и обобщенным значением всего сложного глагола как целостной единицы (в качестве примера приводятся четыре типовые модели) [7. С. 583—585].

Г. Ф. Благова, рассматривая аналитические структуры с *қилмоқ* в языке Бабур, отразившем один из исторических этапов развития узбекского языка, отметила «переходный характер этих структур в их движении из области синтаксической к лексической» [5. С. 94]. При этом она подчеркнула, что такую динамику сложных глаголов важно учитывать и для современного узбекского языка. Материалы узбекского литературного языка подтверждают справедливость как пути анализа, намеченного Н. К. Дмитриевым, так и точку зрения Г. Ф. Благовой на статус таких глаголов в современном языке.

Действительно, и сейчас в синтаксических конструкциях глагол *қилмоқ* выступает как полнозначительный и имеет значение «изготавливать какие-либо предметы» (очень часто — с использованием тех или иных инструментов, материалов): *Варрак баландлаб чой коғоздан қилган дардараги «ашула» айтишга тушди* (Р. Файзий); *Уч бурчак конверт қилишни ўрганиб олдим* (Р. Файзий). С изменением содержания дополнения изменяются роль строевого глагола и общее значение сложного глагола. Так, появление у имени семантики «невещного» существования результата действия (например, наличие некоторых последствий последнего) ведет к подчеркиванию глаголом момента «создания» такого последствия; ср.: *У раисни ҳаммадан аввал медпунктга чақириб, таиқарида кутиб турган одамлар олдидан укол қилди* (Мирмуҳсин); еще дальше идет указанный процесс в следующем примере: *Бир ёқдан медицина ходимлари хоналарни тозалаб, дезинфекция қила*

бошлади... (Р. Файзий); здесь имя обозначает и название действия и продукт этого действия. Аналогичным является и пример типа *Маъсуда Маҳкам акага «Кетдик» деган ишорани қилди* (Р. Файзий), где существует воспринимаемый знак, но и этот знак порождается определенным действием.

В предложении *Хўш, тўйни қачон қиламиз?* существительное-дополнение своей процессуальной семантикой раскрывает содержание осуществляемого деятелями отвлеченного процесса «делать». Предикация действующему лицу абстрактного признака активности, содержание которого раскрывается в именной части сложного глагола, проявляется в тех случаях, когда имена обозначают целостные события, не имеющие четко выраженных результатов; ср.: *Шунга телефон қилмоқчи бўлди* (У. Умарбеков), *Лекин бу гап онага ёқмади, эътироз қилади...* (А. Қодирий), *Партизанлар турган жойларини ниҳоятда эҳтиёт қилишди* (Р. Файзий), *Аллақандай меҳрибончиликлар қилади* (С. Аҳмад). Очень часто встречающиеся в таких сложных глаголах имена-займствования — это масдары арабского происхождения, персидские глагольные имена или займствования из русского языка. Их анализ может быть предметом специального рассмотрения, особенно в плане связей со вспомогательным глаголом *қилмоқ*, а также с зависимыми словами в составе предложения.

В некоторых случаях сложный глагол позволяет передать определенную аспектуальную семантику; ср.: *Аёл бекорга қўрққан эканман, дегандек мулойим бир боқиш қилди* (С. Аҳмад), *Бир гап қилай дедим* (С. Аҳмад).

В другом типе сложных глаголов *қилмоқ* реализует семантику каузации какого-либо состояния, обозначенного именем: *Коньяк уни ҳам иширақайф қилиб қуйган эди* (С. Аҳмад), *Шу чопар Норматга яна бир хушxabар айтиб, уни хурсанд қилиб кетди* (И. Раҳим). Еще один тип передает идею придания предмету нового качества или свойства: *Вой отинг ўчгур уруғи, не-не ёстиқларни кўз ёшидан ҳул қилмаяпсан-а!* (С. Аҳмад), *Дала, офтоб тифадаги иш мени жуда хунук қилиб қўган* (С. Аҳмад). Внутренняя семантика «переквалификации» субъекта действия заложена в сложных глаголах типа *мерос ҳуқуқидан маҳрум қилмоқ*, *Муҳаммад Расул... бошқа бир гумашта ўрнига тайин қилинган эди* (Ойбек).

Как видно, существуют разнообразные и сложные отношения как внутри сложного глагола, так и его самого с другими членами предложения. Их детальный анализ — одна из актуальных задач современной лексикологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
2. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982.
3. Хожиев А. Фель. Ташкент, 1973.
4. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
5. Благова Г. Ф. Аналитический способ функциональной транспозиции и глагольные словосочетания//Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971.
6. Аганин Р. А. Лексико-грамматическая природа турецких составных глаголов и принципы их отражения в словарях//Краткие сообщения ИНА: 60. Турция. М., 1962.
7. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Э. А. УМАРОВ

ИЗДАТЕЛЬ «САНГЛАХ» ДЖЕРАРД КЛОСОН

В истории изучения узбекского языка заметное место принадлежит сэру Джерарду Клосону, чей труд, посвященный исследованию староузбекско-персидского словаря «Санглах» [1], стал вкладом в тюркологию.

Словарь «Санглах», составленный в 1759—1760 гг. Мирзой Махдиханом — выходцем из тюркского племени афшаров, содержит ценные материалы по лексике, грамматике и фонетике староузбекского языка XVII—XVIII вв. Словарь составлен в лучших традициях таджикско-персидской лексикографии, дает «развернутые пояснения по точному написанию толкуемого слова и его чтению» [2. С. 123]. Иначе говоря, «Санглах» является орфографическим и орфоэпическим справочником, содержащим более пяти тысяч староузбекских слов XVII—XVIII вв.

Прекрасно понимая значение «Санглаха», Д. Клосон снабдил памятник научным аппаратом, создав тем самым фундаментальный труд по истории староузбекского языка. В процессе исследования памятника ученый опирался на лондонский список, считая его наиболее полным (оксфордская рукопись имеет некоторые пробелы).

Во введении Д. Клосон подробно изложил принципы издания словаря.

Из десяти составленных им указателей самым ценным является индекс слов, содержащихся в «Санглахе». Этот алфавитный указатель слов подтверждает, что «Санглах» по своему значению уступает лишь такому уникальному памятнику, как «Дивани лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

С точки зрения насыщенности лингвистической информацией, «Санглах» представляет для современной науки даже больший интерес, нежели словарь Махмуда Кашгари, так как почти в каждой его словарной статье обязательно соблюдены три условия: 1 — точное описание фонетической структуры слова; 2 — всестороннее раскрытие значения тюркского слова; 3 — функциональная и локальная распространенность слова. В нем зафиксированы слова и выражения, не встречающиеся в других староузбекских памятниках. Например:

بالقيج (122v) нардбонро гўянд [3],

басқич означает „лестница“;

باغام (125 ч) бар вазни арам пояи чуб бошад, ки бар девор ҳамида ва иморат шикаст барои муҳофизат такайа диҳанд,

бағам — огласовка по размеру арам ‘покой’, ‘подпорка, которой подпирают покосившуюся стену и поврежденное здание’;

بوشتي (134 v) зиён расид, чунон, ки гўянд шеър:

Илнк бэр козга суртай бушмас эй шаҳ,
Қафи пайицники оптум бушти,

бушти 'принес вред', например, стих:

О шалуңья, дай руку, потру (ею) глаза, не принесет вреда,
Я поцеловал твою подошву и получил ранение;

توتوق (169 v) мачозан парда ва ҳайлро номанд, ки бар дар гиранд
чунон, ки дар «Лисон-ат-тайр» дар достони Шайх Санъон гӯяд, шеър:

Манзари андин асилған бир тутуқ,
Бир қуйашға ул болуб қавси уфук,

тутуқ — метафорически 'завеса', 'занавес'; например, в «Языке птиц», в дастане, посвященном Шейху Санану, говорится:

Видит — будто завеса простенок прикрыла,

Широтой — словно небо, а в центре — светило [4. С. 109];

ايچى (117 v) ба касри чим занро гӯянд..
инчи—«ж» с касрой, означает „женщина“..;

تيريم (193 v) ба сукуни мим хуша буд..
тирим — над «н» сукун, означает „кисть“...

Во втором индексе даются в систематическом порядке корни слов, которые зафиксированы в первом индексе, а в третьем индексе — список румийских слов. Следует отметить, что Махдихан включил в «Санглах», кроме слов из произведений Навои и других староузбекских авторов, много турецких слов. Они обозначены пометами «ба турки руми»:

اوفورماك (77 ч) ба замми фо, сукуни рои қарашат ва турки руми яъне пуф кардан,

уфурмак — «ф» с заммой, над «р» сукун, по-турецки означает «дуть» (сов. тур. üfleme);

اوتچى (62 ч) ба сукуни то ва касри чими ачами ба турки руми табиб ва чароҳ бошад,

отчи — над «т» сукун, «ж» персидский (т. е. ч) с касрой, по-турецки означает 'лекарь' и 'хирург' (сов. тур. otçu).

В четвертом индексе приводятся диалектные слова. Они также выделены пометами. Например, чагатайские слова даны с пометой «ба луғати чигатойи»:

اتماک (30 v) ба сукуни то ва фатҳи мим атроки рум нонро гӯянд ва ба луғати чигатойи اوتماک ба замма мустамалият,

атмак — над «т» сукун, «мим» с фатхой, тюрки Рума называют *нан* 'хлеб', чагатайцы произносят с заммой — *отмак*;

طاغ (261 ч) ба турки руми ба мании куҳ буд ва дар луғати чигатойи ба тои қарашат мустамалият..

тағ — по-турецки означает „гора“, в чагатайском языке произносится с тои *қарашат* (т. е. ت — т) ...

Тюркские слова Турана выделены пометой «атроки Турон»:

ايچ اغا (96 v) ба истилоҳи румийа хидматкари мард бошад, ки онро ايچ اعلان ҳам гӯянд ва атроки Турон маҳрами чура номанд,

ич ага тюрки Рума употребляют в значении „служитель мужчины“, „слуга“, тюрки Турана данное слово употребляют в форме *ич оглан*, что означает «наперсник», «доверенный друг».

Диалектные слова Турана и Хорезма Махдихан отмечает пометой «узбекия Турон ва Хоразм»:

شولای (259 v) узбекийа Турон ва Хоразм ... бали ...,
шулай — так произносят узбеки Турана и Хорезма—означает «так»,
«да».

В пятом индексе приводятся монгольские слова. Монгольские элементы в «Санглахе» выделены специальными пометами: *ба лугати мугули* — «монгольское слово», *ба мугули* — «монгольское»:

جاوجی (209 v) ба сукуни вов ва касри чими сонй, ба лугати мугули пошнаи по буд,

жавжи — над «вав» сукун, второй «ж» с касрой — монгольское слово, означает «пятка»;

بولمان (141 v) мугулийа самурро гўянд ...

булган по-монгольски означает «соболь» ...

В шестом, седьмом и восьмом индексах приводится список арабских и персидских слов. Включение их в «Санглах» объясняется тем, что он составлен на основе арабско-персидского алфавита. В связи с тем, что в тюркских языках не встречаются слова на буквы *ф, х, л, в*, Махдихан включил ряд арабских и персидских слов, чтобы заполнить клетки словаря. Например: на букву *л* он приводит персидское слово *лаф-лаф* 'язычок пламени' со следующим примером:

لاغ لاغ (317 v) аз тавобъе аст яъне забона-забона чунонки гўянд, шеър:

Нэ хаским отундин йанар лаф-лаф

Нэ ҳажат йана қоймақ ул отга йаф

ва онро лав-лав ҳам гўянд..

лаф-лаф — парное слово, означает «язычок пламени», например, стих:

Что за хворост—от твоего огня горит пламенем,

Зачем еще подливать масло в этот огонь,

данное слово произносят также *лав-лав*...

На букву *ҳ* (*х*) Махдихан включает слово *ҳуна* 'самец джейрана':

هونه (324 v) ба фатҳи нун оҳуи нарро гўянд ...

ҳуна — «н» с фатхой, означает «самец джейрана» ...

На букву *ғ* (*ф*) в «Санглахе» приводится слово *ғарар* 'мешок':

غرار (262 ч) бир вазни канар чуволро гўянд..

ғарар — в том же размере, что и *канар* 'край', 'берег', означает «мешок» ...

В девятый индекс вошли топонимы, антропонимы и этнонимы, встречающиеся в «Санглахе»:

آقورغان (49 v) номи арк ҳиротистки ба қалъаи Ихтиёридин иштиҳор дорад,

Ала қорган — название арки в известной цитадели Ихтияридин в Герате;

تيمور قابو (200 v) ба фатҳи қоф ба алифи кашида ва замма бои ацами қалъаи Дарбандро гўянд,

Темур қāпу — «к» с фатхой, алиф долгий, «б» персидский с заммой—цитадель Железные ворота;

تيمور (200 v) ба замми мим ва сукуни рои муҳмала ... номи подшо-хист маъруфки Турон ва Ҳиндро мусаххар кард ...

Темур — «м» с заммой, над «р» сукун.., имя известного царя, завоевавшего Туран и Индию ..;

بيلكوت (149 v) номи тоифаист аз атрок,

билгут — название тюркского племени;

سولدوز (246 ч) ба сукуни лом ва зои муъчама ва замми доли муҳмала номи тоифаист аз атрок,

сулдуз — над «л» и «з» сукун, «д» — с заммой, название тюркского племени.

Эти данные, на наш взгляд, представляют интерес для историков и этнографов.

В десятом индексе прилагается список лексикографических трудов, на которые Махдихан опирался при составлении «Санглаха». Видно, что он критически использовал словари Надр Али, Тали Имани, Фараги, Насири, словарь румийского автора, известный в науке под названием «Абушка». Например, при раскрытии значений слова *унāмақ* Махдихан критикует Надр Али за неверный перевод как *рази кардан* 'удовлетворять (кого-л.)'. Правильным, по его мнению, должен быть перевод *рози шудан* 'соглашаться':

اوناماق (87 ч) ба фатҳи нун ба алифи кашида яъне рози шудан ва Надр Али сахван ба маънии рози кардан навишта — унāмақ — «н» с фатхой, алиф долгий означает «соглашаться», Надр Али ошибочно переводит «удовлетворять (кого-л.)».

Кроме того, дан список цитируемых тюркских поэтов. Больше всего примеров взято из произведений Алишера Навои. Далее идут Бабур, Султан Хусейн Байкара, Мир Хайдар и др.

Сопоставления некоторых иллюстративных примеров с текстом произведений староузбекских авторов показывают, что примеры, данные в словарях, более правильны.

Приведем некоторые из них.

В «Тарихи анбиё ва хукама» («История пророков и правителей») написано:

...муъжизотидин бири хуффошдурким балчигдин ул ҳайъот била ясаб нафасин анга сурди. Ва ул нафасдин руҳ топиб учти... [5. С. 233].

В «Санглахе» этот пример приводится на слово *хурди* 'дохнул' (324 ч):

...муъжизатидин бири хуффашдурким балчигдин ул ҳайат била ясаб нафасин хурди ул нафасдин руҳ тапиб учди...

Именно при сочетании *нафасин хурди* 'дохнул' раскрывается значение предложения: «одна из удивительнейших вещей то, что (он) создал из глины летучую мышь, дохнул на нее, дал ей жизнь, и она улетела...».

В «Фавайид ал-кибар» Алишера Навои написано:

Уяқти чун қуёш ул ойга қолди меҳр ёрутмоқ,
Чу борди меҳри даврон, офати даврон эрур ворис

[6. С. 96].

Данный бейт в «Санглахе» приводится на слово *уйақти* 'закатилось' (91 ч):

Уйақти чун қуйаш, ул айга қалди даҳр йарутмақ,
Чу барди меҳри давран, афати давран эрур варис.

Здесь логически правильным является *ул айга қалди даҳр йарутмоқ* 'мир освещать осталось луне'. При таком варианте значение бейта следующее: «Солнце закатилось, мир освещать осталось луне, Любовь эпохи ушла, осталось бедствие эпохи».

Махдихан приводит в «Санглахе» интересный глагол *бушти* в значении «причинил вред». На этот глагол в отрицательной форме дается пример из «Тарихи Бабур»:

بوشمادی (134 v) зиён нарасид чунон, ки дар тарихи Бобири мазкур-
ристкӣ: Султон Аҳмад Танбалниң боғзига найзалаб йиқиттилар
ғале бушмади,

бушмади 'не причинил вреда', например, в «Истории Бабура» говорится: «Приставив к горлу султана Ахмада Танбала копьё, повалили его, но он повреждения не получил». Данный глагол в издании «Бабурнаме» описан в неправильной форме, как *тушмак*, что не раскрывает содержания предложения и придает ему противоречивый смысл: Султон Ахмад Танбалнинг бўғзига йикиттилар, вале тушмади [7. С. 98] 'Приставив к горлу султана Ахмада Танбала клинок, повалили его, но он не упал'.

Примеры со всей ясностью показывают, что иллюстративный материал является надежным источником для текстологических исследований.

Иллюстративные цитаты содержат ценные сведения о творчестве малоизвестных староузбекских поэтов. В частности, следующий бейт в словаре на слово *қараламак* дает некоторое представление о творчестве Убайдхана Узбека:

Қара балаға қалибмэн қаралаб отганидин,
Қоңулни ҳам қара ер қилди ул қарари била
(269 ч)

Я заболел страшной болезнью от того, что она взглянула
И этим взглядом расстроила сердце мое.

Здесь слово *қаралаб* употреблено поэтом в значениях «смотреть» и «идти по пятам», что свидетельствует о высоком уровне художественного мастерства.

В «Санглахе» приведено также несколько бейтов поэта Муллы Саки:

Сорар ҳар бир ҳикайатни мукаррар,
Эрикмай ул дағи айтур сарасар
(99 ч)

Он неотступно просит рассказать каждую историю,
А тот, не лентя, рассказывал с начала до конца.

Иликдин ичғиниб балиғни салди,
Тангирғаб бармағин тишлади қалди
(96 v)

Невольнo он выпустил рыбу из рук,
Удивленно прикусил пальцы.

Қэлиб бэқлар била отру йурушуб,
Тораси бирла улжашиб корушуб
(84 v)

Подошли и вместе с беками приблизились,
С предводителем, здороваясь, заговорили.

Булут кокраб йашин ишнаб эсиб ел,
Буратиб қар йағиб, йамгур акиб сэл
(106 v)

Облако гремело, молния сверкала, подул ветер,
Снег шел сильный, были дождь и ливень.

Некоторые из бейтов, приведенных в словаре, имеются и в поэме

«Гулу Навруз», приписываемой Лютфи, в частности в ее ташкентском издании 1974 г. на страницах 36, 63, 38, 46, 4. Данные примеры являются пока единственным источником для определения авторства отдельных произведений. Так, например, следующий бейт Лютфи [8. С. 61] свидетельствует о том, что имеются необнаруженные до сих пор его газели:

Эриктим бу сафасиз маскан ичра,
Тилармэн сайр қилмақ гулшан ичра.
(98 v)

Также из ненайденных пока газелей Хусейна Байкары в словарях приведены бейты:

Айлар эрдим ишқниң расваларига сарзаниш,
Болғай расва созум лаф эркани билгурди.
(149 ч)

Заъфдин оргамчи дамига йиқилғач чирманиб,
Ул чибиндэк торлади ҳарйан танимни айланиб.
(171 v)

Қоксума қаш урмағимни айб қилма эй конул
Қой ки анда қалқиған пайканларини орнатай.
(275 v)

Таким образом, Д. Клосон во введении и десяти индексах дал исчерпывающие сведения о достоинствах словаря «Санглах», показав, что это — уникальный памятник староузбекского языка XVII—XVIII вв., и сделав его доступным для широких кругов тюркологов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Khan/Facsimile Text with an introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

² Баевский С. И. Средневековая персидская лексикография//История лингвистических учений. М., 1981.

³ В работе персидские комментарии по техническим причинам даются в современном таджикском написании. Цифры в скобках обозначают страницу рукописи.

⁴ Нивои Алишер. Сочинения: В 10 т. Ташкент, 1970. Т. 8/Пер. С. Иванова.

⁵ Он же//Сочинения. Тошкент, 1968. Т. 15.

⁶ Он же//Там же. Тошкент, 1960. Т. 7.

⁷ Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960.

⁸ Ахмадхўжаев Э. Лутфийнинг номаълум мисралари//Адабий мерос. 1981. № 2.

Л. И. ЧЕБОДАЕВА

К ВОПРОСУ О ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

(О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ И СУЩНОСТНОМ ПОДХОДЕ)

Вопрос о природе предложений, осложненных зависимыми глагольными конструкциями, относится к числу наиболее важных в тюркском языкознании. Его важность обуславливается той большой ролью, какую играют конструкции, образуемые причастными и деепричастными формами глагола, в строе тюркских языков. Эти конструкции, как известно, являются причиной проявления одной из черт своеобразия тюркского синтаксиса, которая заключается в том, что тюркские языки не испытывают структурной потребности в союзных средствах связи и в значительной мере обходятся без так называемых придаточных предложений европейского типа.

Среди исследований по грамматике тюркских языков немало специальных работ [1. С. 67—100] по интересующей нас теме, однако, как нам представляется, проблема зависимых глагольных конструкций нуждается в дальнейшем осмыслении.

В настоящей статье на материале современного хакасского языка предпринята попытка разъяснения некоторых особенностей инфинитных (причастных и деепричастных) форм глагола, семантически приближающих их к придаточным предложениям индоевропейского типа.

Анализ зависимых глагольных конструкций современного хакасского языка выявляет разветвленность и сложную противоречивость их системы. В хакасском языке сосуществуют два типа глагольных конструкций: 1) образуемые инфинитными формами глагола; 2) вводимые финитными формами глагола. Последние, появившись в современном литературном языке сравнительно недавно [2. С. 400—409], представляют собой как бы новый слой синтаксических моделей. Они употребляются намного реже, чем конструкции, образуемые причастиями и деепричастиями, и потому семантическая нагрузка, лежащая на них, относительно невелика.

Указанные типы названных конструкций в определенной степени сходны в том, что зависят от независимой части предложения. Однако очевидны и структурные расхождения между ними, которые не позволяют их отождествлять и подводить под одну категорию придаточных предложений в принятом общелингвистическом понимании.

Ведущими в синтаксисе хакасского языка (ср. с гагаузским [3], узбекским [4. С. 408—420], азербайджанским [5] и турецким [6]) являются конструкции, вводимые причастными и деепричастными формами глагола, в построении которых проявляются специфические черты строя тюркских (агглютинативных) языков.

Хакасские (тюркские) причастия и деепричастия обладают такими свойствами, которые позволяют им выполнять функции так называемых придаточных предложений индоевропейского типа.

1. Инфинитным формам как функциональным формам глагола свойственно соотношение выражаемого ими действия с лицом. У причастий это соотношение в зависимости от выполняемых ими функций проявляется по-разному. В **определятельной функции** субъектная валентность причастия в одних случаях может быть обращена на определяемое: *Хайзы от саап полбинчатхан олганнарны Асап үжеткен* (ГТ. Ч. 3) 'Некоторых детей, не умеющих косить сено, учил Асап'. Причем в зависимой конструкции позиция субъекта действия отсутствует, и потому причастие разворачивает только свои объектные и обстоятельственные валентности. В других случаях, когда определяемое слово не является субъектом причастного действия, субъект этот может быть выражен в самом обороте формой основного падежа имени или местоимения (а) или аффиксом принадлежности при определяемом слове (б): а) *Ыырчы тастаан гранатаны тохтатхан ол хатыг көксінең* (МК) 'Гранату, брошенную врагом, он останавливал широкой грудью'; б) *Хой хадарчаң чирлерінде кўрең пулут ла ысталча* (ГТ. Ч. 25). 'В тех местах, где (он) пас овец, дымится лишь коричневое облако'. В последнем случае субъект действия, обозначенного причастием, может дополнительно выражаться именем существительным или местоимением в форме родительного падежа, например: *Синің сағам хадарчатхан чылғың көп пе?* (АТ) 'Много ли у тебя лошадей, которых ты сейчас пасешь?'

Кроме того, в хакасском языке, как и в других тюркских языках [7. С. 70—71], существует способ описательного выражения действующего лица при помощи дательного, исходного и орудного падежей имени, обозначающего субъект причастного действия. Этот способ выражает субъект действия при страдательном и понудительном залогах причастия, противопоставляя активные и пассивные определятельные конструкции: *Танға сабылған сырайында чобалыс іле пілдірген* (АТ) 'На лице, обветренном от ветерка, ясно видно страдание'; *Колхозтаң сығара пирілчеткен халасўттi Каврис чибинібіскен* (НТ. КК. 35) 'Хлеб и молоко, которые давались колхозом, Каврис перестал есть'.

В **субстантивной функции** непосредственная притяжательная аффиксация при причастии представляет собой один из способов соотношения причастия как глагольного образования, обладающего значением признака, с носителем этого признака. Помимо аффиксов принадлежности, субъект причастного действия может быть обозначен формой основного или родительного падежа имени или местоимения: *Санка ханаадаң салда тўзірчеткені көрінче* (ХЧК. 13) 'Видно, что Санка снимает с телеги плуг'; *Кўзінің тоозыл-чатханы позына даа іле пілдірібіскен* (ИК. МН. 24) 'Даже самому стало заметно, что силы иссякают'. Без аффикса принадлежности причастие может обозначать лишь субъект (или объект при страдательном залоге), но не само действие.

В **обстоятельственной функции** субъект причастного действия последовательно выражается формой основного падежа имени или местоимения (а), хотя имеются случаи факультативного оформления субъекта аффиксом принадлежности при причастии и родительным падежом имени или местоимения (б): а) *Хар тубан сала чабырылыбысханда, ыраххы тағларның пастары көрініп пастабысхан* (ВК. А. 18) 'Когда снежный туман начал рассеиваться, стали появляться вершины далеких гор'; б) *Пеер читкенімче, үгерем сооп парча* (СЧ) 'Пока дохожу сюда, суп остывает'.

В деепричастных конструкциях субъект всегда выражается основ-

ным падежом имени, если действие, обозначенное деепричастием, не ориентировано на субъект независимой части предложения: *Син ай-ланганча, мин чох полам* (ВШ. СС. 16) 'Пока ты вернешься, меня уже не будет'.

2. Одним из свойств, присущих инфинитным формам глагола, является употребление при них категории принадлежности. Данная категория пронизывает всю систему причастных конструкций, частично проявляя свою «строевую» роль и в конструкциях, образуемых деепричастиями.

С одной стороны, категория принадлежности служит грамматическим средством обозначения лица при причастиях (см. вышеприведенные примеры), с другой — она своеобразно проявляется в двусоставных определительных конструкциях с показателем относительной связи (*типа азағы ағырчатхан кізі* 'человек, у которого болит нога'), в которых один из членов, а именно слово, обозначающее субъект причастного действия, связан с определяемым посредством аффикса принадлежности 3 л. В подобных конструкциях определяемое, т. е. «целое», характеризуется через действие или состояние по его части, названной словом с аффиксом принадлежности.

Специфические свойства «партиципальности» проявляются также в случаях использования сходных грамматических построений с деепричастиями, например: *Апсах, холлары тітіреп, сым на одырган* 'Дед сидел тихо, руки его дрожали (букв.: дрожая руками)'. Особо следует отметить конструкции, образуемые деепричастием на *-а*. Эта форма используется преимущественно для выражения обстоятельства образа действия и потому, как правило, не имеет при себе своего субъекта действия, отличного от субъекта действия конечного глагола. Наличие при ней отдельного субъекта возможно лишь тогда, когда он относится к субъекту независимого действия как часть к целому (*ўні тітіри, ол чоохтан сыххан* 'он начал говорить дрожащим голосом').

Таким образом, категория принадлежности в конструкциях, образуемых инфинитными формами глагола, с одной стороны проявляет себя как средство обозначения лица, а с другой — как средство относительного подчинения этих конструкций независимой части предложения.

3. Причастие обладает свойством ориентироваться на определяемое (как член, формирующий определительную конструкцию) и на субъект выраженного им действия (как атрибутивная форма глагола со значением определительно-личного действия), который может быть выражен и отдельным словом в составе атрибутивного оборота. Это свойство тюркских причастий С. Н. Ивановым удачно было названо «двойной ориентацией» [7. С. 89].

4. Причастие в определительной функции характеризуется своеобразными отношениями с определяемым, отличными от таковых в индоевропейских языках. Определяемое при причастиях может обозначать: субъект (*парчатхан кізі* 'идуший человек'), прямой или косвенный объект действия (*алган планым* 'план, который я взял'), место действия (*чёрген чирім* 'место, куда я ездил'), время действия (*парчаң кўнің*, 'день, когда ты должен уйти'). Кроме того, хакасские причастия могут быть связаны с определяемым им словом изъяснительными (а) и притяжательными (б) отношениями: а) *Чанар Хусты тутчаң оңдай чоғыл* (СҚ. СЧ. 50) 'Нет способа, который мог бы удержать Чанар Хус'; б) *Оол-хыстары тараҕлап парған Асап апсах паза аның инейі...* (НТ. ҚҚ. 76)

‘Дед Асап и его старуха, у которых сыновья и дочери разлетелись...’.

Истолкование конструкций, образуемых инфинитными формами глагола, имеет отношение к давнему и запутанному в тюркском языкознании вопросу о придаточных предложениях [8]. Необходимо отметить, что основа споров носит терминологический характер [9. С. 115]. Между тем терминологический подход к отдельным явлениям языка, как известно, является следствием недостаточного понимания природы изучаемых явлений в системе целого. Именно так обстоит дело, когда в тюркских языках обнаруживают совершенный и несовершенный вид у глагола [10], категорию рода у имен существительных [11. С. 59—60; 12. С. 35—38], так называемые неоформленные падежи [13. С. 175—178] или выведение родительного падежа за пределы склонения [14. С. 112—113] и т. п.

Подобное отношение к природе причастных и деепричастных конструкций послужило поводом для отождествления зависимых конструкций (с подлинно предикативными отношениями), образуемых финитными формами глагола, и конструкций, вводимых инфинитными формами глагола, для подмены первых вторыми. Однако изучение свойств, характерных для инфинитных форм, показывает, что полностью идентифицировать структуры различного грамматического оформления нелогично, да и не имеет смысла, хотя они и выражают синонимичное содержание.

Вопрос о грамматической природе конструкций, образуемых причастиями и деепричастиями, и о применимости к ним термина «придаточное предложение» целесообразно, на наш взгляд, рассматривать с учетом того, что сущность причастных и деепричастных оборотов в тюркских языках, в частности хакасском, определяется специфическими свойствами их причастий и деепричастий, и того, что они образуют единую, свойственную именно тюркским языкам систему. И расчленять эту систему терминологически на «обороты» и «предложения» в принципе неправильно [7. С. 89]. Дело, разумеется, не в терминах (поскольку последние являются производными), а в том, что в них вкладывается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О литературе по данному вопросу см.: *Убрятова Е. А.* Исследования по синтаксису якутского языка. II: Сложное предложение. Новосибирск, 1976. Кн. 1.

² Грамматика хакасского языка. М., 1975.

³ *Гайдаржи Г. А.* Гагаузский синтаксис: Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинев, 1981.

⁴ *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

⁵ *Абдуллаев А. З.* Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1963.

⁶ *Соколов С. А.* Исследования по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.

⁷ *Иванов С. Н.* Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959.

⁸ О мнениях по этому вопросу см.: [1. С. 67—100].

⁹ *Иванов С. Н.* К проблеме придаточных предложений в тюркских языках: (об изъяснительных причастных конструкциях в узбекском языке и вопросе о трансформациях) // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

¹⁰ См., например: Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24—27 сент. 1956 г. Алма-Ата, 1958.

¹¹ *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.

¹² *Она же.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.

¹³ *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.

¹⁴ *Шербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Х. М. ЗАРБАЛИЕВ

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

1. Как известно, в языках, использующих десятичную систему счисления, числа в отрезке 11...19, 21...29 и т. д. обычно выражаются по модели «круглый десяток + коэффициент (единица)», что соответствует эталонному обозначению сумм, например «21» — *uǰirmi bir*, букв. «20, 1»; «32» — *otuz iki*, букв. «30, 2» в азербайджанском. Однако в некоторых десятичных языках в упомянутых отрезках применяются иные способы выражения. Так, в языке йоруба числа 16...19 выражаются как «20—4», «20—3» и т. д. Например: *eḡin dín lógún* '16' (букв. «четыре меньше — двадцать»), *ḡeḡá dín lógún* '17' («три меньше — двадцать») [1. С. 10]. В хантыйском языке числа «18» и «19» выражаются как «восемь — двадцать» (*нивыт хус*, где *нивыт* означает «8», а *хус* — «20») и «девять — двадцать» (*ярхус* '19'; ярьяң '9') соответственно [2. С. 327].

Мы остановимся на последнем способе, отмеченном также в одном из современных языков, так как объектом нашего исследования являются тюркские числительные.

2. Еще в конце прошлого века В. Банг и И. Маркварт [3], а вслед за ними и В. В. Радлов (см.: [4]) обратили внимание на то, что в орхонских надписях числительные упомянутых выше интервалов обозначены способом, не характерным для тюркских языков. Несколько лет спустя В. Бартольд обнаружил, что аналогичный способ обозначения числительных имеет место также в памятниках уйгурской письменности и сохранился в одном из уйгурских языков [5. С. 0172]. При таком способе обозначения чисел, состоящих из десятков и единиц, в основание берется приближение к следующему десятку [5. С. 0171].

В дальнейшем данный вопрос стал объектом пристального внимания таких известных исследователей, как С. Е. Малов [6. С. 271—277] и В. А. Гордлевский [7. С. 135—147]. Подробные сведения об этом вопросе можно найти и в работе Ф. Г. Исхакова [8. С. 176—207].

Названные исследователи, однако, отмечают при этом использование в рунических памятниках и памятниках уйгурской письменности, а также в языке желтых уйгуров, сохранившем данный способ обозначения чисел, особую систему счисления. Мы же в этом вопросе придерживаемся несколько иного мнения. На вопрос, почему данный способ применяется (или применялся) в ряде языков различной типологии, которые используют в настоящее время (и использовали в прошлом) десятичную систему, и не свидетельствует ли это о том, что он действительно является реликтом какой-то системы счисления, ответить в полной мере удовлетворительно, по-видимому, нельзя. Прежде всего напомним, что этот способ счета в ряде языков, где он применяется, ограничен чаще всего рамками отрезков 11—12, 11...19, 21—22, 21...29. Более

или менее широко он используется в рунических памятниках и памятниках уйгурской письменности, а также в языке желтых уйгуров (11...19, ...91...99). Несмотря на это, здесь все же нельзя говорить о какой-то особой системе в полном смысле этого слова по той простой причине, что в упомянутых языках имеются (имелись и в прошлом) названия круглых десятков (десяти и его кратных) и степеней десяти. А это, как известно, присуще десятичной системе. Названия десятков и степеней десяти в названных памятниках и в языке желтых уйгуров адекватны тем, что имеются и в других тюркских языках, которые используют десятичную систему. Отклонение от эталонной системы, связанное с рассматриваемым способом образования числительных, является в них в общем-то маргинальным: 11...19... 91—99. (Ср. в этой связи язык йоруба, где такой способ выражает названия некоторых десятков и сотен, хотя здесь он не образует системы, а применяется sporadически [1. С. 10—19]). Таким образом, это отклонение вряд ли можно называть системой, ибо система счисления обязательно предполагает основание, при участии которого (применением арифметических операций, выраженных эксплицитно или имплицитно) образуются составные числительные (в широком смысле). Вероятно, в данном случае следует говорить об отдельных циклических вкраплениях в существующую десятичную систему. Это предположение не лишено основания и подтверждается данными других языков. Так, проследившая эволюцию системы счисления в австронезийских языках, мы обнаружили, что исконная десятичная система с полным набором корневых одноморфемных коэффициентов и тремя десятичными разрядными наименованиями («10», «10²» и «10³») претерпела в них различные изменения. В частности, отдельные числительные десятичной системы были заменены другими лексическими единицами, связанными с определенными областями хозяйства, где применялись особые способы счисления. И это часто касалось упомянутых числовых интервалов [9. С. 133—138].

Согласно уйгурскому способу выражения чисел 11...19, 21...29 и т. д. в основание берется приближение к следующему десятку. Например: *бир отуз* '21', т. е. «один из третьего десятка» [8. С. 184].

Дж. Харфорд [10. С. 235 и 239] и К. Меннингер [11. С. 77—80] называют этот способ «счетом сверху» (*overcounting*) (см. также [12. С. 11]). Счет сверху встречается и в ряде других языков, входящих в различные семьи. Например, в эстонском языке, относящемся к финской группе и использующем десятичную систему, таким способом выражаются двузначные числа с коэффициентом «1» и «2»: *üksteist* (*kümmend*) '11', «один второго десятка», *kaksteist* (*kümmend*) '12', «два второго десятка» [13. С. 46]. О хантыйском языке см. выше. В тайваньских языках панван, ами и ями, как и в языке желтых уйгуров, этот способ применяется для выражения чисел в отрезках 11...19, 21...29 и т. д. [14. С. 44].

По мнению К. Меннингера, способ «счета сверху» применяется с тем, чтобы делать числа более наглядными (*as easily visualized as possible*) [11. С. 77], хотя, как нам представляется, обычный способ счета («счет снизу») отнюдь не уступает «счету сверху» по наглядности, а может быть, даже в чем-то превосходит его. Следует отметить, что способ «счета сверху», кажущийся нам чем-то необычным, в действительности не представляет собой ничего необычного. Все дело, по-видимому, в привычке. В этой связи представляют интерес мысли С. В. Фомина. По его мнению, если бы мы пользовались семеричной системой счисления, то умножить в уме, например, 143 на 343, было бы проще, чем 100 на 200 в десятичной системе [15. С. 7].

К сожалению, за неимением данных, об истинных причинах применения данного способа мы не можем сказать чего-либо безоговорочного. Можно лишь предположить что в десятичных языках «счет сверху» по своему происхождению связан с пальцами рук. Возможно, первоначально он применялся в пределах десятков, а впоследствии распространился и на другие числа. В некоторых языках, как, например, в йоруба (см.: [1], этот способ стал применяться для образования числительных, обозначающих более высокие числа.

Применение «счета сверху» можно, вероятно, объяснить следующим образом. После десяти, когда уже все пальцы рук пересчитаны, они использовались в качестве единиц, к которым примыкал последующий десяток, т. е. в сознании из известного целого бралась его определенная часть, соответствующая определенному числу пальцев.

Счет сверху сохранился и в несколько ином виде. Например, в языке минангкабау число «9» выражается как *kuḡang aso sapuluah*, букв. «без одного десять». Аналогично выражаются и другие числа, содержащие коэффициент «9»: *kuḡang aso duo puluah* '19' («без одного двадцать»), *kuḡang aso saratuih* '99' («без одного сто») [16. С. 42]. О подобных образованиях в латинском см.: [11. С. 74]. Данный способ, несмотря на применение в ряде языков, непродуктивен и используется в основном в пределах десятков.

3. При «счете сверху», как правило, названия единиц предшествуют названиям десятков. В противном случае это соответствовало бы «счету снизу», причем в последнем случае число имело бы величину на десять единиц больше. Ср.: «3, 20» > «13» — при «счете сверху»; «20, 3» > «23» — при «счете снизу».

В отличие от языков, где составляющие числительных, образованных таким путем, связаны при помощи служебного слова со значением «из», в языке желтых уйгуров (а также в упомянутых памятниках) «счет сверху» реализуется линейным порядком конstituэнтов: единица — десяток.

Примечателен тот факт, что в азербайджанском языке, также входящем в тюркскую семью языков, как показывают материалы сказок, порядок «единица—десяток» (без каких-либо аффиксов или служебных слов) имплицитно оперирует операцией умножения. Например: *Mән жүз jашajым, сиз ики элли*. Букв. «Пусть я проживу сто лет, а вы — два-пятьдесят» (т. е. «2×50»). Отсюда следует, что «счет сверху» в тюркских языках не был распространен. У уйгуров же он восходит, вероятно, к памятникам рунической письменности. Вопрос о том, является ли этот способ у тюрков исконным или же он заимствован у других народов, представляется сложным. Отметим лишь то, что он мог бы возникнуть у тюрков самостоятельно, ибо это связано с мышлением народа. В этой связи можно привести пример из других языков. Так, в австронезийском языке вандамен имеет место вигезимальная система. В языках народов, с которыми носители этого языка контактировали, данная система не обнаружена. Поэтому можно считать, что в вандаменском языке вигезимальная система не является заимствованием, она развивалась самостоятельно [9. С. 136—137]. Так же самостоятельно мог возникнуть «счет сверху» у тюрков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Armstrong R. G.* Yoruba numerals. Port Harcourt: C.M.S. (Nigeria) Press, 1962.
2. *Терешкин Н. И.* Хантыйский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки.
3. *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

4. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. Spb., 1890.
5. *Бартольд В.* Система счисления орхонских надписей в современном диалекте// Зап. Вост. отд. импер. рус. археол. о-ва. Спб., 1907. Т. 17.
6. *Малов С. Е.* К изучению турецких числительных//Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. Т. 45.
7. *Гордлевский В. А.* Числительное 50 в турецком языке: (К вопросу о счете в тюркских языках)//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1945. Т. 4, вып. 3—4.
8. *Исхаков Ф. Г.* Числительное//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1965. Ч. 2: Морфология.
9. *Зарбадиев Х. М.* Числительные в австронезийских языках: (языковые системы счисления): Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1985.
10. *Hurford J. R.* The linguistic theory of numerals. Cambridge, 1975.
11. *Menninger K.* Number words and number symbols. Cambridge; Massachusetts; London, 1970.
12. *Риекстыньш Э. Я.* Названия натуральных чисел на языках народов мира. Саласпилс, 1985. Ч. 1: Системы счисления и методы счета.
13. *Каск А. Х.* Эстонский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки.
14. *Kaneko E.* The numeral systems of the Formosan languages as compared with those of other Austronesian languages//Wiener volkerkundliche mitteilungen. 1956. № 1.
15. *Фомин С. В.* Системы счисления. М., 1987.
16. *Зарбадиев Х. М.* Язык мивангкабау. М., 1987.

С. А. СЕКИРИНСКИЙ

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА И СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — НАЧАЛО XX В.)

Крымское ханство как более или менее самостоятельное государство образовалось в первой половине XV в. В его состав вошли Крымский полуостров, Приднепровье, Приазовские земли и Прикубанье. Но в этом качестве Крымское ханство просуществовало очень недолго. Вскоре после завоевания турками генуэзских колоний в Крыму (1475) оно стало вассалом Турции [1. С. 131]. Кафа, Судак, Керчь и другие города и крепости южного и восточного берега Крыма, а также юго-западная часть полуострова превратились в турецкие владения.

По своему национальному составу население ханства было неоднородным. Кроме татар, на его территории проживало значительное количество греков, армян, турок, караимов и представителей других народностей.

В XVIII в. по правую сторону Днепра, против будущего Мелитопольского уезда, были расположены слободы и курени Запорожской Сечи. Для того, чтобы обеспечить беспрепятственное рыболовство, Сечь учреждала свои посты и на территории ханства. Такие посты, или «полянки», встречались на рр. Рогачике, Белозерке, Конских Водах, которые впадают в Днепр с востока [2. С. 3]. Вскоре после ликвидации Запорожской Сечи (1775) казаки стали заселять северную часть будущего Бердянского уезда. Казачьи поселения на территории будущего Днепровского уезда появились еще в начале XVIII в. [2. С. 4]. Следовательно, в XVIII в. на окраинных землях Крымского ханства существовали своеобразные русские поселения.

В XVIII в. между Россией и Турцией разворачивается напряженная борьба за Крым. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира, заключенного в 1774 г. после русско-турецкой войны 1768—1774 гг., Крымское ханство было объявлено независимым от Турции государством. Россия получила в Крыму крепости Керчь и Ени-Кале [3; 4]. На территории Крыма оставались русские войска. В 1778 г. по инициативе русского правительства из Крыма в Приазовье было переселено почти все христианское население ханства [5. С. 711—714]. Причины этого еще недостаточно изучены. Одно бесспорно: христианское население Крыма, которое во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. открыто выражало свои симпатии русским войскам и видело в них своих защитников и покровителей, имело все основания опасаться репрессий как со стороны татарских властей, так и со стороны турок, которые могли в любое время возобновить военные действия и высадиться в Крыму. Об этом свидетельствует рапорт командующего русскими войсками в Крыму генерал-поручика А. В. Суворова князю Г. А. Потемкину от 25 июля

1778 г., в котором говорится: «...не могу я довольно Вашей светлости описать, в какой опасности здешние христиане были. Многие разноместно были уже под татарскими караулами, неминуемая им казнь приделжалась» [5. С. 589—590]. Эта мысль повторяется и в ордере генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева на имя А. В. Суворова от 5 августа 1778 г. [5. С. 619] и в письме графа Н. И. Панина «Крымским чинам» от 20 сентября того же года [5. С. 895—898].

Само собой разумеется, что переселение христиан из Крыма, где они проживали в течение многих веков, в новые и малоизвестные земли не могло пройти безболезненно. Крымские христиане, прежде чем дать свое согласие на переселение в Азовскую губернию, предъявили (через греческого митрополита Игнатия) царскому правительству ряд условий («артикулов»). В частности, греки и армяне просили, чтобы им был возмещен ущерб за потерю в Крыму движимого и недвижимого имущества и выдано пособие на перевозку людей и вещей. Крымские христиане также просили освободить их в местах нового поселения на 10 лет от уплаты всяких налогов и поборов и навечно от рекрутской повинности и военного постоя [5. С. 556—557]. В письме митрополита Игнатия П. А. Румянцеву от 17 июля 1778 г. высказывается настойчивая просьба, чтобы все обещания русских властей, данные переселенцам, были бы подтверждены специальной императорской грамотой, подписанной Екатериной II [5. С. 615—616]. Румянец обещал Игнатию, что он не упустит возможности представить эту просьбу императрице, но в то же время рекомендовал митрополиту, не теряя времени, прилагать «всевозможное старание... о переселении... паствы вашей» [5. С. 614—615].

Есть и другие факты, свидетельствующие о том, что часть переселенцев, прежде чем дать свое окончательное согласие на выезд из Крыма, испытывала известные колебания. В письме Румянцева Потемкину от 3 августа 1778 г. крымские христиане обвиняются в легкомыслии; «...они, — говорит Румянец, — не взирая на утесненное свое состояние, все колеблются в ожидании следствий, какие впредь быть могут» [5. С. 614—615]. Об этом же свидетельствует донесение русского резидента в Бахчисарае Суворову [5. С. 589—591].

А. В. Суворов, которому было поручено организовать переселение христианского населения Крыма в Азовскую губернию, в рамках своих полномочий сделал все возможное, чтобы помочь переселенцам. В рапорте Потемкину от 25 августа 1778 г. он писал: «...переселяемых христиан надлежит» удовлетворить за их тратимое недвижимое, особенно сады, тем паче что многие только от того их пропитание имели» [5. С. 589—590].

В записке Суворова Румянцеву рекомендуется выкупить у переселенцев хлеб, тяжелые вещи, виноградники, снабдить их всем необходимым, предоставить им нужное количество повозок, обеспечить охрану в пути, защитить от возможных «нападков» со стороны хана и татарской знати, «разгневанных сим случаем», а по прибытии на новое местожительство выдать переселенцам семена и продовольствие «доколе новый хлеб родится» [5. С. 588]. Реакция крымского хана Шагин-Гирея и татарской феодальной знати на эту акцию российского правительства была крайне отрицательной. Когда хану доложили о готовящемся переселении христианского населения Крыма, Шагин-Гирей назвал это сообщение «беспутным слухом» и потребовал представить ему распространителей «сей выдумки». Графу Панину пришлось объяснять «крымским чинам», что переселение вызвано «междоусобием и неустройством в Крымском ханстве» и что в таких условиях «...жительствующие между

вами христиане для сохранения себя, жен и детей своих должны были прибегнуть под зашитие оружия ея императорского величества». «Императрица, — разъясняя Панин, — не могла отвергнуть от покровительства людей единовѣрных, кои перешед в Крым по разным временам по своей воле, могли равным образом оттуда отлучиться по своей же воле» [5. С. 895—898].

Чтобы не обострять и без того напряженные отношения с ханом и татарским населением Крыма, Суворову пришлось выплатить татарам денежную компенсацию за уходящих из Крыма вместе с греками и армянами — рабами христианского происхождения — и пообещать хану денежное вознаграждение за утрату значительной части его подданных [6. С. 14—17]. В начале 1779 г. Шагин-Гирей получил 50 тыс. р. в качестве своеобразного возмещения за уход из Крыма христиан. Такую же сумму получили братья хана, беи, мурзы и ханские чиновники [6. С. 21].

Переселение христиан из Крыма началось в первых числах августа и продолжалось до второй половины сентября. Крым покинули в общей сложности 31 386 христиан. В Крыму и других местах осталось только 288 человек [5. С. 711—714].

В результате переселения греков и армян в пределы Российской империи численность и этнический состав населения Крыма изменились, значительно возрос удельный вес татарского населения.

Борьба между Россией и Турцией за Крым продолжалась. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест, в котором говорилось, что предоставление Крымскому ханству независимости не привело «к тишине и безопасности». Турция продолжала вмешиваться в крымские дела и пыталась снова осуществлять верховную власть над Крымом. Поэтому «решились мы, — говорилось в манифесте, — взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону» [3. Т. 21, № 5 708; 7. С. 92].

В советской научной литературе уже давно утвердилось мнение, что ликвидация Крымского ханства, очага постоянной агрессии и международной напряженности, и присоединение его территории к России сыграло большую прогрессивную роль не только для собственно Крыма и прилегающих к нему земель, но и для всего Северного Причерноморья, создав благоприятные условия для развития производительных сил и культуры Новороссийского края [8. С. 87—105].

Однако прогрессивный характер этого события не следует, на наш взгляд, понимать слишком прямолинейно, учитывая тот факт, что хотя Российская империя конца XVIII в. по уровню развития экономики и культуры стояла значительно выше султанской Турции, тем не менее в стране сохранялся феодально-абсолютистский строй, усиливалось крепостничество.

В 1784 г. была создана Таврическая область, в которую вошли Крым, Тамань и земли к северу от Перекопа, ранее бывшие в составе Крымского ханства. Остальные кубанские земли были включены в Кавказскую губернию [3. Т. 21, № 15 920]. В 1802 г. Таврическая область была преобразована в губернию [3. Т. 27, № 20 449].

Учитывая военно-стратегическое значение Крыма и большое влияние Турции на татарское население полуострова, Екатерина II и ее окружение стремились завоевать расположение новых подданных империи.

Еще в апрельском манифесте 1783 г. местным жителям было обещано «свято и непоколебимо ... содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лицо, имущество и природную веру ... и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те

же правности и преимущества, каковыми таковые в России пользуются» [З. Т. 21, № 15 708].

22 февраля 1784 г. татарским феодалам было даровано право пользоваться всеми преимуществами российского дворянства [З. Т. 22, № 15 936].

Указом Сената 9 ноября 1794 г. всем имущим магометанам Таврической области, без различия звания и состояния, было оставлено в свободное владение недвижимое имущество с распространением этого права на наследников [З. Т. 23, № 17 265].

И, наконец, 18 сентября 1796 г. рескриптом, направленным на имя губернатора Екатеринославского, Вознесенского и Таврического, князя П. Зубова татары освобождались от рекрутской повинности (из татар на добровольных началах намечалось создать пять кавалерийских дивизионов) и военного постоя. Татарам, согласно рескрипту, предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы (при согласии обеих сторон) у улемов, и решения последних считались окончательными. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей [9. Ф. 799, оп. 3, д. 455. Лл. 29—30].

В начале XIX в. Комитет по устройению Новороссии подтвердил личную свободу татарских крестьян и их право переходить от одного помещика к другому или в казенные поселения [10. Ф. 1 307, оп. 1, д. 1. Л. 60].

Однако, несмотря на все указанные меры, часть татарского населения покинула Крым и эмигрировала в Турцию. Масштабы и причины этой эмиграции были предметом дискуссии ряда исследователей. Подробное изложение различных точек зрения на эту проблему дано в работе А. И. Маркевича [11. С. 375—405].

В связи с сокращением численности населения Крыма уже в царствование Екатерины II было начато заселение Крыма и Северной Таврии. Одним из самых простых способов было поселение здесь отставных русских солдат, которые снабжались амуницией, жалованьем, провиантом и под командой специально выделенных офицеров направлялись в отведенные для них местности [9. Ф. 799, оп. 3, д. 10. Лл. 2, 3, 9, 10, 15, 16, 84, 91]. Одновременно в Таврическую область отправляются на постоянное жительство русские, оказавшиеся по разным причинам в Молдавии, входившей в те времена в состав Османской империи [9. Ф. 799, оп. 1, д. 27. Лл. 10, 11, 25, 29, 62—88—91, 98—101]. Слились в Таврической области и выходцы из Польши. Судя по их фамилиям, это были русские и украинские крестьяне, проживавшие там постоянно или заброшенные в Польшу волею судьбы [9. Ф. 799, оп. 1, д. 86, 132, 337, 345].

Определенную часть переселенцев составили и крепостные. После присоединения Крыма к России императрица щедро жаловала крымские земли сановникам, гражданским чиновникам, военным. По подсчетам Ф. Ф. Лашкова, только в Крыму было роздано лицам разного звания более 350 тыс. десятин земли. А всего в Таврической области до 1796 г. было отдано новым владельцам не менее 695 тыс. десятин [12]. Стремясь освоить вновь приобретенные земли, русские помещики переселяли сюда своих крепостных из внутренних губерний страны. В 1795 г. в Таврической области крепостных уже 12 704 крепостных (здесь и в дальнейшем речь идет только о лицах мужского пола), что составило 11,31% от всего крестьянского населения области. В 1857 г. число крепостных в губернии достигло 20 601 человека (7,87% крестьянского населения региона) [13. С. 116—117, 152—153, 176—177]. Таким образом, крепост-

ные крестьяне стали одним из компонентов русского и украинского населения губернии.

Весьма заметную роль в изменении этнической картины Крыма и Северной Таврии сыграло поселение здесь государственных крестьян из внутренних губерний. По подсчетам В. М. Кабузана, из 92 242 переселенцев, прибывших в Таврическую губернию с 1783 по 1854 г., 45 702 (50,55%) составляли государственные крестьяне [14. С. 87—88], как правило, русские и украинцы.

В конце XVIII и в первой половине XIX в. в Таврической губернии появляются иностранные колонисты: греки (или, как принято их называть, в отличие от греков, переселенных в Приазовье в 1778 г., — новогреки), принимавшие участие в русско-турецких войнах на стороне России и вынужденные покинуть родину под угрозой жестоких репрессий со стороны султанского правительства, болгары, бежавшие из Османской империи, и, наконец, немецкие колонисты, приглашенные в Таврическую губернию для заселения и обустройства «пустопорожных» земель. С 1783 по 1854 г. сюда переселилось 8 934 иностранных колониста, что составило 10,55% от общего количества переселенцев [14. С. 88]. Заселение Крыма и Северной Таврии русскими и украинскими крестьянами и иностранными колонистами значительно изменило этническую карту этого региона. Уже в середине XIX в. русские и украинцы составляли большинство населения материковых уездов Таврической губернии.

Однако самые значительные изменения в этническом составе Таврической губернии произошли только во второй половине XIX в. Отмена крепостного права и последующие буржуазные реформы устранили многие, хотя далеко не все, препятствия в заселении окраин Российской империи. В. И. Ленин указывал, что «...главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России» [15. С. 70].

Но, кроме общей причины, в Крыму существовали и дополнительные факторы, повлиявшие на этот процесс. Самой важной причиной заселения Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины во второй половине XIX в., на наш взгляд, была новая (вторая) эмиграция крымских татар в Турцию, развернувшаяся вскоре после Крымской войны 1853—1856 гг. и принявшая в начале 60-х гг. XIX в. широкие масштабы. По официальным данным, татарам и ногайцам (ногайцы проживали в это время в Северной Таврии) Таврической губернии в течение 1860—1862 гг. было выдано 29 098 паспортов и удостоверений на 192 360 душ обоего пола. Отобрано и возвращено в казенную палату 1 542 паспорта на 11 183 человека. Следовательно, в Турцию эмигрировало 181 177 человек [16. С. 20].

Историки XIX — начала XX в. не раз предпринимали попытки выявить причины этого явления. Одни объясняли эмиграцию татар чисто политическими и даже психологическими причинами [11. С. 375—405]. Другие выдвигали на первый план только экономические факторы [17; 18]. Нам кажется, что при объяснении этого сложного исторического момента надо учитывать совокупность условий, породивших татарскую эмиграцию в Турцию. Безусловно, одной из причин ее было обезземеливание татарских крестьян, которое проводилось как русскими, так и татарскими помещиками при активном содействии царских чиновников. В результате большая часть татарских крестьян оказалась лишенной земли и вынуждена была жить на помещичьих землях, отбывая за пользование ими различные повинности.

При захвате крестьянских земель русские и татарские помещики

использовали то обстоятельство, что татарские крестьяне не имели на руках документов, подтверждавших их право на владение землей [19. С. 610]. Наблюдая жизнь татарских крестьян, И. К. Айвазовский писал: «Одной из причин неудовлетворительного экономического положения татар в степной части Крыма нужно признать неограниченное право земледельцев выселить их со своих земель... Вследствие такого произвола татары периодически разоряются, будучи принуждены ... скитаться по полуострову, приискивая приют у другого землевладельца, который пользуется подобным случаем, чтобы выговорить себе непомерно выгодные условия» [9. Ф. 26, оп. 1, д. 26 521. Л. 23].

К сожалению, мы не располагаем точными статистическими сведениями о количестве и удельном весе безземельных татарских крестьян в конце 50-х гг. XIX в. Подробные данные по этому вопросу относятся только к 1876 г. Они свидетельствуют, что удельный вес татарских крестьян, проживавших на помещичьих землях, составил в Евпаторийском уезде 87,9%, в Перекопском — 80,7, Симферопольском — 55,6, Феодосийском — 41,4, Ялтинском — 32,5, а всего по Крыму — 51,8% [17]. Если учесть, что $\frac{3}{4}$ татарских крестьян, переселившихся к началу 60-х гг. XIX в., проживало на помещичьих землях, то можно полагать, что до эмиграции безземельных татарских крестьян было значительно больше. В свете этих данных становится понятным, почему Ялтинский уезд, где подавляющая масса татарских крестьян владела землей на правах собственности, оказался менее всего затронутым эмиграцией (из Ялтинского уезда уехало в Турцию всего 2 870 человек) [17. С. 206].

Однако если объяснять массовое переселение татар в Турцию в начале 60-х гг. XIX в. только тяжелым положением татарских крестьян, то остается непонятным, почему из Крыма эмигрировали также 13 444 татарина-мещанина, 9 168 представителей духовенства и 772 дворянина [18. С. 94].

Выясняя причины такого необычного явления, как массовая эмиграция из страны значительной части народа, следует учитывать, что беспощадному ограблению и угнетению подвергались все крестьяне Российской империи, в том числе русские и украинские, что политика национальной дискриминации проводилась русским царизмом по отношению ко всем нерусским народностям, но что только татары и ногайцы прибегали к такому своеобразному способу борьбы, как массовое бегство за границу. И это можно объяснить, с нашей точки зрения, некоторыми особенностями взаимоотношений крымских татар с Турцией.

В течение трех столетий Крымское ханство являлось вассалом Турции, и турецкий султан считался владыкой Крыма. После присоединения Крыма к России связи крымских татар с Турцией не прекратились. Турецкий султан по-прежнему был для крымских татар главой всех правоверных, и каждую пятницу во всех мечетях Крыма возносились молитвы за здоровье султана [11. С. 15]. Следует также принять во внимание, что подавляющее большинство мусульманского духовенства получило образование в Турции и придерживалось протурецкой ориентации. Одним из показателей большой роли мусульманского духовенства в жизни татар является насыщенность мусульманских селений мечетями. Так, в 1860 г. в Таврической губернии насчитывалось 1 460 мечетей [9. Ф. 81, оп. 1, д. 735. Л. 29].

Во время Крымской войны имел место ряд фактов, свидетельствующих о нелояльном отношении определенной части татар к России. Так, например, во время высадки турецкого десанта в районе Евпатории некоторые татары приняли на себя обязанность выявлять русских чи-

новников и выдавать их врагу. Были случаи, когда татары преднамеренно давали русским разведчикам неверные сведения о движении неприятельских войск, создавали тайные склады оружия, снабжали иностранные войска провиантом [20. С. 13—28].

На фоне всех указанных событий становится понятным, почему на крымских татар и таврических ногайцев так подействовал пример 16 тысяч кавказских ногайцев, переселявшихся в Турцию через крымские порты и вынужденных остановиться на зиму 1859—1860 гг. в северных уездах Таврической губернии [11. С. 397]. Поэтому столь эффективной оказалась в Крыму деятельность турецких агентов и фанатично настроенного мусульманского духовенства, призывавших татар к переселению в Турцию и уверявших их, что султан предоставит им лучшие земли, снабдит их рабочим скотом и т. д. [21. С. 188]. Все обещания султанского правительства оказались ложными. В Турции татары попали в крайне бедственное положение, голодали и нищенствовали [22. С. 977].

В результате татарской эмиграции в Крыму частично или полностью обезлюдело 687 селений: в Перекопском уезде — 278, Евпаторийском — 196, Симферопольском — 146, Феодосийском — 67. В 1867 г. 330 деревень Крыма оставались совершенно безлюдными [23. С. 434—436]. Резко сократилась численность сельского населения Крыма: в 1853 г. оно составляло 225,6 тыс., а в 1865 — 112 тыс. [24].

Одновременно с татарской эмиграцией из Крыма шло переселение ногайцев из северных уездов Таврической губернии. В XVIII—XIX вв. ногайцев иногда относили к татарам. Однако ногайцы представляли собой особую этническую группу. Главным их занятием еще в начале XIX в. было кочевое скотоводство. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. часть ногайцев отложились от Турции и вступила в союз с Россией. После присоединения Крыма к России ногайцы (не все) были поселены на левом берегу р. Молочные Воды, а в 1800 г. они были причислены к государственным крестьянам. Царское правительство хотело заставить ногайцев перейти к оседлости и применяло для этого типичные для феодально-абсолютистского государства насильственные методы [25. С. 120—126]. По данным А. А. Сергеева, в Турцию переселилось 50 134 ногайца [17. С. 210]. В результате эмиграции ногайцев опустело 96 селений в материковых уездах губернии [2. Отд. 2. С. 3].

Эмиграция татар в Турцию продолжалась и в последующие годы. Например, в начале 90-х гг. XIX в. Крым покинуло около 30 тыс. татар. В начале XX в. наблюдается новая волна эмиграционного движения, но точных данных о численности выехавших в Турцию татар нет [26. С. 55]. Сокращение крестьянского населения Крыма и Северной Таврии серьезно обеспокоило многих помещиков [9. Ф. 327, оп. 1, 9, 1383. Лл. 2, 14].

Идя навстречу их требованиям, царское правительство принимает ряд мер по заселению Крыма и Северной Таврии крестьянами из малоземельных губерний Российской империи и иностранными колонистами. Заселение материковых уездов проходило сравнительно быстро и в целом успешно.

В 1860—1863 гг. в губернии поселилось 39 823 человека. Из них 36 274 обосновались в материковых уездах и только 3 549 — собственно в Крыму [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 527. Лл. 3, 5, 18—22]. Следовательно, подавляющая масса переселенцев заселила северные уезды губернии. Уже в 1866 г. в «Русском вестнике» отмечалось, что «оставленные ногайцами земли Мелитопольского и Бердянского уездов, представляющие благоприятные места для поселения, были в самое непродолжительное время заняты новыми поселенцами» [27. С. 260]. Здесь же указывалась еще

одна чрезвычайно важная причина быстрого заселения этого района Таврической губернии: переселенцы селились главным образом на казенных землях, и это давало им известную гарантию стабильности. Переселение шло из Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Курской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и даже из Тобольской губернии [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 575. Лл. 18—22].

Крым заселяли и крестьяне других национальностей. В начале 60-х гг. XIX в. здесь появились переселенцы из Эстонии. Часть из них была приглашена местными помещиками. Эстонцы поселились в имениях помещиков Симферопольского уезда [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 575. Лл. 18—22]. Через некоторое время почти все эстонские крестьяне ушли от помещиков и добились разрешения поселиться на казенных землях.

Несмотря на все препятствия, чинимые царской администрацией, и значительную «утечку» эстонских переселенцев в другие губернии, в Крыму во второй половине XIX в. образовалась численно небольшая, но довольно компактная группа эстонских крестьян. В 1889 г. эстонцы проживали в четырех деревнях Перекопского и в четырех деревнях Симферопольского уездов [2. Отд. 2. С. 16].

Почти одновременно с эстонцами в Крыму появляются переселенцы из Чехии (Богемии). Царское правительство намеревалось поселить в Таврической губернии до 10 тыс. чехов [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966. Л. 15].

Прибывшие в Крым чехи оказались, так же как и эстонцы, в чрезвычайно трудных условиях [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 563. Лл. 2, 3, 11, 36—37]. В результате многие вернулись на родину. Оставшиеся в Крыму были поселены на казенных землях Перекопского уезда, где они образовали четыре новых поселения [2. Отд. 2. С. 16].

В начале 60-х гг. XIX в. в Таврическую губернию прибывают сравнительно крупные партии болгарских переселенцев [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966. Л. 7].

Несмотря на то, что часть болгарских переселенцев вскоре вернулась на родину, в Крыму в конце XIX в. сохранялась значительная прослойка болгарского населения. По данным переписи 1897 г., в уездах и градоначальствах Крымского полуострова проживало 7 528 болгар [28. С. 5—6].

В 60—70-х гг. XIX в. продолжается приток в губернию немецких колонистов. В 1897 г. в Перекопском уезде насчитывалось 11 718 немцев-колонистов, Евпаторийском — 7 588, Симферопольском — 5 812, Феодосийском — 4 909. Таким образом, в Крыму в 1897 г. проживало 30 027 немецких колонистов [28. С. 8].

Из имеющихся в нашем распоряжении статистических данных выясняется, что население Таврической губернии с 1861 по 1897 г. возросло с 527 431 до 1 447 790 человек, т. е. более чем в 2,5 раза. При этом население уездов (без городов), т. е. сельское, увеличилось с 422 648 до 1 172 469, т. е. в 2,8 раза. Следовательно, рост сельского населения опережал рост населения губернии в целом. За этот же период население материковых уездов возросло с 328 206 до 888 334 человек, т. е. в 2,7 раза, а население Крымского полуострова, где в начале 60-х гг. XIX в. особенно сократилось число сельских жителей, увеличилось с 94 442 до 284 135, т. е. в 2,8 раза. Большая часть сельского населения Таврической губернии (888 334 человека из 1 172 469, т. е. 75,8%) в конце XIX в. обитала в северных уездах губернии [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966, прил. 23; 29. Л. Б.].

Интенсивное заселение Крыма и Северной Таврии русскими, украинцами и представителями других национальностей привело к значительным изменениям этнического состава Таврической губернии.

Важным источником для изучения демографических процессов в Крыму и Северной Таврии являются данные о национальном составе населения Таврической губернии по итогам переписи 1897 г. Обращает на себя внимание прежде всего его пестрота — 42,4% населения губернии и 50,1% сельского населения составляли украинцы. На втором по численности месте были русские — 27,9% населения губернии и 22,6% сельского населения. Значительно снизился, по сравнению с серединой XIX в., удельный вес татарского населения (12,7%) [28. С. 6].

Более подробные сведения содержатся в таблице.

Как видно из таблицы, в конце XIX в. русские и украинцы занимали в процентном отношении первое место во всех уездах и градоначальствах Таврической губернии. Абсолютное преобладание русского и украинского населения отмечалось прежде всего в материковых уездах Таврической губернии, где русские, украинцы и белорусы составляли от 73,3% (Бердянский уезд) до 94,9% населения (Днепровский уезд). При этом преобладали украинцы (от 54,9% в Мелитопольском уезде и до 73,6% в Днепровском уезде). На Крымском полуострове русские и украинцы нигде, за исключением Перекопского уезда и Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальств, не составляли более половины населения.

Обращает на себя внимание тот факт, что татары, составляя значительную часть населения крымских уездов в конце XIX в., нигде, кроме как в Ялтинском уезде, не преобладали. Немецкие переселенцы встречаются во всех уездах Таврической губернии, в том числе материковых. В Бердянском уезде немецкие колонисты составляли, например, около 8% населения. Из таблицы ясно, что видное место среди иностранных переселенцев занимали болгары, которые сосредоточивались главным образом в Бердянском и Феодосийском уездах. Небольшое число выходцев из Чехии, оставшихся в Таврической губернии в конце XIX в., проживало главным образом в Крыму и частично в Мелитопольском уезде. Таблица показывает, что все переселенцы из Эстонии обитали в крымских уездах. Удельный вес греков доходил до 4—5% (Ялтинский и Феодосийский уезды).

К числу довольно компактных этнических групп Крыма следует отнести армян, проживавших преимущественно в Крыму, и особенно в Феодосийском и Симферопольском уездах. Незначительную долю населения Таврической губернии составляли молдаване, турки, поляки.

Таковы некоторые наблюдения и выводы об этническом составе населения Таврической губернии (в том числе Крыма).

Изучение миграции на территории Таврической губернии, границы которой, если исключить Кубань, совпали с границами бывшего Крымского ханства за период с 1783 по 1897 г., показывает, что по масштабам миграции Таврическая губерния не знает себе равных. Главным результатом сложных процессов миграции были крупнейшие изменения в этническом составе населения этого региона. В конце XIX в. подавляющее большинство жителей губернии составили русские и украинцы (более 70%). Резко сократился удельный вес татар (менее 13% населения губернии в 1897 г.). На территории бывшего Крымского ханства появилось много новых этнических групп, внесших свой вклад в развитие производительных сил этого края.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ (ПО УЕЗДАМ И ГРАДОначАЛьСТВАМ) В 1897 г.
(дАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1897 г., %) *

Уезды губернии	Русские, белорусы, украинцы,	В том числе			Полвки	Чехи	Болгары	Молдаване	Немцы	Греки	Армяне	Цыгане	Евреи	Эстонцы	Татары	Карaimы	Турки	Прочие
		русские	украинцы	белорусы														
Бердянский	77,3	18,1	58,8	0,4	0,1	10,5	0,5	7,8	0,2	0,1	—	2,9	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2
Днепровский	94,9	19,9	73,6	1,4	0,3	—	0,2	1,3	—	—	0,1	3,0	—	0,2	—	—	—	—
Мелитопольский	86,6	32,8	54,9	0,3	0,6	0,5	—	5,2	0,1	0,1	0,1	4,2	—	0,2	0,1	0,1	—	0,1
Симферопольский	37,7	30,2	7,1	0,4	1,2	1,0	—	4,1	1,8	2,1	0,1	6,5	0,5	41,8	2,6	0,2	0,2	0,2
Евпаторийский	39,0	17,0	21,1	0,3	0,3	—	0,1	12,0	1,6	0,7	0,1	9,5	0,6	40,5	2,2	—	—	0,2
Перекопский	54,3	22,9	22,0	0,4	0,3	—	0,1	22,8	0,4	1,2	0,5	2,6	1,6	23,5	0,4	—	—	0,1
Ялтинский	30,2	27,1	2,8	0,3	0,6	—	0,0	0,5	5,4	0,9	—	1,3	0,1	58,7	0,3	1,5	0,4	0,4
Феодосийский	42,2	32,2	11,5	0,5	0,6	5,0	0,1	4,2	4,0	2,1	0,3	2,5	—	37,2	1,2	0,2	—	—
Керчь-Еникальское градоначальство	72,1	55,8	16,1	0,2	2,0	0,1	0,1	0,7	4,6	1,6	0,1	10,1	0,2	5,0	0,9	0,12	—	—
Севастопольское градоначальство	76,2	62,8	13,1	0,3	4,9	0,1	0,1	1,6	5,0	0,8	0,1	6,4	0,2	1,7	1,6	0,4	0,8	0,8

* Таблица составлена по данным [28. С. 61].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
2. Памятная книжка Таврической губернии. 1889/Под ред. К. А. Вернера. Симферополь, 1889. Отд. 3.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 14 164.
4. *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. 1774. М., 1955.
5. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции, донесения. Спб., 1900. Т. 2.
6. *Маркевич А. И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму//ИТУАК. № 31 (отд. отт.).
7. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
8. *Она же.* Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море//Из истории общественных движений и международных отношений: Сборник статей в память акад. Евгения Викторовича Тарле. М., 1957.
9. Крымский облгосархив.
10. ЦГИА СССР.
11. *Маркевич А. И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму//Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гуманитар. наук. 1928, № 4—7.
12. *Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения//ИТУАК. № 21—25.
13. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Прил. 2.
14. *Она же.* Заселения I освоения Таврической губернии у II пол. XVIII — первой пол. XIX ст.//Укр. Ист. журн. 1969. № 12.
15. *Ленин В. И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века//Полн. собр. соч. Т. 17.
16. Статистический справочник Таврической губернии/Сост. Ф. Н. Анориевский. Симферополь, 1915. Ч. 1.
17. *Сергеев А. А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г.//ИТУАК, 49.
18. *Чернышев.* Причина эмиграции крымских татар в Турцию//Тр.: О-во изучения Татарстана. Казань, 1930.
19. *Левцкий Г. П.* Переселение татар из Крыма в Турцию//Вестн. Европы. 1882.
20. *Маркевич А. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны//ИТУАК. № 37.
21. *Вольфсон Б. М.* Эмиграция крымских татар в 1860 г.//Ист. зап. 1940. № 9.
22. Колокол (факсимильное изд.) М., 1962.
23. Памятная книжка Таврической губернии//Под ред. К. Б. Ханацкого. Симферополь, 1867.
24. *Вологдин Б.* Население Крыма за последние 150 лет//Бюлл. Крым. Центр. стат. упр. Симферополь. 1928. № 7.
25. *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970.
26. *Исхаков Д. М.* Динамика численности татар в России в XVIII — начале XX в.// География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
27. О заселении Крыма новыми поселенцами//Рус. вестн. 1866. Т. 63.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Спб., 1904. Т. 41: Таврическая губерния.
29. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1897 г. Симферополь. 1898. Ведомость.

Н А С Л Е Д И Е

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ЗАМЕТКИ Н. К. ДМИТРИЕВА В КНИГЕ С. К. ЦЕРУНИАНА
«КУРС ОСМАНСКИХ РАЗГОВОРОВ»

Одновременно с занятиями на историко-филологическом факультете Московского университета Н. К. Дмитриев учился в Центральном институте живых восточных языков, который окончил в 1922 г. Турецкий язык он изучал у В. А. Гордлевского и С. К. Церуниана. «Особенно полезно было, — писал впоследствии Н. К. Дмитриев, — сотрудничать с преподавателем (позднее — героем труда и профессором) С. К. Церунианом, который работал в области турецкого словаря и фразеологии. Однако при жизни автор успел выпустить только первый том «Курса османских разговоров» (М., 1924), в грамматической части которого (Н. К. Дмитриев. — Э. Тенишев) принимал некоторое участие» [1].

Так чрезвычайно скромно Н. К. Дмитриев отозвался о своей роли в составлении учебника С. К. Церуниана. В действительности вклад Н. К. Дмитриева в создание этой книги был весьма значительным.

С. К. Церуниан — полузабытая ныне фигура в отечественных тюркологии. Вот что о нем сообщает словарь отечественных тюркологов: «Семен Григорьевич (Киркович) Церуниан (Дзеруниан) (1860—25.XII. 1931), армянин, родился в Стамбуле, в районе Бешикташа. Получил образование в турецкой школе. Владел в совершенстве армянским и турецким языками, хорошо знал итальянский и французский языки. В России начал свою преподавательскую деятельность в специальных классах Лазаревского института восточных языков (1885 г.), где, по отзывам его учеников (Н. К. Дмитриев, М. С. Михайлов), с успехом вел курс турецкого разговорного языка. О достоинствах его преподавания можно судить по его учебнику османского разговорного языка, который до сих пор не имеет себе равных» [2. С. 287].

Талантливый слушатель курса Н. К. Дмитриев обратил на себя внимание С. К. Церуниана. Между ними установились дружеские отношения, в результате чего Н. К. Дмитриев получил приглашение от С. К. Церуниана участвовать в подготовке учебного пособия.

В настоящее время книга С. К. Церуниана и Н. К. Дмитриева стала библиографической редкостью, и потому позволим себе привести полное ее название: «Институт востоковедения. На правах рукописи. С. К. Церуниан. Курс османских разговоров (материалы по османской фразеологии). Пособие к лекциям преподавателя в Московском институте востоковедения и Военной академии РККА. Ч. 1. М., 1924. 588 с. с грамматическими заметками и предисловием Н. К. Дмитриева».

Учебник издан стеклографическим способом Московским институтом востоковедения. Судя по почерку, он переписан от начала до конца Н. К. Дмитриевым. Весь материал распределен по урокам. Каждый

урок начинается с лингвистического правила в формулировке Н. К. Дмитриева, затем следует практическая часть С. К. Церуниана, состоящая из списка слов и оборотов речи. В задачу данной статьи не входит анализ учебного пособия с методической точки зрения. Ставится цель более конкретная: рассмотреть только грамматические правила в плане выражения определенных лингвистических категорий и проследить их развитие в последующих работах Н. К. Дмитриева. Касаясь сингармонизма — существенной черты фонетической структуры турецкого, как и других тюркских языков, — Н. К. Дмитриев указывает, что турецкий язык «при всяком грамматическом изменении слов прибавляет служебные, формальные элементы (т. н. аффиксы падежей, чисел, лиц и проч.) к корню слова и как бы „приклеивает“ их к его основе (принцип агглютинации). Прибавляемые таким образом слоги подчиняют свои гласные последнему гласному основы: если в конце основы имеются твердые гласные (иначе ненебные) а, о, у, і [3], — то в прибавляемых слогах не могут быть ни е, ни ö, ни ü, ни і» (с. 4—5). Далее Н. К. Дмитриев пишет: «Кроме отмеченного деления гласных по степени мягкости (нёбности), их делят еще на губные (о, ö, у, ü) и негубные (а, е, і, і). Прибавляя аффиксы к основе, следует помнить, что если последний гласный основы — губной, то гласный аффикса тоже должен быть губным, и наоборот» (с. 15). Эти положения Н. К. Дмитриев конкретизирует и развивает в последующих работах.

В книге «Строй турецкого языка» [4; 5] принцип дихотомического деления гласных не только сохраняется, но и пополняется третьей ступенью (предложенной еще В. В. Радловым). Первая ступень — нёбный (или передний) и ненебный (или задний) ряды. Вторая ступень — губной и негубной ряды. Третья ступень — широкие и неширокие (или узкие) гласные. Данная схема уточняет формулировку закона гармонии гласных и приводит к важному выводу о наличии единой нёбно-губной ассимиляции с более ограниченным проявлением в своей губной части. По наблюдениям Н. К. Дмитриева, в турецком языке имеет место не только прогрессивная, но и регрессивная ассимиляция, примеры которой дают некоторые формы местоимений.

В «Грамматике кумыкского языка» [6] тройное деление гласных сохраняется. Преимущественное внимание обращается на тип аффикса — одно-, двух- или многовариантен он по линии гласных — от этого зависит реализация закона гармонии гласных.

В «Грамматике башкирского языка» [7] классификация гласных дополняется еще одним рядом: гласными среднего подъема (полуузкие/полуширокие); как и в кумыкской грамматике, автор большое значение придает типу аффикса. В обеих грамматиках гармонии гласных отведен особый раздел «Сингармонизм».

В «Курсе османских разговоров» отмечается, что, кроме гармонии гласных, действует также правило уподобления согласных. Для турецкого языка действие его проявляется в том, что «звонкий согласный аффикса переходит в глухой после глухого основы» (с. 85). В книге «Строй турецкого языка» Н. К. Дмитриев [4. С. 20] называет это правило гармонией согласных, добавляя что «по существу, мы имеем здесь т. н. прогрессивную ассимиляцию по признаку звонкости или глухости, т. е. после звонких согласных корня должны идти звонкие аффикса, и наоборот». Аналогичная формулировка дана и в других грамматических работах Н. К. Дмитриева [6. С. 22; 7. С. 40]. Четкость и единообразие определения закона гармонии согласных объясняется, очевидно, его устойчивым характером в тюркских языках, наличием минимального числа отступлений.

В «Курсе османских разговоров» с достаточной полнотой представлены системы словоизменения имени и глагола турецкого языка.

Система склонения состоит из семи падежей: «1) именительный (точнее, неопределенный); 2) родительный; 3) дательный; 4) винительный; 5) исходный; 6) местный; 7) относительный (релятивный)» (с. 78). Привлекают внимание пояснения Н. К. Дмитриева к именительному и относительному падежам. Он весьма тонко раскрывает семантику именительной формы: «Понятие европейского именительного падежа выражается по-османски формой более обширного значения. Так, например, слово *defter* 'тетрадь' употребляется в этой форме не только как подлежащее (*defter küçüktür* 'тетрадь маленькая'), но и как дополнение (*bana bir defter ver* 'дай мне тетрадь') и как определение (*defter rengi* 'цвет тетради')» (с. 82). Отметив полифункциональность падежа, Н. К. Дмитриев приходит к заключению, что эта форма называется неопределенным падежом и обычно употребляется по отношению к предмету неизвестному или впервые упоминаемому.

В функции падежа подлежащего (*casus subjections*) эта форма указывает на любой предмет. Другие названия падежа — неоформленный (по отсутствию специального аффикса) и латентный, в противоположность оформленным (имеющим аффикс), или определенным, падежам (с. 83).

Об относительном (релятивном) падеже делается такое замечание: «Относительный падеж имеет энклитический аффикс *-sa/-ce* (по гармонии гласных) и означает отношение или сравнение: употребляется он в известных случаях и не от всех имен» (с. 79).

В дальнейшем Н. К. Дмитриев исходил из представления об ударном характере падежных формантов. Вследствие этого в парадигматику турецкого, кумыкского и башкирского языков он включил всего шесть падежей [4. С. 43; 6. С. 54—55; 7. С. 61], седьмой — относительный — падеж вошел в состав отыменных наречий [6. С. 91; 7. С. 113—114].

Характеристика именительного (неопределенного, основного) падежа была дополнена и расширена в его соотношении с категорией определенности/неопределенности [7. С. 62, 217—218].

По поводу категории множественности (количественности) Н. К. Дмитриев в «Курсе османских разговоров» делает такое замечание: «При обозначениях количества (много, мало) по-османски ставится единственное число. *Agıud* и *eıta* означают, как и ряд других имен, не только единичный предмет (груша, яблоко), но и целый ряд их (груши, яблоки)» и далее: «После наречий количества (*çok* 'много' и *az* 'мало' и проч.), а также после числительных по-османски ставится форма единственного числа» (с. 32, 36).

Неоднократно возвращаясь к теме «выражение единичности/множественности», Н. К. Дмитриев обычно рассматривал ее как маркированный и немаркированный члены оппозиции определенность/неопределенность [4. С. 44—45, 66—67; 6. С. 172—175; 5. С. 217—218].

Об указательных местоимениях в «Курсе османских разговоров» говорится: «Указательные местоимения различают три стадии удаления предмета от лица говорящего [следует сноска: "По-видимому, это различие стоит в связи с тремя степенями личных местоимений (я, ты, он)". — Э. Т.] (ср. то же в армянском языке): *bu* 'этот', *o* 'тот' (оно же личное местоимение 3 л.), *şu* 'вон тот' (старая форма *ol, şul*). Когда указательные местоимения различают предметы не в топографической последовательности, а во временной (например, стоя перед или после косвенной речи), то *bu* указывает на предыдущее, а *şu* на последующее» (с. 100—101). Это наблюдение, важное в теоретическом пла-

не, Н. К. Дмитриев развивал в ряде своих работ, в том числе и специальных [6. С. 72; 7. С. 98—99; 8; 9].

Детальную разработку в «Курсе османских разговоров» получил глагол.

К производным формам глагола отнесены залого (причинительный, или каузативный, взаимный, возвратный, страдательный) и формы аффиксального образования (с. 201—204). Особо выделены четыре наиболее широкие по значению формы: положительная и отрицательная, возможности и невозможности (с. 85, 177—178).

В составе наклонений указаны изъявительное, повелительное, желательное, условное, необходимости. Полную характеристику (формальную и семантическую) получили временные формы.

Прошедшее время:

1) прошедшее время на *-dı*, или прошедшее категорическое, «означает действие, которое имело место в прошлом и к моменту речи закончилось, причем оно не имеет связи с другими действиями, параллельно или последовательно происходящими. Оно просто устанавливает известный прошедший факт, притом подразумевается, что факт этот является общеизвестным, объективно установленным, или же сообщается на основании личных наблюдений говорящего (ср. франц. *passé défini*)» (с. 70);

2) прошедшее на *-miş*, или «прошедшее неопределенное» (другие названия *dubitative* — *Hağopian*, *zweifelhafte Vergangenheit-Horten*; прошедшее субъективное — 2-я часть «Руководства османского языка» проф. В. А. Гордлевского), означает действие, которое окончилось, но связь коего с настоящим осознается отчетливо (франц. *passé indéfini*, отчасти греч. *perfectum*, лат. *perfectum logicum*, прошедшее-настоящее в персидском и перфект в армянском).

Проф. Б. Цонев в своей статье «Опрѣдѣлен и неопрѣдѣленни форми в българский езикъ» (София, 1911) находит в болгарском спряжении «два прошедших времени с теми же функциями, как два излагаемых турецких» (с. 173). Далее следует еще дополнительное, уточняющее разъяснение: прошедшее неопределенное время «означает прошедший факт, причем говорящий знает о нем не путем личного восприятия, а 1) через 3-е лицо (по-русски говорят, что он знал) или 2) путем косвенного заключения из позднейших фактов (по-русски *оказывается, он взял*) или, наконец, 3) выражает свое личное мнение (по-русски *кажется, он взял*)» (с. 175).

Настоящее время:

1) настоящее время на *-уог* — «происходит в момент речи или в данный момент (по контексту)» (с. 123);

2) настоящее-будущее время на *-аг* (настоящее-неопределенное, или аорист), «происходящее обыкновенно (вообще), естественное по своей природе и не имеющее отношения к моменту речи действие, которое в силу своего обычного характера возможно и в будущем, т. е. неопределенное предположительное будущее» (с. 124).

Будущее время:

будущее на *асак* — «будущее (иначе: будущее абсолютное или категорическое) образуется от чистой глагольной основы путем прибавления сложного аффикса *-асак/-есек*» (с. 197).

Среди сложных (аналитических) временных форм Н. К. Дмитриев назвал формы на *-уогду* (определенный имперфект) и на *-агді* (неопределенный имперфект), сопроводив их разъяснением, что «соотношение между настоящим и настоящим-будущим временами, перенесенное в

плоскость прошедшего, выражается двумя формами определенного и неопределенного имперфекта» (с. 144).

Если сравнить описание временных форм индикатива в «Курсе османских разговоров» с их описанием в специальной работе по турецкому языку [4], то оказывается, что во второй работе, в отличие от первой, как основное название принято «долженствовательное наклонение» и только в скобках указывается «наклонение необходимости — *Necessivations*». В дальнейшем термин «долженствовательный» становится общепринятым в грамматических исследованиях турецкого языка. Надо отметить, что в книге «Строй турецкого языка» [4] предлагается подробный анализ турецких времен с формальной стороны, в то время как в «Курсе османских разговоров» в интересах преподавания более подробно дана семантическая картина временных форм.

Останавливаясь на понятии вида в «Курсе османских разговоров», Н. К. Дмитриев замечает, что турецкий язык «не различает глагольные виды, поэтому “брать” и “взять”, а также “давать” и “дать” выражаются одной формой. До некоторой степени этот недостаток компенсируется употреблением времен» (с. 83). При анализе турецких, кумыкских, башкирских временных форм Н. К. Дмитриев неизменно подчеркивал их видовые оттенки (4. С. 46—56; 6. С. 93—118; 7. С. 140—161]. Синтетическое выражение вида для тюркских языков он не считал основным, но полагал, что громадное большинство тюркских видов выражается аналитически, представляя собой комбинацию деепричастия спрягаемой формы и глаголов-модификаторов. Семантика этих сочетаний весьма разнообразна: ускорение и ослабление действия, переход действия в состояние, смена субъектов, начало и конец действия и т. д. [7. С. 195—200].

Служебная функция полнозначных именных основ в «Курсе османских разговоров» получила у Н. К. Дмитриева детальное освещение: «Послелог — слова, выражающие соотношение между предметами, ставятся после управляемого слова (франц. *postposition*) в противоположность европейскому предлогу (*préposition*). Их две группы: а) послелог-имена, которые, стоя после управляемого слова, сочетаются с ним по правилу турецкого изафета, т. е. управляемое сочетается в родительном или неопределенном падеже, а сами послелог принимают местоименные аффиксы и могут стоять в любом падеже, б) послелог-частицы сами по падежам не изменяются и требуют неопределенного падежа существительного и родительного падежа местоимения» (с. 57—59). Впоследствии Н. К. Дмитриев отошел от подобной трактовки тюркских послелогов: к собственно послелогам он отнес только группу б), т. е. неизменяемые частицы, переведя группу а) в разряд служебных имен [10. С. 114—132; 6. С. 88—90, 183—188; 7. С. 120—127, 228—233].

Принципиально важные в теоретическом плане положения тюркского синтаксиса также получили отражение в «Курсе османских разговоров». С большим искусством Н. К. Дмитриев выделил общие и частные особенности тюркской синтаксической структуры. «Порядок слов в предложении имеет громадное значение как синтаксический фактор. Основное положение здесь то, что все зависимое ставится перед тем, от чего зависит (т. е. определение перед определяемым, дополнения перед управляющим словом, придаточное перед главным). В живой речи (и в стихах) схема часто нарушается: возможно ее нарушение в целях большей экспрессии или логического оттенения слова» (с. 387—389).

Данное положение неоднократно конкретизировалось и дополня-

лось Н. К. Дмитриевым. То новое, что вносилось в понимание порядка слов, его морфологической, и синтаксической роли, основывалось на представлении о том, что «рассматривать вопрос о порядке членов предложения можно только тогда, если мы будем рассматривать порядок этих членов в их взаимной связи» [6. С. 160—170; см. также: 7. С. 207—217].

Надлежащее освещение получила определительная группа существительных, называемая в грамматиках тюркских языков изафетом. «Если какое-нибудь слово, — пишет Н. К. Дмитриев, — определяется не прилагательным (kalin defter ‘толстая тетрадь’), а существительным (okucupun defteri ‘тетрадь ученика’), то определяемое всегда получает местоименный аффикс принадлежности 3 л. (т. е. -ı или -sı для единственного числа, -ları для множественного числа), а определение-существительное или а) ставится в неопределенном падеже, если этот предмет неизвестен или впервые упоминается; б) ставится в род. падеже, если предмет известен или уже упоминался. Эта конструкция называется турецким изафетом (“изафет” от арабского izāfet ‘связь, соединение’), причем эпитет “турецкий” отличает ее от конструкции т. н. “персидского изафета”» (с. 48—49). Это основное определение тюркского изафета получило детальную разработку в других работах Н. К. Дмитриева [4. С. 66; 6. С. 176—183; 7. С. 223—228].

Внимание Н. К. Дмитриева в «Курсе османских разговоров» привлекли и синтаксические конструкции с неличными глагольными формами как выразители различного рода придаточных предложений: «Синтаксическая роль форм на -dik и -asak сводится к сокращению придаточных предложений разного типа (при этом разница между формами на dik и -asak исключительно временная)» (с. 282—285) и «синтаксическая форма на -an/-en употребляется для придаточных определительных» (с. 314). При этом критерий придаточных с личными оборотами еще отсутствует. Этот критерий (наличие при неличных оборотах отдельно выраженного подлежащего) был установлен Н. К. Дмитриевым позже [4. С. 73—74; 6. С. 193—196; 7. С. 247—248].

Н. К. Дмитриев в чисто прикладном «Курсе османских разговоров» не довольствуется только синхронным описанием структуры современного турецкого литературного языка. Одноплановый описательный прием он заменяет объемной моделью: сочетанием синхронного анализа с историческим и типологическим. Прототип подобной методики, как известно, нашел отражение еще в грамматике якутского языка О. Бетлингга.

Вот несколько иллюстраций исторической трактовки Н. К. Дмитриевым отдельных звеньев турецкой морфологии. Делая примечание к правилу Г. Еглички (афф. -ar/-er присоединяется к односложным, -ır/-ir, -ur/-ür — к многосложным основам), Н. К. Дмитриев замечает: «Из этого правила, однако, исключаются многие глаголы, усвоить их неправильность можно только на практике. Во всяком случае, формулировать это более точно до сего времени не удавалось. Объяснения надо искать в исторической грамматике, так как здесь, по-видимому, совпали в одной форме два различных времени (ср. хотя бы азербайджанское спряжение)» (с. 125).

Особенности отрицательной формы настоящего-будущего времени исторически объясняются следующим образом: эта форма «представляет значительные фактические изменения особенно в 1 л, где из *al-ta-ğın через ступень al-ta-z-ın получилась стяженная форма al-tā-m, и в остальных, где сохранилась средняя ступень, т. е. -az/-ez, вм. г, z» (с. 125).

Интересное соображение высказано об истории развития формы на -тіҫ: «Происхождение аффикса -тіҫ, равно как и всей формы, еще не выяснено. Но во всяком случае можно сказать, что в «форме на -тіҫ совпали несколько отдельных форм самостоятельного значения» (с. 174—176).

Типологические параллели отобраны Н. К. Дмитриевым из обширной группы индоевропейских (французский, итальянский, румынский, английский, южно-великорусский, болгарский, персидский, армянский языки) и семитских (арабский) языков.

Несколько примеров типологических характеристик отдельных явлений турецкой фонетики и грамматики: «Турецкое *t* по своей артикуляции ближе подходит к армянскому и румынскому *t*, чем к русскому» (с. 7) или приведенное выше объяснение семантики прошедших времен на *di* и на -тіҫ (с. 12). Показ фонетических и грамматических явлений в динамике остается характерной чертой дальнейших трудов Н. К. Дмитриева по грамматике тюркских языков.

Чрезвычайно привлекательно в «Курсе османских разговоров» интерпретационное искусство Н. К. Дмитриева — прозрачность, легкость, краткость — составляет не только пропедевтическую, но и чисто эстетическую ценность этого труда.

При написании грамматической части «Курса османских разговоров» Н. К. Дмитриев использовал весь предшествующий опыт отечественной и зарубежной тюркологии.

В различных местах книги можно встретить ссылки на труды В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, Ю. Немета, Г. Еглички, Хагопиана, Хортена. Однако не упоминается известная грамматика турецкого языка Ж. Дени. Она вышла в свет в Париже в 1921 г. и, очевидно, в период составления «Курса османских разговоров» не попала в поле зрения Н. К. Дмитриева.

Разрозненные сведения по фонетике и морфологии турецкого языка сведены вместе в кратком изложении в конце «Курса османских разговоров» (с. 411—438). Это очень полезное добавление к главной части книги.

Сравнение отдельных фрагментов «Курса османских разговоров» с последующими трудами Н. К. Дмитриева показало их органическую связь. Можно утверждать: то основное, что содержится в грамматических трудах Н. К. Дмитриева, было заложено в его самой ранней монографической работе «Курс османских разговоров». Этот выдающийся труд Н. К. Дмитриева из-за его библиографической редкости, к сожалению, теперь не используется тюркскими грамматистами и историками науки, точнее говоря, — он просто неизвестен исследователям. Следует признать, что работа эта должна быть возвращена науке, ибо в ней впервые была дана схема описания фонетических и грамматических структур тюркских языков и приоритет, таким образом, принадлежит в этой области не работе «Строй турецкого языка», вышедшей в 1939 г. (см.: [4. Предисловие Э. В. Севортяна. С. 8]), а замечательному «Курсу османских разговоров», изданному гораздо раньше — в 1924 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арх. АН СССР. Ф. 1568, оп. 1, д. 77, л. 3.

² Библиографический словарь отечественных тюркологов: (дооктябрьский период)/Под ред. А. Н. Кононова. М., 1974.

³ Транскрипция учебного пособия заменена современным турецким алфавитом.

⁴ Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.

⁵ В 1960 г. книга была переиздана в Москве под названием «Турецкий язык» (все ссылки на страницы отсылают к этому изданию).

⁶ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.

⁷ Он же. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

⁸ Он же. Об указательных местоимениях в башкирском языке//Тр./Моск. ин-т востоковедения. 1947. № 4.

⁹ Он же. Указательные местоимения в османском языке//Докл. АН СССР. Сер. В. Л., 1926.

¹⁰ Он же. Служебные имена в турецком языке//Сов. языковедение. 1937. Т. 3. Перепечатано в кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЧТО РАВНО НУЛЮ?

Статью, предназначенную для опубликования в том или ином печатном издании, обычно направляют рецензенту, отзыв которого является для автора статьи анонимным. Эта система вряд ли нуждается в каких-либо коррективах. Впрочем, ее очевидным минусом является отсутствие «обратной связи» между автором и рецензентом, что может породить и порождает у части рецензентов сознание своей неуязвимости для критики и как следствие—поверхностное отношение к работе. Полагаю, что в период расширения гласности указанный недостаток должен изживаться, а для этого достаточно, чтобы отзыв анонимного рецензента не служил сигналом окончания так, в сущности, и не начавшейся дискуссии.

В последние годы в «Советской тюркологии» опубликован ряд моих статей, в которых предлагались новые этимологии некоторых тюркских аффиксов (-уг; -ду, -туш; -(y)р и -(y)рап; -так; -дуг-; -та). Несколько статей получили отрицательный отзыв рецензентов, хотя новизна предлагавшихся этимологий никем из них не оспаривалась. Что же не устроило анонимных оппонентов? Рассмотрим это на примере двух статей — о происхождении аффикса прошедшего времени на -juk и аффикса страдательного залога.

Первую статью оценивали два тюрколога. Один из них отверг ее, не обмолвившись ни единым словом о предложенной автором этимологии. Другой отметил, что «гипотезе можно верить и с не меньшим основанием не верить», и, в частности, отказал в доверии глаголу juk- 'прилипнуть' (перен. 'застрять') как этимону формы на -juk, содержащей *перфектный* оттенок и употребляющейся в высказываниях *эмоционально скрашенных*, экспрессивных. Рецензент предпочел бы видеть здесь глагол kal- 'оставаться', но к форме на -juk он отношения не имеет.

По странному (а может быть, закономерному?) совпадению оба рецензента не приняли во внимание содержащееся в статье обоснование гипотезы -juk < juk-; в противном случае им пришлось бы признать, что если форма на -juk и родственная ей форма на -čuk/-čuh встречаются только в тех языках, где употребителен глагол juk-~čuk-(h-) 'прилипнуть', то связь между первыми и вторым выявляется с достаточной очевидностью.

Возражая против второй статьи, рецензент писал, что ее публикация «способствовала бы лишь запутыванию вопроса», так как «время подобных этимологизаций прошло, их доказательность равна нулю». Здесь непонятно прежде всего, как можно «запутать» вопрос, который, как свидетельствует А. М. Щербак, «до сих пор остается от-

крытым». В сущности, до последнего времени была предложена лишь одна заслуживающая внимания этимология аффикса *-yl-*: К. Залеман предположил в 1898 г.—без всяких, впрочем, претензий на доказательность, — что аффикс страдательного залога восходит к глаголу *ol-* 'стать', 'быть'.

В этимологических исследованиях огромную роль играет фонетический фактор. Если тот или иной аффикс имеет в каких-то языках, тем более в древних памятниках, лишь губной гласный или, наоборот, лишь негубной и т. п., то каждый такой факт должен быть не только констатирован, но и как-то объяснен, чего этимологи, к сожалению, почти никогда не делают. В этой связи приводившиеся Ибн-Муханной примеры, где после губного гласного корня следует *негубной* гласный аффикса страдат. залога, например: *viŋ-yl-du* 'он был бит' (см.: Араб-филолог... П. М. Мелиоранского), сразу же ставят под сомнение правильность гипотезы Залемана. Она не объясняет также отсутствия в аффиксе каких-либо следов согласного *b*, хотя в большинстве тюркских языков нет глагола *ol-*, а есть *bol-*; никак не разъяснен известный факт, когда глагол страдат. залога в ряде языков способен управлять формой винит. падежа (тип: *čajni içildi* 'пили чай'); не выяснена природа синонимичного аффикса *-uk-*. Эти и другие пробелы характерны и для прочих гипотез о происхождении аффикса *-yl-*.

Предложенная мной этимология (*-yl- < kыл-* 'делать') не оставляет без ответа ни один из затронутых выше вопросов. В частности, структура *čajni içildi* объясняется происхождением тюркского пассива из активной конструкции с отсутствующим субъектом (тип «книгу взяли»).

Какой «доказательности» требует рецензент? Вероятно, он хотел бы видеть аффикс **-kыл-* (>*-yl-*) в исходном, «неурезанном» виде (подобно восходящему к глаголу *juk-* аффиксу *-juk*)? Однако наличие омонимичного аффикса (или частицы) *-kыл, ыл-* привело к быстрому размежеванию аффиксов, причем первый сохранился только в «разобранном» виде (*-(y)k-*; *-yl-*), а второй — только в исходном. К сожалению, даже предложенную акад. В. Радловым этимологию последнего аффикса (*-ыл < kыл-*), полностью доказываемую, в частности, примерами из тюркских стихов Султан Веледа (типа *bil-ыл* 'знай', *de-ыл* 'говори' и т. п.), часть тюркологов принять не торопится — просто потому, что, по их мнению, «время подобных этимологизаций прошло», и они предпочитают этимологии типа *ыл < -ыл + -l* (афф. будущего вр. + то ли дейкт. частица *(-l)*, входящая в состав местоимения *ol*, то ли афф. собирательности-множественности), где доказательность заранее исключается.

В таком случае есть ли основания безапелляционно решать, время каких этимологизаций прошло или, наоборот, пришло? Критике может быть подвергнуто любое предположение, и, думается, ни один автор не сумеет настолько «запутать вопрос», чтобы читателю так и осталось неясно, что же «равно нулю» — доказательность этимологии или ее критики...

П. И. Кузнецов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Г. АБДУЛЛАБЕКОВА

ВКЛАД АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ УЧЕНЫХ XIX—XX ВВ. В РАЗВИТИЕ
ПОЛЬСКОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКИ

Азербайджанское востоковедение XIX в. и его роль в развитии русской и европейской ориенталистики были объектом исследований многих азербайджанских ученых. Наиболее обстоятельный анализ этой проблемы дан в работах А. К. Рзаева [1], где прослеживается история ориенталистики в Азербайджане, богатые традиции которой берут свое начало еще в XI в.

В XIX в. вклад в мировую ориенталистику внесли такие выдающиеся ученые, как Мирза Казем-Бек, Мирза Джафар Топчибашев, Абдулсаттар Казем-бек, Мирза Казим-бек Абединов, Мирза Абдулла Гаффаров и др. К этой плеяде ориенталистов следует добавить и незадолго забытого нашей наукой талантливого азербайджанского ученого Магомед Садыха Исмайловича Агабек-заде [2].

С. И. Агабек-заде родился в 1865 г. в г. Геокчае Бакинской губернии. Образование получил в бакинском реальном училище, а затем в Константиновском пехотном училище, по окончании которого в 1886 г. был принят на III курс Михайловского артиллерийского училища. В том же году, завершив полный курс обучения, С. И. Агабек-заде начал службу в чине подпоручика артиллерии на Кавказе. В 1896 г., сдав экзамены при окружном штабе в Тифлисе, он был командирован в Петербург, где успешно сдал конкурсные экзамены и был принят в институт восточных языков для офицеров.

С 1889 г. был командирован в Туркестанский край, где продолжал военную службу до 1913 г. В этом же году Агабек-заде вышел в отставку в чине генерала.

В начале первой мировой войны он был призван в армию, служил на Кавказе, а после войны жил в Геокчае. В 1920 г. С. И. Агабек-заде уехал в Стамбул к своему двоюродному брату — Али-беку Гусейн-заде, профессору военно-медицинской комиссии. Обстоятельства того сложного периода вынудили его покинуть Стамбул и уехать во Францию, где он стал преподавать турецкий и персидский языки.

В 1927 г. по приглашению польского ученого-востоковеда, профессора Зигмунда Смогожевского С. И. Агабек-заде приезжает преподавать во Львов, в университет им. Яна Казимежа [3. С. 524].

Обладая широким научным кругозором, свободно владея турецким, персидским, арабским, французским, польским, украинским, русским, туркменским языками, С. И. Агабек-заде за годы своей исследовательской и педагогической деятельности издал следующие труды: «Учебник туркменского наречия» (1904) с приложением «Сборника туркменских пословиц и поговорок»; «Учебник турецкого языка» на польском языке

(1931); «Учебник персидского языка» на польском языке (1932); «Грамматика арабского языка» на польском языке (1934). Этот краткий перечень известных нам трудов, сыгравших важную роль в развитии востоковедческой науки, несомненно, мог бы быть пополнен в ходе разысканий, связанных с биографией и научной деятельностью ученого. С. И. Агабек-заде подготовил целый ряд польских востоковедов, среди которых нам известны имена трех его студентов, связанных со своим учителем в течение долгих лет. Это Теофиль Влодарский, Ольга Вошчак и Мариан Левицкий. О последнем считаем необходимым рассказать подробнее.

Мариан Левицкий (1908—1955) закончил факультет турецкой филологии Львовского университета. Как видно из архивных материалов, он проявлял живой интерес к азербайджанскому языку и литературе, в чем была немалая заслуга С. И. Агабек-заде. Впоследствии Мариан Левицкий стал известным польским востоковедом, профессором Варшавского университета, автором многих трудов, среди которых можно назвать следующие: «Сравнительная грамматика тюркско-монгольско-манджурско-тунгусских языков», «Монгольский язык в китайских транскрипциях XIV века» в 2-х частях, изданные в Варшаве в 1949—1959 гг. Польскому ученому были настолько близки идейные и научные взгляды своего педагога, их связывала такая искренняя дружба, что С. И. Агабек-заде завещал ему «все свое личное имущество и все свои научные труды». Высокая оценка научной и педагогической деятельности азербайджанского ученого дана крупными польскими и украинскими востоковедами, с которыми он дружил и переписывался. Творческая дружба связывала Садыг-бея Агабек-заде с польскими тюркологами, среди которых были Тадеуш Ковальский, Эдмунд Буланда, Ежи Курилович, Эугениуш Служкевич, Ананяш Зайончковский. профессором Львовского университета Шапшалом [4. С. 288—289].

Шапшал Сергей (Серай, Сюрейя) Маркович [1894—1961], караим, родился в Бахчисарае (Крым) в 1894 г. Окончив факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета (1899), он в 1901 г. был командирован в Иран для совершенствования в азербайджанском и персидском языках. Там он стал преподавать русский язык и общеобразовательные предметы в училище «Лукмание» (г. Тебриз) и давал уроки языков наследному принцу Мохамеду Али — впоследствии шаху Ирана. В 1908 г. С. М. Шапшал вернувшись в Петербург. Ведя курс турецкого языка в университете, он одновременно служил в МИДе драгоманом и преподавателем азербайджанского языка в учебном отделении восточных языков Азиатского департамента министерства и вскоре стал председателем Общества русских ориенталистов. В 1915 г. С. М. Шапшал был избран гахамом караимским — духовным главой караимов мира (с резиденцией в Евпатории). В 1919 г. преследуемый деневинцами за открытое сочувствие советскому строю Шапшал был вынужден во избежание ареста выехать на Кавказ, а оттуда в Турцию. В 1928 г. он прибыл в г. Вильно, входивший тогда в состав Польши, где возглавил караимское духовенство и занимался преподавательской деятельностью. С 1929 г. он — старший научный сотрудник Польской академии наук, а с 1935 г. — вице-председатель Польского товарищества ориенталистов. В 1930 г. Львовский университет, где он начал преподавать, присудил С. М. Шапшалу степень доктора философии по разряду восточных языков.

В 1939 г. филологический факультет Вильненского университета избрал его экстраординарным профессором по кафедре восточных язы-

ков. В 1940 г. Шапшал, как он писал в своей автобиографии, «встав на путь советского ученого», отказался от сана гахама.

Живя в Польше, Литве, Шапшал занимался изучением истории караимов, собирал предметы их материальной культуры, рукописи. Собранные им ценные произведения искусства, рукописи и книги он преподнес в 1940 г. Литовской Советской Социалистической Республике, заложив тем самым основы Караимского историко-этнографического музея АН Литовской ССР. С 1947 г. С. М. Шапшал работал старшим научным сотрудником Института истории АН Литвы. В годы работы в университете Львова С. М. Шапшал был связан творческой дружбой с С. И. Агабек-заде и под влиянием коллеги приступил к исследованию азербайджанского фольклора, что в дальнейшем нашло отражение в его книге «Песни и сказки азербайджанцев, живущих в Иране».

Связи польской и восточной культур уходят своими корнями в X в. Первые переводы турецкой литературы были сделаны в Польше К. Джержеком — послом и писателем. Он перевел две сказки и фрагменты из повести «История о сорока визирях». Первый в Европе учебник турецкого языка был написан М. Пашковским в 1615 г. Поляк, принявший ислам, В. Бобовский (Али-бей) перевел на турецкий язык Библию. Самым выдающимся востоковедом в старопольскую эпоху был С. Отвиновский, который, живя долгие годы в Стамбуле, составил описание «Турции» Али Айни, а также перевел «Гюлистан» Саади.

Экономические, политические, культурные контакты Речи Посполиты с Турцией оказали определенное влияние на обычаи, искусство, язык поляков. Изучением этого влияния в эпоху Просвещения занимался А. К. Чарторыйский — автор «Словаря выражений, вошедших в польскую речь из восточных языков» (1828). Я. Потоцкий в 1788 г. написал свою книгу «Путешествие по Турции и Египту».

Контакты Польши с Азербайджаном относятся ко второй половине XV в., когда властитель азербайджанского государства Ак-Коюнлу направил в Польшу своих послов. В начале XVII в. об Азербайджане писал польский подданный С. Муратович, посланный польским королем Зигмундом III в эту страну. Его книга была издана в Польше в 1752 г. [5. С. 92].

В первой половине XVIII в. по территории Азербайджана путешествовал польский миссионер Т. Крушинский, автор изданных во Львове на латинском языке нескольких книг, посвященных истории, географии и этнографии Азербайджана, Кавказа.

Азербайджану были также посвящены труды А. Бутовт-Анжейковича, К. Лапчинского, законника Манстефа Аулиха и др. Об Азербайджане писал сосланный на Кавказ в конце XIX в. Э. Струмф в сборнике «Картины Кавказа» (1900) [5. С. 93].

Особый интерес к Азербайджану наблюдается в первой половине XIX в., когда он вошел в состав Российской империи. В. Рогович в «Кавказской мозаике» (1905) поместил несколько рассказов и стихов на азербайджанскую тематику, Т. Выгановский в «Кавказских воспоминаниях» (1907) также обращался к теме Азербайджана. Повышению интереса к Востоку, и в частности к Азербайджану, способствовали, как нам кажется, не только историко-политические условия, в результате которых судьбы двух потерявших свою независимость народов, двух государств объединились под эгидой одного государства — царской России, но и культурные предпосылки, определившие развитие польской литературы XIX в. в русле романтизма — нового для той эпохи литературного направления. Польский романтизм в

общеевропейском романтическом потоке — один из самых оригинальных. Утрата государством независимости привела к возникновению новых идей о необходимости единства нации, об обществе, личности и государственной власти, их взаимоотношениях, а также о роли и предназначении национальной культуры, и прежде всего — литературы.

Типичным как для польского, так и для общеевропейского романтизма был регионализм. В раннем польском романтизме он был связан с историей, культурой восточных земель старой Речи Посполитой, а также с общеевропейской идеей поэзии Востока.

Регионализм особенно ярко проявился в творчестве выдающегося представителя романтической литературы XIX в. великого польского поэта Адама Мицкевича. Большое влияние на пробуждение у А. Мицкевича интереса к Востоку оказал А. Ходзько — ученик азербайджанского востоковеда М. Топчибашева.

Вообще, азербайджанские ориенталисты XIX в. сыграли большую роль в становлении польского востоковедения, воспитали целую плеяду учеников и последователей. Наибольшая заслуга в этом принадлежит выдающемуся азербайджанскому ученому, «патриарху русского востоковедения Мухаммеду Али Гаджи Касим оглы Мирза Казем-Беку». Именно он организовал в Петербургском университете в 1853 г. факультет восточных языков и стал его первым деканом. Труды М. Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль», «Баб и бабиды», «Шерауль-Ислам», «Дербентнаме» и многие другие получили широкий резонанс в мировом востоковедении, признание научной общечеловечности. В исследованиях Казем-Бека слились в неразрывное целое богатство русской и европейской культуры и традиции древней самобытной восточной культуры с ее философией и литературой.

М. Казем-Бек был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, действительным членом Британского королевского азиатского общества, членом Копенгагенского королевского общества северных антиквариев, ординарным членом Азиатского общества в Париже, членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне, членом Американского философского общества, а также Германского общества ориенталистов в Берлине.

Мирза Казем-Бек трижды был удостоен Демидовской премии Российской академии наук, имел почетное звание заслуженного профессора Петербургского и Казанского университетов, а также почетного доктора восточной словесности.

Научные контакты связывали Мирза Казем-Бека с учеником М. Д. Топчибашева Александром Ходзько, который просил азербайджанского ученого быть рецензентом его труда.

Письма М. Казем-Бека к французскому востоковеду Гарсину де Тасси по поводу персидской грамматики А. Ходзько и к самому автору, а также ответ польского востоковеда Казем-Беку были опубликованы в «Журнале Азиатик» за 1853—1854 гг.

Задача, которую ставил перед собой А. Ходзько, состояла в создании «новой системы произношения»: «Я попытался передать буквы персидского алфавита с помощью гласных и согласных, присущих западному алфавиту» [6. С. 82, 79—85].

М. Казем-Бек дал глубокий анализ труда польского ученого, отметив его достоинства и недостатки. Свои письма азербайджанский востоковед завершает следующей фразой: «Так говорит ученый, который знает и взвешивает свои слова».

Эта переписка, как и весь материал, посвященный грамматике пер-

сидского языка, представляет немалый интерес для востоковедов и ждет своего исследователя.

Сам А. Ходзько отмечал большое влияние азербайджанского ученого на развитие иранистики в польском востоковедении, считая М. Казем-Бека своим наставником в науке.

Под влиянием трудов азербайджанских востоковедов XIX в. сформировался как ученый и Игнаций Петрашевский [7].

И. Петрашевский родился в 1799 г. в Варлинском княжестве Прусского королевства. Закончив доминиканскую гимназию в Гродно, он затем обучался на филологическом факультете Виленского университета, где в то время была открыта кафедра восточных языков, которой руководил профессор Мюних, обучавший студентов арабскому и персидскому языкам. И. Петрашевский мечтал попасть в Петербургский университет, где преподавали известные профессора Мирза Джафар Топчибашев и А. Сенковский. Кроме того, в Петербурге существовал специальный институт восточных языков при азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в котором преподавал персидский язык профессор Шармуа, а также М. Д. Топчибашев, «лучше Шармуа владеющий практическим персидским языком, занимающий пост действительного советника» [8. С. 195—202].

М. Д. Топчибашев был широко известен в Польше также благодаря своей дружбе с Адамом Мицкевичем и студенческой молодежью. Он был первым переводчиком «Крымских сонетов» польского поэта на персидский язык.

В 1830 г. И. Петрашевскому удается поступить в институт восточных языков в Петербурге и получить стипендию. Здесь он познакомился с лучшими учениками М. Д. Топчибашева — А. Ходзько и Антонием Мухлинским, в будущем основателями польского востоковедения. Впоследствии многие студенты М. Д. Топчибашева занимали дипломатические посты в восточных странах: П. З. Аугуст — консул в Эрзуруме, А. Ходзько — консул в Персии, а затем профессор славянской литературы в Коллеж де Франс, Александр Шпицнагель — консул в Джаффе, Эдварт Гут — секретарь посольства в Персии. Азербайджанский ученый оказал большое влияние на И. Петрашевского и его товарищей.

В 1832 г. по окончании учебы И. Петрашевский выехал в первое свое путешествие на Восток — в качестве переводчика турецкого языка в составе российской миссии в Константинополе (1832—1835).

М. Д. Топчибашев в своих лекциях широко знакомил студентов с культурой, языком, литературой своей родины. Несомненно, благодаря этому в польском востоковедении XIX в. возник глубокий интерес к одной из самобытнейших стран Востока — Азербайджану. Результатом этого было появление целого ряда ориенталистских исследований польских ученых, переводов произведений азербайджанской классической литературы.

Большое число работ посвятил древнему Азербайджану, его истории и литературе и Игнаций Петрашевский.

В Константинополе польский ориенталист собрал богатейшую коллекцию монет древней азербайджанской династии (вторая половина XV в.) Кара-Коюнлу, отчеканенных султаном Искендером и султаном Джаханшахом. Коллекция древних мусульманских монет (их было 2 683, и среди них — тысяча золотых монет) получила первую награду Бельгийской академии наук и, по утверждению авторитетных ученых, явилась «новой научной сокровищницей в Европе». В 1840 г. Петрашевский возвратился в Петербург на должность переводчика, однако его больше привлекала преподавательская работа, и в 1842 г.

он был переведен на должность преподавателя турецкого языка отдела восточных языков Петербургского университета.

В 1844 г. И. Петрашевский защитил в Берлине докторскую диссертацию по философии. В том же году он становится действительным членом Ягеллонской академии, Берлинского и Лондонского научных обществ. Его знаменитая нумизматическая коллекция впоследствии попала в Британский музей, где и находится в настоящее время.

Книга Петрашевского «Numi Muhan Madini», изданная в 1843 г. и посвященная князю Б. Кочубею, содержит описание коллекции собранных им монет. Наиболее ценными ее экспонатами были монеты династий Мамлюков, затем Омейядов, Фатимидов, Сельджукидов, атабеков, Кара-Коюнлу. В книге 139 страниц, 15 таблиц и обширные комментарии, представляющие большой интерес для востоковедов.

Главным трудом И. Петрашевского было исследование самого раннего памятника духовной культуры Азербайджана — книги Зороастра «Зенд-Авеста». В 1861 г. ученый издает в Берлине на французском языке «Грамматику Зенд-Авесты» [9]. Еще раньше, в 1857 г., также в Берлине им был опубликован перевод „Зенд-Авесты“ [10], а точнее, сохранившихся отрывков из этого древнего памятника, первоначально состоявшего из 21 нбска. Среди дошедших до нас отрывков из „Зенд-Авесты“ следующие: 1) „Ясна“ — сбор молитв и гимнов богу зороастрийцев; 2) „Висперед“ — литании и призывы; 3) „Ешт“ — гимны; 4) „Вендидат“ — книга прав.

Изданию этих писем в Европе положили начало английский перевод Вестергарда (Копенгаген, 1852. Т. 1) и немецкий перевод Шпрегера (Липск, 1853. Т. 1.).

Книги «Ясна», «Висперед» и «Вендидат» как литургические были объединены в одном томе, получившем название «Вендидат-заде». Эта часть книги была несколько раз издана Бурнофом (Париж, 1829), капелланом фарсов (Бомбей, 1833), Брокгаузом—со словарем (Липск, 1850), Бурнофом и Боппом — исследователями языка зенд и созданных на нем памятников. Сами персы, т. е. азербайджанцы, начали изучать святой язык «Зенд-Авесты», ими был издан перевод и объяснены в языке «гузерастии» книг «Ясна», «Висперед» и «Вендидат». Автором этих исследований был Эфендизаде (Бомбей, 1842—1844. Т. 5); Фрамзи издал зендийский словарь.

Под влиянием Мирзы Джафара Топчибашева его ученик Игнаций Петрашевский обращается к древнейшему памятнику мировой культуры и впервые издает книгу «Зенд-Авеста» в польском переводе. В дальнейших научных планах польского ученого были перевод и анализ всех оставшихся книг Зороастра; он стремился доказать причастность к созданию этого памятника и славян, основывая свою гипотезу на генетической общности тюркских и славянских народов.

Труд И. Петрашевского был встречен с неодобрением берлинскими ориенталистами, отрицавшими участие славян в создании «Зенд-Авесты». Петрашевский был лишен кафедры в Берлинском университете.

Польский востоковед возвратился в качестве переводчика в Тегеран в надежде найти поддержку на родине Зороастра. В 1860—1861 гг. он продолжал готовить к публикации книги «Зенд-Авесты». Но смерть помешала ему осуществить эти планы.

Яркие страницы в историю польской ориенталистики вписал польский востоковед Александр Ходзько (1804—1891). Он окончил Виленский университет (как участник тайного студенческого общества фила-

ретов был арестован в 1823—1824 гг.), затем изучал восточные языки в Петербургском университете; в 1830—1844 гг. состоял на русской дипломатической службе в Персии и во Франции. Был близким другом А. Мицкевича. Им составлено и опубликовано наиболее полное издание писем поэта (в 4 томах). В 1857—1883 гг. А. Ходзько был профессором в Коллеж де Франс, где раньше преподавал А. Мицкевич. Он первым из западно-европейских ориенталистов обратился к исследованию азербайджанской литературы, в частности осуществил переводы произведений азербайджанского фольклора на английский, французский, польский языки. Самым крупным и фундаментальным трудом А. Ходзько являются «Образчики народной персидской поэзии, собранные по приключениям и импровизациям Кероглу—поэта и певца из Северной Персии, а также по песням народов, населяющих берега Каспийского моря». Труд этот был издан в Лондоне в 1842 г. на английском языке. Весь представленный в книге материал собрал, записал, перевел и снабдил филологическими и историческими пояснениями А. Ходзько.

Книга открывается эпитафией из Мишле: «Персия — это долгий путь человечества: татары с одной стороны, арабы — с другой; все народы Азии, каждый в свою очередь, жили в этом караван-сараяе». Труд состоит из четырнадцати глав: 1. Предисловие; 2. Знакомство с Кероглу; 3. Приключения и импровизации Кероглу; 4. Народные песни астраханских татар; 5. Три калмыцкие песни; 6. Туркменские песни; 7. Песни персидских турок; 8. Персидские песни; 9. Песни Гилани; 10. Песни Мазандарана; 11. Песни рудберских горцев; 12. Песни Талыша; 13. Текстовые примеры; 14. Девять персидских арий, аранжированных для фортепиано. Музыкальную обработку песен осуществил польский музыкант А. Контский, которого связывала дружба со многими представителями азербайджанской культуры XIX в., в частности с М. Ф. Ахундовым. А. Контский, скрипач-виртуоз, приезжал на гастроли в Тифлис. Его дочери посвятил свою знаменитую касыду «Ванда» М. Ф. Ахундов.

Помимо фундаментального труда, принесшего А. Ходзько репутацию и славу «выдающегося в Европе знатока азербайджанского фольклора и литературы», им была составлена книга стихов «Поэзия» (1829). Вошедшим в нее касыдам предпослано вступление автора, содержащее анализ жанра, выявление его аналогов в польской литературе: «Поэма, названная так, состоит из тридцати дистихов. Но не всегда восточные поэты придерживались этого правила. Касыда в ее современном значении соответствует нашей элегии, идиллиям, панегерику и рассказу, соответственно тому, какие описываются случаи, кто восхваляется, как описываются образы, взятые с натуры, или оплакивается чья-то утрата; длиннота касыды зависит от воли автора» [11. С. 117].

За касыдами следуют восточные стихи, включающие азербайджанскую и турецкую тематику. Среди них «Печаль Зарифа», «Евнух», «Четверостишие из турецкого», «Газель», «Песня», «Персидская элегия», «Если хочешь увидеть весну», «Ты сердце обжигаешь мне, милая девушка», «Чеченец», «Башкирка» («Песня из путешествия Минендорфа»).

Значительной работой А. Ходзько явился сборник «Театр персиян», в который вошли восточные мистерии, записанные самим польским востоковедом и переведенные им на французский язык [12]. Действующие лица мистерии — мусульманские святые Джабраил, Мухаммед, Али, Фатима, Гасан, Гусейн, Зейнаб и т. д. Книга была издана в Париже в 1878 г.

Две другие книги А. Ходзько также были изданы на французском языке в Париже — в 1850 и в 1854 гг. «Drogman turc» и «Le Chilan ou

les marais Caspiens». Последняя книга написана во время путешествия А. Ходзько в Азербайджан в 1849—1850 гг., содержит исторические и географические заметки об Азербайджане и Баку. Здесь им был записан ряд образцов азербайджанского фольклора. Весь этот материал был опубликован в «Петербургском еженедельнике» и в «Литературной газете» в 1830 г.

Впервые в азербайджанской науке вопрос о роли азербайджанских востоковедов и их вкладе в европейскую, в частности польскую, ориенталистику был поставлен в трудах А. Рзаева. В своей книге «Азербайджанские востоковеды XIX века» он отмечает: «Огромна роль М. Д. Топчибашева в деле развития польско-азербайджанских литературных и востоковедческих связей, подготовки ряда выдающихся польских ученых-востоковедов и дипломатов».

Польский востоковед Ян Рейхман подчеркивает важность влияния на развитие польской ориенталистики деятельности ряда выдающихся русских востоковедов, в том числе М. Д. Топчибашева: «Для нас особое значение имеет деятельность азербайджанца Мирзы Джафара Топчибашева... Дело в том, что у него было множество польских слушателей (студентов. — Г. А.) и, следовательно, он мог пробудить как у них, так и у своих друзей-поляков интерес к азербайджанской литературе».

Самым талантливым и знаменитым учеником Мирзы Джафара был Александр Ходзько. «Не вызывает сомнения, — пишет Ян Рейхман, — что Джафар пробудил интерес к азербайджанскому устному творчеству у своего ученика Александра Ходзько. Несомненно, позже Ходзько, заняв пост в консульстве в Иранском Азербайджане, горячо взялся за собирание текстов азербайджанского устного народного творчества. В результате этих исследований появилась основательная работа о Кероглу, а также ряд текстов с комментариями, включенными позднее в изданный в Лондоне на английском языке и до сих пор ценный труд о персидской (азербайджанской. — Г. А.) народной поэзии. Интерес к азербайджанскому фольклору у поколения романтиков вполне понятен на фоне преобладания ориентализма и гражданской направленности в тогдашних литературных течениях».

Роль азербайджанских востоковедов в развитии польской ориенталистики не исчерпывается только научно-педагогической работой, она гораздо шире и значительнее. Их деятельность способствовала не только научному осмыслению, анализу азербайджанской литературы, но также обогащению польской литературы духовными богатствами азербайджанской культуры. Ученики и коллеги М. Казем-Бека, М. Д. Топчибашева, С. И. Агабек-заде широко пропагандировали азербайджанскую литературу не только на своей родине, в Польше, но и далеко за ее пределами, в странах Европы и Америки.

Азербайджанские ученые осуществляли благородную миссию сближения культур двух народов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рзаев А. К. Азербайджанские востоковеды XIX в. Баку: Элм, 1986.

² Oddział archiwum PAN w Krakowie Spuszcizna Mariana Lewickiego. K III—7 j. 107—118. Sadyk-Bej.

³ Uniwersytet Lwowski/Literatura Polska. Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa, 1985. T. 2.

⁴ Библиографический словарь отечественных тюркологов: (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1974.

- ⁵ Azerbejdżan//Literatura Polska. Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa, 1985. T. 2.
⁶ J. Asiatik. Septembre. 1853; januar. 1854
⁷ Muchliński A. J. Petraszewski. Wilno, 1861.
⁸ Gályga M. Niedoszłe powołanie orientalisty: I. Petraszewskiego do Ossolineum (1848—1850). Wrocław, 1976.
⁹ Abrege. De la Grammaire Zend. Berlin 1861.
¹⁰ Miano Słowiańskie w ręku jednej familii od trzech tysięcy lat zostające czyli nie Zendawesta a Zendaszta to jest Życie dawczas książeczka Zoroastra. Berlin, 1857.
¹¹ Poezye Alexandra Chodźki. Spb., 1829.
¹² Le Théâtre Persian. Paris, 1878.

РЕЦЕНЗИИ

М. З. ЗАКИЕВ. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОЛЖСКИХ ТАТАР

КАЗАНЬ: ТАТ. КН. ИЗД-ВО, 1986. 303 с.

Книга состоит из трех разделов — собственно исследований, библиографии по татарскому языкознанию (1970—1980), включающей в себя 759 названий, а также перечня трудов автора по разнообразным отраслям татарского языкознания.

В предисловии обосновывается целесообразность обозначения татар Среднего Поволжья и Приуралья этнонимом волжские татары (соответственно волжско-татарского языка), тем более что эта словоформа в научной литературе закрепились как часть этнонима волжские булгары. Определяется место сибирских, крымских и добруджинских татар по отношению к волжским татарам, приводятся данные о татарском языке по переписи 1979 г.

В первом разделе книги, озаглавленном «Язык — источник изучения проблем происхождения народа», собраны труды, в которых на основе языковых данных рассматриваются вопросы этнической истории волжских татар и их предков. По справедливому мнению М. З. Закиева, история языка — это еще не история этноса в целом, их нельзя отождествлять, но без истории языка не может быть достоверной история этноса, так же как без учета истории этноса в целом невозможно установить объективную, более или менее адекватную историю языка. Поэтому настала пора всестороннего изучения в сравнительном отношении дошедших до нас языковых элементов, оставшихся от древних племенных объединений, и построения этногенетической концепции, которая объединяла бы весь комплекс данных таких сложных исторических наук, как палеоантология, антропология, археология, этнография, мифология. Заслуживают серь-

езного внимания и обсуждения доводы, приведенные в доказательство тюркоязычности части скифов. Лингвистические изыскания М. З. Закиева в этой области подкрепляются историческими сведениями греко-византийских историков.

Говоря об этнониме ас, М. З. Закиев приходит к выводу, что, будучи распространенным на больших территориях, он применялся для обозначения многих тюркоязычных племен параллельно со словом ар (эр, ир) 'мужчина, человек'. Он предполагает, что на территории Среднего Поволжья и Приуралья в добулгарский период по соседству с финно-уграми жили местные тюркские племена, в названии которых присутствовал этноним ас — суасы (от су 'вода' + ас, т. е. речные или водные асы). Слово суасы было самоназванием этих племен. Со временем предки марийцев приняли этот этноним как название своих давних тюркоязычных соседей. Этноним суас в дальнейшем закрепился за волжскими татарами, а его фонетический вариант чуаш — за чувашами; чувашаи раньше назывались веда (вьедене, ветьке, веде). Марийцы и в наши дни проходят как суасламари, т. е. марийцы по-суасски, или марийцы с примесью суасов. По мнению М. З. Закиева, добулгарские местные племена суасы участвовали в этногенезе как волжских татар, так и чувашей, с той лишь разницей, что к формированию современных чувашей были причастны еще и марийцы, а волжских булгар — булгары, буртасы, эскелы, берсулы, суары, башкиры и другие племена. Волжские булгары вместе с частью мишарей, башкир, суасламари и угро-финноязычных народов в дальнейшем переросли в волж-

ских татар. Суасы первоначально под влиянием булгар, а затем казанцев свое прежнее самоназвание суас постепенно утратили, оно заменилось этнонимом татар. Суасламары, вытеснив прежние названия веда, суасламары, может быть, еще и мари, постепенно закрепили за собой этноним чуваш.

Этногенез тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья: волжских булгар, казанцев, мишарей, волжских татар, чувашей и башкир, а также в связи с мишарями и башкирами — венгров (мадьяр) в книге М. З. Закиева рассматривается принципиально с новых позиций.

В статье «Об истоках языка основных компонентов волжских татар (к этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья)». М. З. Закиев допускает, что чувашский язык — это своеобразный тюркский язык, сложившийся под воздействием тюркоязычных племен, обитавших в Среднем Поволжье еще в добулгарский период, на язык местных финно-угорских племен. Этот тюркский язык с чувашскими особенностями бытовал и после прихода сюда булгар, оставив свои следы в булгарских эпитафиях. Позднее он сохранился лишь у чувашей. Булгарский же язык в XIV—XV вв. под влиянием кыпчакского, мишарского и огузского языков переформировался в татарский.

На основании исследований М. З. Закиев заключает, что мишари и башкиры издревле являются тюркоязычными племенами. Этноним мишар — чисто тюркский и означает «лесные люди»: мешэ 'лес, дерево, дуб' и т. д. + эр 'мужчины, люди'. Первоначально он обозначал одну определенную этническую группу, затем его фонетические варианты — мишар и мадьяр стали этнонимами двух различных этнических групп: мишар — самого крупного тюркоязычного компонента — татарского народа, мадьяр — финно-угорских венгров.

Первый раздел книги завершает статья «Язык „Кысса-Йусуф“ Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии». Многими фактами М. З. Закиев доказывает, что родиной поэмы является Поволжье. Язык поэмы старотюркский, основанный на общих письменных литературных нормах, которые распространены в основных западных тюркоязычных регионах. Поэма была одинаково понятна носителям как огузских, так и кыпчакских (в том числе булгарского и хазарского) и карлукских языков.

Второй раздел книги состоит из работ, затрагивающих проблемы развития татарского языка. Автор выявляет основные на-

правления влияния русского языка на тюркские и обстоятельно рассматривает вытекающие из этой проблемы задачи, которые стоят перед тюркологами, занимающимися вопросами развития литературных языков в советский период.

Учитывая большую роль в изучении истории литературных языков их периодизации, М. З. Закиев предлагает свою периодизацию, охватывающую следующие периоды: 1) древнетюркский (VI—X вв.); 2) общий старотюркский, т. е. период тюрки (XI—XIV вв.); 3) период отдельных старотюркских народных литературных языков, иначе говоря, — локальных тюрки (XV—XIX вв.); 4) период отдельных новотюркских национальных языков (вторая половина XIX — первая четверть XX в.); этот период выделяется только для тех тюркских литературных языков, национальные нормы которых начали складываться еще до Великой Октябрьской социалистической революции; 5) послеоктябрьский.

Большую ценность представляют статьи М. З. Закиева о роли К. Насыри, Г. Тукая и Г. Ибрагимова в формировании современного татарского национального языка.

Третий раздел составляют статьи, воссоздающие историю научного изучения татарского языка. В статье «Из истории татарского языкознания» история развития татарского языка рассматривается поэтапно, причем этапы, в свою очередь, подразделяются на периоды.

В статье «Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики» автор характеризует разделы татарского языкознания, получившие развитие в годы Советской власти, а также те его отрасли, которые еще подлежат интенсивному изучению.

В разделе анализируются работы, посвященные лексикологии, фразеологии, фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксису, стилистике, диалектологии, ономастике. Рассмотрены труды по теоретическим вопросам формирования и развития татарского национального литературного языка, по сопоставительной типологии русского и татарского языков. Особое внимание уделяется тем из них, которые относятся к этнолингвистике.

Работа М. З. Закиева отмечается своей полемичностью и поэтому создает благоприятную почву для обсуждения многих вопросов истории и языка народов Поволжья.

Р. А. Юсупов, Ф. Г. Гарипова

АННОТАЦИИ

IGOR DESTANI (OLEG TORUNU SVYATOSLAV OGLU IGOR'UN SEFERI DESTANI) RUSÇADAN ÇEVIREN DOC. DR. ALTAN AYKUT. ŞUBAT: TÜRK DILI, 1985. SAYI 398

Большой интерес у научной общественности Турции вызвал перевод на турецкий язык важнейшего памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Если учесть обширную литературу по тюркизмам в «Слове», то турецкий перевод появился с опозданием. Автором перевода, восполнившего этот пробел, является Алтан Айкут, заведующий кафедрой русского языка факультета языка, истории и географии Анкарского университета.

Примечательно, что перевод опубликован в журнале турецкого лингвистического общества «Тюрк дили», являющемся, пожалуй, единственным тюркоязычным лингвистическим журналом.

Судя по комментариям к переводу, А. Айкут в работе над ним привлекал оба известных списка поэмы и ознакомился с громадным количеством научных публикаций о «Слове» — начиная от исследований ученых прошлого века до монографий Д. С. Лихачева. К тому же переводу предшествовали его статьи, посвященные истории изучения памятника, чем объясняется емкость и лаконичность комментариев, которыми снабжен новотурецкий текст. Как нам представляется, в работе над «Словом» переводчик пользовался не только древнерусским, но и другими хрестоматийными переводными текстами. Он часто полемизирует с Н. К. Гудзием, точка зрения которого впоследствии подверглась значительной коррективке. В то же время нетрудно

заметить, что турецкий ученый знаком и с поздними публикациями Н. К. Гудзия. Однако, скорее всего, А. Айкутом за основу взят перевод В. И. Стеллецкого. Существенная черта перевода и комментариев турецкого специалиста заключается в том, что он во избежание категоричности и скоропалительных выводов исходит из общепринятых положений исследователей, не впадая в крайности в оценках «белых пятен» текста.

Следует отметить, что А. Айкут, по всей видимости, обращался также к работам П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, К. Г. Менгеса и даже О. Сулейменова, хотя в его оценках тюркского пласта памятника явной тенденциозности не обнаруживается. К тому же обстоятельства сложились таким образом, что А. Айкут не располагал возможностью ознакомиться с монографией Н. А. Баскакова по тюркской лексике в «Слове о полку Игореве», что, несомненно, отразилось на интерпретации ряда тюркизмов поэмы. Вслед за А. Айкутом турецкие ученые, вероятно, устроят внимание к «Слову» в контексте связей Древней Руси с тюркским миром. В заключение хотелось бы вновь подчеркнуть, что турецкий перевод «Слова о полку Игореве», безусловно, является новым вкладом в дело расширения советско-турецких научно-культурных связей.

М. М. Ахмедов

ВОПРОСЫ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОРНО-АЛТАЙСК, 1988. 169 с.

Основу сборника составляют статьи, в которых отражены последние результаты целенаправленных исследований в области алтайского языка. Так, в статье Н. А. Баскакова описываются диалектный состав алтайского языка, состав носителей диалектов, места их проживания в недавнем прошлом и теперь, а также в какой-то мере судьба языка в целом. Довольно подробно рассматриваются в ней собственно-лингвистические характеристики диалектов. Статьи М. Ч. Чумакаевой, И. Я. Селютиной,

Н. В. Гаврилина, О. Ф. Герцог, В. А. Исаква написаны на большом фактическом материале, в основном — экспериментально-фонетическом.

Н. В. Гаврилин в статье «Инвентарь гласных фонем в языке бачатских телеутов» выделяет 15 вокалических единиц южного диалекта алтайского языка, правда, пока без определения конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих подсистему вокализма. Отсутствие в диалекте долгого коррелята для краткого гласного

свидетельствует, видимо, о позднем формировании долготы в подсистеме узких гласных, что подтверждается данными чалканского и кумандинского вокализма.

Анализ, метрическая и табулярно-статистическая обработка данных статистического рентгенографирования позволили М. Ч. Чумакаевой определить артикуляторные характеристики гласных, функционирующих в соответствии с палатальной гармонией в качестве мягкорядных. Выявлено два артикуляторных ряда гласных: передний и центральный.

Статья И. Я. Селютиной «Корреляты кумандинского словесного ударения» посвящена сложной, неразработанной в тюркологии проблеме акцентуации. Использование очень точной акустической аппаратуры и скрупулезный анализ экспериментального материала с проверкой на релевантность потенциальных параметров ударения (интенсивности, длительности, частоте основного тона) позволили автору сделать вывод о тоническом характере ударения в рассматриваемом им диалекте алтайского языка, локализуемого на последнем слоге словоформы.

Статья О. Ф. Герцог — одна из частей комплексного систематического исследования ритмомелодической системы теленгитского диалекта алтайского языка. Впервые интонация — этот важнейший индикатор коммуникативных установок предложения — подверглась экспериментально-фонетическому исследованию на материале диалектов алтайского языка. Автору удалось выявить основные дифференциальные и интегральные интонационные средства оформления двух разновидностей повествовательного предложения: ответа-утверждения и ответа-отрицания.

В статье В. А. Исакова прослеживаются отличия, касающиеся дистрибуции и частоты использования согласных фонем в алтайском и английском языках.

Синтаксический раздел сборника представлен статьями М. И. Черемисиной, А. Т. Тыбыковой, Т. П. Филистович, Л. Н. Тыбыковой.

В статье М. И. Черемисиной представлены важнейшие структурные типы сложных предложений алтайского языка и показана та специфическая функционально-

семантическая нагрузка, которая ложится на каждый из них. Попутно ставится вопрос о границах между простым и сложным предложением, к решению которого автор подходит с позиции постепенного нарастания качества сложности.

В статье Т. П. Филистович детально рассматривается один из типов сложного (полипредикативного) предложения алтайского языка — темпоральные конструкции с формой на *-ca* в роли зависимого сказуемого. При этом выявляются признаки, отличающие эти конструкции от условных.

Л. Н. Тыбыкова, опираясь на исследования способов выражения сравнения в других языках (в русском, в тюркских, в частности казахском и якутском), показывает разнообразие конкретных средств, используемых для этой цели в алтайском языке.

А. Т. Тыбыкова обращает внимание на глагольные словосочетания алтайского языка, формируемые глаголами речи. Среди приведенных ею 90 глаголов речи имеются такие, которые управляют несколькими падежами, и такие, система управления которых минимальна.

В статье Д. Г. Тумашевой и Р. Д. Лизуновой рассматриваются многозначность и омонимия конструкций с глаголами движения в тюркских языках. И, хотя в центре внимания авторов находятся факты татарского языка, параллели с другими языками напрашиваются сами собой.

Проблемы лексики затронуты в статье Н. А. Яимовой, посвященной запретам на произнесение ряда слов в женской речи. Обращаясь к этому явлению, представляющему большой этнографический интерес, Н. А. Яимова постаралась выяснить, какие закономерности определили выбор нового слова взамен того, которое запрещено в употреблении.

Топонимике посвящена статья О. Т. Молчановой «Номинация географических объектов Горного Алтая усложненными притяжательными атрибутивными синтагмами».

Закрывается сборник коллективной статьей из истории науки, посвященной деятельности основателя экспериментально-фонетических исследований в Сибири — В. М. Наделева.

Е. К. Скрибник

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНОЕ РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ

ЛЕНИНГРАД, 1—4 МАРТА 1988 г.

В первые мартовские дни в Ленинграде на базе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВ АН СССР) состоялось Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археологии. Важно отметить, что большая часть съехавшихся со всех концов страны ученых представляла научные центры тюркоязычных республик, а потому тематика их выступлений может быть интересна и полезна для тех, кто интересуется культурой тюркских народов.

Идею созыва такого совещания горячо поддерживал в свое время акад. А. Н. Кононов — председатель секции восточной археологии, энтузиаст исследований литературных языков, культурных традиций и письменных памятников Востока.

Во вступительном слове заместитель председателя секции восточной археологии Археологической комиссии АН СССР А. Б. Халидов (ЛО ИВ АН СССР) отметил, что археология — наука давняя, однако для большинства научных центров союзных и автономных республик она молода. В ряде республик только в недавнее время, обнаружив исчезающие остатки письменных традиций, развернули работу по поиску и изучению их в научных целях. Из многих задач, стоящих перед советской археологией, А. Б. Халидов выделил две неотложные: 1) обеспечить сохранность письменных памятников для будущих поколений, что требует срочных мер и ответственных усилий; 2) сделать письменные материалы и сведения о них доступными для исследователей и общественности как в нашей стране, так и за рубежом.

Заместитель директора Института востоковедения АН СССР Р. Б. Рыбаков (Москва) подчеркнул, что на ученых-востоковедах лежит тройная ответственность. Во-первых, перед живущими рядом: в условиях, когда наблюдается отрыв от культурных традиций, непонимание культурного прошлого, более активными в поисках путей к общему культурному наследию оказываются пока, к примеру,

члены Союза писателей, а не ученые. Во-вторых, ответственность перед прошлым и перед нашими предками: нужно сохранить живую связь времен. И, в-третьих, перед будущим: обязанность востоковедов — сохранить письменные памятники для последующих поколений ученых, людей; рукописи должны перейти в будущее.

Заведующий ЛО ИВ АН СССР Ю. А. Петросян сказал, что сейчас на первом плане все еще стоят проблемы сохранения рукописей, а также их текстологического изучения. Докладчик отметил, что ни одна страна в мире не может похвастаться чем-либо подобным нашей «черной серии»¹. Восточные рукописи сейчас — важнейший инструмент для изучения народов Востока.

Председатель Археологической комиссии С. О. Шмидт (Москва) особо подчеркнул своевременность этого Всесоюзного совещания, — помимо чисто научного оно имеет и интернациональное значение: события последнего времени позволяют говорить о значимости поднимаемых на нем вопросов для внутринациональных отношений в СССР. Среди существенных задач докладчик назвал, в частности, всестороннюю популяризацию востоковедных знаний.

Насыщенный интересной информацией доклад «Рукописный фонд Института востоковедения им. Бируни АН УзССР (пополнение, хранение и изучение)», который прочитал А. А. Ахмедов (Ташкент), сфокусировал в себе многие типичные в этой сфере проблемы. Будучи одним из самых бога-

¹ Специальная издательская серия «Памятники литературы народов Востока», созданная в 1957 г. для публикации наиболее важных текстов из советских коллекций восточных рукописей и с 1965 г. называемая «Памятники письменности Востока». К настоящему времени выпущено почти 150 книг, — по сути, целая энциклопедия исторического и культурного прошлого народов Азии. Многие из этих книг переизданы в Бирме, Египте, Иране, Китае, Японии.

тых собраний восточных рукописей в Советском Союзе (примерно 40 тыс. единиц хранения), фонд продолжает пополняться. Вместе с этим собирание рукописей в Узбекистане становится все труднее. По мнению докладчика, назрела необходимость создать археографическую комиссию УзССР.

В докладе «О результатах археографических экспедиций, проведенных ИЯЛИ КФАН в 1982—1987 гг.» М. И. Ахмедзянов (Казань) подчеркнул, что работа по изучению рукописной книги в Татарии только началась. Многие книги татарских писателей, отметил докладчик, написаны на арабском, персидском, таджикском и других языках, однако от этого они не перестают быть явлениями именно татарской культуры.

А. Р. Шихсаидов (Махачкала) выступил с докладом «Археографическая работа в Дагестане: учет, описание и приобретение рукописей», в котором отмечалось, что в Дагестане еще много неучтенных рукописей. Хотя представленный фонд содержит всего 16 рукописей на тюркских языках, это не отражает действительного положения тюркских языков в регионе. Докладчик обратил внимание на сложность взаимоотношений мечетей (их библиотек) и ученых: как только ученые начинают бывать в библиотеке мечети, туда сразу перестают приносить новые рукописи. Кроме того, в докладе была подчеркнута необходимость поднять в разумных пределах закупочные цены на рукописи и освободить процедуру закупки от ненужных согласований.

И. Г. Галаютдинов (Уфа) в докладе «О состоянии восточной полевой, камеральной и энциклопедической археографии в Башкирской АССР» отметил, что первойшей задачей башкироведов является выявление всех наличных в республике рукописей. Указанная работа началась здесь лишь в 1972 г. С тех пор состоялись 22 экспедиции и несколько десятков командировочных выездов, в результате чего ныне рукописный фонд в республике содержит примерно 4 тыс. единиц хранения на тюркских (1697 ед. хр.), арабском и персидском языках. В тюркоязычной части фонда тематически наиболее широко представлены история, поэзия, среднеазиатская суфийская литература, фольклор. Докладчик поставил достаточно спорный вопрос: каждая ли рукопись и старопечатная книга подлежат хранению? По мнению И. Г. Галаютдинова, восточная археография должна выработать определенные оценочные критерии, чтобы решать, что нужно хранить, а что — нет. В качестве перспективы докладчик выдвинул задачу составления полного описания и каталога рукописей Башкирии.

Б. А. Казаков (Бухара) выступил с докладом «Выявление, сбор, первичная обработка и регистрация письменных памятников в Бухарском госмузее-заповеднике». Представленный рукописный фонд содер-

жит около 1 000 рукописей, 350 литографий и 3 000 исторических документов (акты, указы и т. п.), из которых примерно 20% написаны на тюркских языках. Докладчик поделился опытом добывания и сбора новых материалов: при помощи уполномоченного по делам религий была достигнута договоренность с имамами, которые теперь во время проповедей призывают верующих сдавать старые рукописи и книги ученым. Очень важным представляется сообщение докладчика о том, что наконец-то началось создание музея письменности Средней Азии. Однако наряду с этим существует болезненный вопрос кадров: как отметил Б. А. Казаков, многие выпускники Ташкентского и Самаркандского университетов не имеют необходимой квалификации, нет рестаураторов нужного профиля.

Целая серия докладов была заявлена Институтом рукописей АН АзССР (Баку), однако по различным причинам на совещание приехали только два его представителя, один из которых — Н. Д. Геюшов сделал обобщающий доклад методологического характера, названный «Актуальные вопросы каталогизации восточных рукописей на современном этапе». По мнению докладчика, на современном этапе наиболее важными и оптимальными типами каталогов нужно признать следующие: 1) краткие каталоги, 2) аннотированные, 3) тематические, 4) сводные. Н. Д. Геюшов отметил, что серьезные трудности возникают при определении тематики рукописных сочинений. В каталогах союзных книгохранилищ использованы разные тематические рубрики, значительно отличающиеся друг от друга. За основу тематической классификации докладчик предложил взять традиционный, классический принцип, принятый в средневековом науковедении. Кроме того, можно использовать детально дифференцированную классификацию, наиболее удачным образцом которой является, как считает докладчик, тематическая разбивка, принятая в книге «Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: Краткий каталог». В заключение ученый из Баку особо отметил, что научное описание рукописей — серьезная работа, требующая от исполнителей глубоких теоретических знаний и большого практического опыта. Поэтому работа по научному описанию и каталогизации восточных рукописей, хранящихся в Советском Союзе, требует прежде всего подготовки высококвалифицированных специалистов соответствующего профиля, нехватка которых уже ощущается в некоторых востоковедных центрах. Оживленная дискуссия по докладу подтвердила актуальность затронутых в нем вопросов.

Всего на совещании было прочитано около 50 докладов, и почти в каждом из них подчеркивалось, что для сохранения памятников письменности нужно практически повсеместно резко улучшить соответствующую материальную базу. Культура тре-

бует затрат, — такая очень верная в этой связи реплика прозвучала и в кулуарах совещания.

По завершении работы было принято решение Всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии, в котором среди прочего отмечается, что сейчас самая актуальная задача археографов — обеспечение сохранности рукописей, документов, надписей. Важным является составление кратких предварительных списков, а в дальнейшем — и сводных каталогов рукописей и старопечатных книг на отдельных восточных языках, находящихся во всех хранилищах Советского Союза.

Призвано целесообразным подготовить на основании заслушанных докладов и сообщений сборник-справочник «Фонды рукописных, актовых и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР», включив в него и доклады методического содержания.

Участники совещания поддержали создание Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока при Всесоюзной ассоциации востоковедов.

Решено также просить АН УзССР рассмотреть вопрос о создании археографической комиссии при АН УзССР.

Намечено созвать очередные рабочие совещания по проблемам восточной археографии: в 1989 г. в Казани на базе археографической лаборатории Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина; в 1990 г. в Ташкенте на базе Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР; в 1991 г. в Махачкале на базе Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадаса Дагестанского филиала АН СССР.

М. С. Фомкин

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

18 декабря 1987 г. в Баку проводилась научно-методическая конференция, посвященная вопросам культуры азербайджанской речи. Эта конференция, являющаяся фактически первым опытом, организована Азербайджанским государственным педагогическим институтом им. В. И. Ленина совместно с Институтом языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР. В работе конференции вместе с учеными, преподавателями вузов участвовали и учителя средних школ.

Открывая конференцию, член-корр. АН Азербайджанской ССР, заслуженный деятель науки А. М. Курбанов остановился на актуальных проблемах культуры азербайджанской речи, на современном уровне развития языка.

На пленарном заседании с докладами выступил академик, народный писатель Азербайджана М. А. Ибрагимов — «Противодействие языка чуждым ему элементам и его внутренняя красота», академик М. Ш. Ширалиев — «Реликты аналитизма в современном азербайджанском языке», проф. З. Н. Вердиева — «Соблюдение правил азербайджанского языка в письменной речи».

В шести секциях конференции было заслушано более 140 научных докладов, посвященных современному состоянию азербайджанской речи, употреблению различных терминов тюркского и иноязычного проис-

хождения, использованию неологизмов, диалектной лексики, являющейся источником обогащения современного азербайджанского литературного языка, а также проблемам влияния устной речи на развитие письменного литературного языка, усовершенствования орфографии и др.

На конференции большое внимание было уделено обсуждению вопросов взаимосвязи функциональных стилей, двуязычию (особенно азербайджанско-русскому).

В дискуссии приняли участие доктор филологических наук В. И. Асланов, Т. И. Гаджиев, Г. Б. Балыев и др.

Участники конференции приняли решение, в том числе: подготовить новое издание орфографического и орфоэпического словарей азербайджанского языка; ввести курс «Культура речи» в гуманитарных вузах; организовать в Институте языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР группу для анализа языка средств массовой информации республики и т. д.

Было решено также посвятить очередную конференцию по культуре речи вопросам азербайджанской терминологии.

А. Д. Шукюров

PERSONALIA

СЕРГЕЙ СИМОНОВИЧ ДЖИКИЯ

(К 90-летию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет со дня рождения заслуженного деятеля науки Грузинской ССР, доктора филологических наук, академика АН Грузинской ССР Сергея Симоновича Джикия.

С. С. Джикия родился в Грузии — в с. Оногия Гегечкорского района. В 1919 г. по окончании Тбилисской гимназии он поступил в Тбилисский университет (языковедческое отделение философского факультета), в котором был оставлен после успешного завершения учебы для подготовки к профессорской деятельности по турецкой филологии.

В 1927 г. Сергей Симонович на два года был командирован в Стамбульский университет для изучения турецкого языка и литературы, в 1929—1932 гг. учился в аспирантуре при Институте языка и мышления АН СССР. После окончания аспирантуры он работал в Институте языка и мышления в должности научного сотрудника первого

разряда и параллельно продолжал читать лекции в университете и Доме ученых в Ленинграде. В 1936 г. С. С. Джикия заведовал кафедрой восточных языков, а с 1945 по 1973 г. — кафедрой тюркологии Тбилисского университета. Сергей Симонович принимал активное участие в создании востоковедческого факультета университета, деканом которого он был с 1945 по 1952 г. С 1960 г. С. С. Джикия — бессменный руководитель отдела тюркологии Института востоковедения АН ГССР. В 1956 г. он защитил докторскую диссертацию, получив звание профессора.

С. С. Джикия — автор более 170 научных трудов. Основные проблемы, которым он посвятил свою долгую научную жизнь, — это диалектология турецкого и азербайджанского языков, история османского языка, тюркские (азербайджанского и турецкого) и грузинские языковые контакты, выявление и публикация османских документальных и нарративных источников по истории Грузии и всего Кавказа, а также исследование вопросов османской дипломатии и палеографии, исторической географии и топонимики Грузии.

С точки зрения общего языкознания и истории картвельских языков весьма значительны труды ученого по турецко-лазским языковым взаимоотношениям. Изучив турецкие лексические и синтаксические кальки, С. С. Джикия выявил слой турецких лексем, установил рефлексы турецких звуков в лазском.

В изучение исторической фонетики, морфологии и лексики турецкого и грузинского языков, исторической диалектологии обоих языков значительным вкладом явились наблюдения ученого над турецкими текстами XVIII в., транскрибированными в грузинской графике. Грузинская историография благодаря С. С. Джикии располагает богатым османским архивным материалом, расшифрованным с привлечением документального историко-литературного и параллельно фольклорного материала. Перевод турецких

оригиналов ученый снабжает подробными комментариями, — тут же дается идентификация и толкование исторических лиц и явлений, топонимов и социально-экономических терминов, анализ памятника с точки зрения языковых особенностей палеографии и дипломатики. Ему принадлежат публикации османских документов самого разного формуляра: буйрултов, хюджетов, бератов, фирманов. В распоряжение грузинской историографии С. С. Джикия вводит сведения османских путешественников и историков — Эвлия Челеби, Али Эфенди, Найма, Ибрагим Печев и др.

Мировую известность С. С. Джикия принесла его четырехтомная работа «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета». Памятник, составленный в XVI в. османскими чиновниками с фискальными целями, содержит огромный материал для изучения экономики края, его исторической географии, ономастики и этнического состава, социально-экономической структуры Османской империи, вопросов османской дипломатики и палеографии, грузино-турецких языковых взаимоотношений и т. д.

Расшифровка тахрир-дефтеров, написанных почерком сиякат, связана с большими трудностями. С. С. Джикия является пер-

вым специалистом в мировой туркологии, который опубликовал полный текст реестра и его перевод.

Огромны заслуги С. С. Джикия в подготовке специалистов. Под его руководством защищено более 20 кандидатских и около 10 докторских диссертаций. Своим почетным долгом ученый считает также составление учебников и словарей. Им изданы турецкие хрестоматии в Ленинграде (в соавторстве с Джемдет-заде, Цовикян и Кононовым — 1935 г.) и Тбилиси (1965 и 1971), составлены турецко-грузинский и грузино-турецкий словари (в соавторстве с В. Т. Джангидзе — 1973, 1979).

Заслуги С. С. Джикия отмечены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями и грамотами.

Несмотря на почтительный возраст, С. С. Джикия не оставляет работу над текстом «Пространного реестра Тбилисского вилайета», составленного в 1728 г. Друзья, благодарные коллеги и многочисленные ученики желают ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов на поприще науки.

Э. Р. Тенишев, Ц. А. Абуладзе

ЗАКИ АХМЕТОВИЧ АХМЕТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать пять лет научно-педагогической деятельности казахского ученого-ли-

тературоведа, профессора Заки Ахметовича Ахметова.

Научную деятельность он начал в аспирантуре Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, куда поступил после окончания филологического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. После защиты кандидатской диссертации на тему: «Лермонтов и Абай» (1951) работал научным сотрудником Академии наук Казахской ССР, вел педагогическую работу и возглавлял кафедру литературы Казахского женского педагогического института, являлся деканом филологического факультета этого вуза. В 1965 г. за исследование «Казахское стихосложение» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1975 г. избран членом-корреспондентом, в 1983 г. — действительным членом Академии наук Казахской ССР, где работал более 10 лет. В 1984—1986 гг. являлся вице-президентом Академии наук Казахстана.

З. А. Ахметов внес большой вклад в теорию и историю литературы. Перу ученого принадлежат более двухсот исследований и

научных статей, посвященных актуальным проблемам литературоведения. Наиболее значительными из них являются монографии «Лермонтов и Абай» (1954), «Казахское стихосложение» (1964), «О языке казахской поэзии» (1970), «Теория поэтической речи» (1973), «Современное развитие и традиции казахской литературы» (1978), «Поэтика эпопеи „Путь Абая“ в свете истории ее создания» (1984), получившие высокую оценку специалистов и в республике, и за ее пределами. За книгу «Современное развитие и традиции казахской литературы» ему присуждена премия Академии наук Казахской ССР им. Ч. Ч. Валиханова (1980).

Для трудов З. А. Ахметова характерны глубокое раскрытие особенностей теории и поэтики литературы, пристальное внимание к таким актуальным вопросам литературоведения, как художественные особенности литературных произведений, поэтический язык и стиль, художественное мастерство певцов и поэтов, новаторство. Ученый исследует также проблемы русско-казахских литературных связей, текстологию произведений основоположника казахской письменной литературы великого поэта-просветителя Абая Кунанбаева, вопросы теории и истории казахской литературы. Им создана система изучения специфики и структуры казахского стиха в историческом аспекте.

Своим фундаментальным исследованием «Казахское стихосложение» З. А. Ахметов ввел новые представления об отличительных свойствах казахской поэзии и стихосложения. В работе рассматриваются структура казахского стиха, песенно-стихотворные формы народной поэзии, роль Абая в развитии казахского стихосложения, проблемы новаторства в поэтическом творчестве. На конкретном материале автор проследивает развитие тюркского стиха. В монографии особое внимание уделено анализу поэзии Абая, С. Сейфуллина и других поэтов, тенденции развития национальной формы казахской советской поэзии. Другая крупная работа ученого «Современное развитие и традиции казахской литературы» раскрывает внутренние законы архитектоники художественных произведений, исследует типологию и взаимодействие жанров, взаимосвязь казахской литературы с рус-

ской и другими литературами народов СССР, проблемы художественного перевода.

Значительны заслуги З. А. Ахметова в создании обобщающих многотомных изданий по истории казахской литературы: он — один из авторов шеститомной «Истории казахской литературы» на казахском языке, трехтомной «Истории казахской литературы» на русском языке, участвовал в написании шеститомной «Истории многонациональной советской литературы», учебников по русской литературе для казахских школ.

Глубокое знание казахского фольклора, классического наследия обусловило участие ученого в подготовке к изданию образцов казахского устного народного творчества, полного собрания сочинений Абая Кунанбаева и Мухтара Ауэзова.

З. А. Ахметов органично сочетает научную работу с общественной и организаторской деятельностью, является членом Советского Комитета защиты мира, Главной редакции Казахской Советской Энциклопедии. Организатор науки, председатель специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахской ССР, член ученого совета этого же института он готовит научные кадры на протяжении многих лет.

Ученый поддерживает творческие связи с коллегами из других союзных республик, выступает оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций в Казани, Ташкенте, Фрунзе и других городах страны, является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте языка и литературы АН Киргизской ССР.

Многолетняя научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность З. А. Ахметова отмечена наградами; ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».

Коллеги, друзья и многочисленные ученики З. А. Ахметова сердечно поздравляют его с юбилеем, от души желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии и успехов в научной деятельности.

С. Корбаев

АСЕТ БОЛГАНБАЕВИЧ БОЛГАНБАЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и 35 лет научной деятельности видного казахского языковеда, доктора филологических наук, заведующего отделом лексикографии Института языкознания АН КазССР А. Б. Болганбаева.

А. Б. Болганбаев родился 8 марта 1928 г. в семье крестьянина-бедняка. В 1952 г. после успешного окончания филологического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова он был направлен в аспирантуру Института языкознания АН КазССР, а в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Синонимика имени существительного в современном казахском языке».

А. Б. Болганбаев является признанным лексикографом. Он участвовал в создании II тома Толкового словаря казахского языка (1961), Словаря языка Абая (1968), Словаря синонимов казахского языка (1975). А. Б. Болганбаев является также одним из составителей и членом редколле-

гии академического десяти томного Толкового словаря казахского языка (1974—1986), ответственным редактором 3-го тома этого словаря.

А. Б. Болганбаев известен и как лексиколог. Его монографии «Синонимы имен существительных в казахском языке» (1957), «Синонимы в казахском языке» (1970) получили всеобщее признание в тюркологии. В этих монографиях, а также в многочисленных статьях А. Б. Болганбаевым рассмотрены и изложены такие важные теоретические вопросы синонимии, как определение синонимов и критерии их выделения, синонимический ряд и доминанта, границы синонимического ряда, оттенки синонимов, синонимы — исторически изменчивая семантическая категория, синонимы и дублиеты, роль и употребление синонимов, классификация синонимов по частям речи и др. Причем все эти проблемы освещены им на основе богатейшего материала казахского и отчасти иранского, арабского, монгольского и русского языков.

В 1972 г. на основе монографии «Синонимы в казахском языке» А. Б. Болганбаев успешно защитил докторскую диссертацию. А. Б. Болганбаев — автор «Лексикологии казахского языка» (1979) — учебника для вузов.

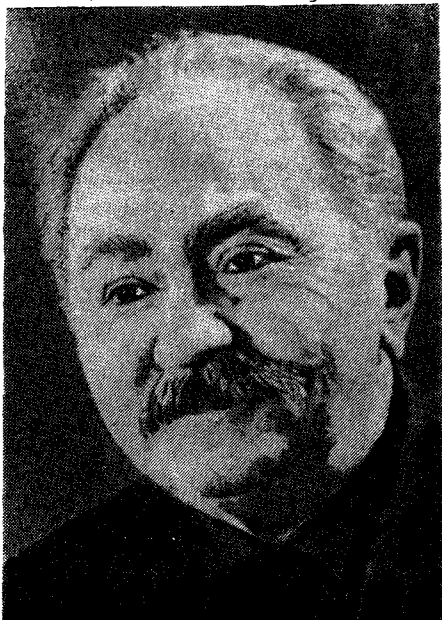
Асет Болганбаевич — активный лектор-пропагандист. Его брошюры «О мастерстве пропагандиста» (1972), «Человек и коллектив» (1978), «Мастерство лектора — большое искусство» (1979), «Роль критики и самокритики в воспитании трудящихся» (1982) популярны среди лекторов республики.

Коллеги и друзья Асета Болганбаевича Болганбаева сердечно поздравляют его со славным юбилеем, желают ему доброго здоровья и новых творческих успехов на благо казахской лингвистической науки.

А. А. Абдрахманов

Н Е К Р О Л О Г И

АЗИЗ ШАРИФ

Азербайджанская советская наука и литература понесли тяжелую утрату. 10 июня 1988 г. на 94-м году жизни скончался крупный азербайджанский литературовед и переводчик, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР, доктор филологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Азиз Шариф (Азиз Алиевич Шарифов).

Азиз Шариф родился 28 марта 1895 г. в г. Нахичевани. Начальное образование получил в родном городе, в школе видного педагога и просветителя Сафарали-бека Сидги. Затем он учился в гимназии и коммерческом училище в Тифлисе, где на формирование и развитие его мировоззрения большое влияние оказал Дж. Мамедкулизаде, в Московском коммерческом институте.

В первые десятилетия после установления Советской власти в Закавказье А. Шариф активно участвует в общественной и культурной жизни своего народа: работает заместителем председателя Тифлисского ко-

митета нового (латинского) алфавита, консультантом по организационным, правовым и социально-культурным вопросам в Закавказском ЦИКе и Совнаркоме ЗСФСР (1925—1935). В 1935—1940 гг. он — редактор в Закавказском ГИЗе и Азербайджанском государственном издательстве (Азербешре), заведующий литературной частью газеты «Бакинский рабочий». В годы Великой Отечественной войны А. Шариф, окончив заочное отделение Московского литературного института им. А. М. Горького, читает лекции по истории русской литературы в Тбилисском учительском институте им. А. С. Пушкина. В 1947 г. после успешной защиты кандидатской диссертации на тему «Драматургия Абдулрагимбека Ахвердова» он назначается в постоянное представительство Совета Министров Азербайджанской ССР в Москве консультантом по вопросам литературы, искусства и науки. С 1950 г. А. Шариф — старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, а затем — Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1957 г. ученому присуждается докторская степень за диссертацию «Жизнь и творчество Джагила Мамедкулизаде», а в 1962 г. присваивается ученое звание профессора.

В 1960—1963 гг. А. Шариф заведовал кафедрой литературы народов СССР, а с 1963 г. до конца своей жизни являлся профессором кафедры советской литературы МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1965 г. он читал лекции по истории литератур народов Закавказья и в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Начав свою литературно-критическую и переводческую деятельность еще до революции, Азиз Шариф в советское время стал одним из видных исследователей и пропагандистов азербайджанской литературы. Особую ценность представляют его работы, посвященные жизни и творческой деятельности Вагифа, М. В. Видади, Г. Закира, М. Ф. Ахундова, Н. Везирова, А. Ахвердова, М. А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде, в частности монография «Рождение „Моллы Насреддина“».

Высокой оценки заслуживает работа А. Шарифа в области художественного пере-

вода. Им были переведены на русский язык комедии и повесть М. Ф. Ахундова «Обманутые звезды», пьесы, рассказы, фельетоны Дж. Мамедкулизаде, драмы и рассказы А. Ахвердова, комедии и трагедии Н. Везирова, драмы и рассказы Дж. Джабарлы, роман «Шамо» и повести С. Рагимова, романы «Воскресший человек» и «Манифест молодого человека» Мир Джалала, роман «Наступит день» и рассказы М. Ибрагимова и многие другие произведения азербайджанских писателей. Благодаря переводческой деятельности А. Шарифа азербайджанский читатель получил возможность прочесть на родном языке «Женитьбу» Н. В. Гоголя, «Женитьбу Бальзамина» А. Н. Островского, «Мать», «Враги», «Двадцать шесть и одна» М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, «Под каштанами Праги» и «Парень из нашего города» К. Симонова.

В последние десятилетия жизни А. Шариф издал мемуары «Прошедшие годы» и «Я и отец мой», в которых содержатся ценные сведения о жизни и деятельности таких видных азербайджанских писателей, публицистов и деятелей культуры, как Гурбанали Шарифов, Е. Султанов, Дж. Мамедкулизаде, Г. Джавид, А. Ахвердов, Гусейн Араблинский.

Многое сделано А. Шарифом и в области подготовки высококвалифицированных кад-

ров филологов, специализирующихся по азербайджанской литературе и литературам народов СССР. Под его руководством защищено около двадцати кандидатских диссертаций.

А. Шариф успешно сочетал научную работу с общественной: он был членом ученых советов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Института востоковедения Академии наук СССР (филологическая секция), в 1962—1967 гг. — председателем Координационной комиссии научно-технического совета по проблеме «Литература народов СССР», в 1968 г. — заместителем председателя отдела литературоведения и председателем комитета по проблеме «Взаимосвязи литератур народов СССР» при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Он был также заместителем председателя общественного совета по азербайджанской литературе и членом совета по переводу и критике в Союзе писателей СССР.

Светлая память об Азизе Шарифе — видном азербайджанском советском ученом, добром и отзывчивом человеке — навсегда останется в сердцах азербайджанского народа.

Н. Дж. Мамедов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов* (Бухара), *К. М. Абдуллаев* (Баку), *В. И. Банару* (Килинев), *Х. Х. Халияров* (Бухара), *Н. М. Махмудов* (Ташкент), *А. Нурманов* (Андижан), *Р. Р. Сайфуллаева* (Ташкент). Способы синтаксической связи и актуальные вопросы тюркского синтаксиса 3
- М. И. Исламов* (Баку). Социально-экономическое развитие и современные диалекты 9
- Дж. М. Хангишиев* (Махачкала). К вопросу о категории наклонения глагола в кумыкском языке 13

Ф О Л Ъ К Л О Р . Л И Т Е Р А Т У Р А . К У Л Ъ Т У Р А

- Л. П. Петров* (Чебоксары). Из истории чувашских дохристианских имен 21
- К. Ибраимов* (Фрунзе). Мифопоэтические традиции и художественное произведение 26
- О. В. Васильева* (Москва). «Повесть о Сефер-бей-заде» (XVII в.) и роман Намыка Кемаля «Приключения Али-бея» (XIX в.) 32

Д И С К У С С И И И О Б С У Ж Д Е Н И Я

- Н. Г. Вильданова, Т. М. Гарипов* (Уфа). Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? 36
- А. Ахундов* (Баку). Имеется ли комитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка? 42

М А Т Е Р И А Л Ы И С О О Б Щ Е Н И Я

- Ю. М. Сеидов* (Баку) Об одном забытом типе словосочетаний 44
- Н. А. Асилова* (Ташкент). Об источниках «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу Хайяна 48
- Н. Ч. Мусабекова* (Баку). Проблема словообразовательного анализа гидронимов Азербайджана. Типовые конструкции гидронимов 52
- М. Ф. Чернов* (Чебоксары). Несвободные глагольно-именные перифразы в современном чувашском языке 59
- Х. Нуруллаев, М. Туйчиев* (Самарканд). Глагол қилмоқ как строевой элемент 70
- Э. А. Умаров* (Ташкент). Издатель «Санглаха» Джерард Клосон 73
- Л. И. Чебодаева* (Ленинград). К вопросу о причастных и деепричастных конструкциях в хакасском языке 79
- Х. М. Зарбашиев* (Баку). Об одном способе образования числительных 83
- С. А. Секиринский* (Симферополь). Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII—нач. XX в.) 87

Н А С Л Е Д И Е

- Э. Р. Тенишев* (Москва). Заметки Н. К. Дмитриева в книге С. К. Церуниана «Курс османских разговоров» 98

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- П. И. Кузнецов (Москва). Что равно нулю? 106

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

- Г. Абдуллабекова (Баку). Вклад азербайджанских ученых XIX—XX вв. в развитие польской ориенталистики 108

РЕЦЕНЗИИ

- Р. А. Юсупов, Ф. Г. Гарипова (Уфа). М. З. Закиев. Проблемы языка и происхождения волжских татар 116

АННОТАЦИИ

- М. М. Ахмедов (Баку). Igor destanı (Oleg torunu Svyatoslav oglu Igor'un seferi destanı) 118
 Е. К. Скрибник (Новосибирск). Вопросы алтайского языкознания 118

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- М. С. Фомкин (Ленинград). Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археологии 120
 А. Д. Шукюров (Баку). Научно-методическая конференция, посвященная вопросам культуры речи 122

PERSONALIA

- Э. Р. Тенишев (Москва), Ц. А. Абуладзе (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия 123
 С. Корбаев (Алма-Ата). Заки Ахметович Ахметов 124
 А. А. Абдрахманов (Алма-Ата). Асет Болганбаевич Болганбаев 126

НЕКРОЛОГИ

- Н. Дж. Мамедов (Баку). Азиз Шариф 127

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Kh. G. Nigmatov (Bukhara), K. M. Abdullayev (Baku), V. I. Banaru (Kishinev), Kh. Kh. Khalyarov (Bukhara), N. M. Makhmudov (Tashkent), A. Nurmanov (Andizhan), R. R. Sayfullayeva (Tashkent). Modes of syntactic connection and actual questions of Turkic syntax 3
 M. I. Islamov (Baku). Social and economic development and modern dialects 9
 J. M. Khangishiyev (Makhachkala). Towards the question of category of mood in the Kumyk language 13

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.

- L. P. Petrov (Cheboksary). From the history of the Chuvash pre-Christian names 21
 K. Ibrahimov (Frunze). Mythical-poetic traditions and work of art 26
 O. V. Vasilyeva (Moscow). «Sefer-bey-zade story» (XVII) and the novel «Adventures of Ali-bey» (XIX) by Namyk Kamal 32

DISCUSSIONS

- N. G. Vildanova, T. M. Garipov (Ufa). One zero case or zero forms of different cases? 36
 A. Akhundov (Baku). Is there comitative in the case system in the dialects of Azerbaijani? 42

MATERIALS AND REPORTS

- Yu. M. Seyidov* (Baku). On one neglected type of word-combination 44
- N. A. Asilova* (Tashkent). On the sources of «Kitab al-idrak li-lisan al-atrak» by Abu Khayan 48
- N. Ch. Musabekova* (Baku). The problem word-formative analysis of the Azerbaijanian hydronyms. Model constructions of hydronyms 52
- M. F. Chernov* (Cheboksary). Non-free verbal-nominal constructions in the modern Chuvash language 59
- Kh. Nurullayev, M. Tuychiyev* (Samarkand). The verb қилмоқ as structural element 70
- E. A. Umarov* (Taskent). The editor of «Sanglakh» Jerard Clauson 73
- L. I. Chebodayeva* (Leningrad). Towards the question of participial and adverbial participial constructions in the Khakass language 79
- Kh. M. Zarbaliyev* (Baku). About one method of formation of the numeral 83
- S. A. Sekirinskiy* (Simferopol). From the ethnic history of the Crimea and the Southern Tavriya (2-nd half of XVII—1-st half of XX) 87

INHERITANCE

- E. R. Tenishev* (Moscow). N. K. Dmitriyev's notes from the book «Course of Osman talks» by S. K. Tserunian 98

LETTER TO THE EDITOR

- P. I. Kuznetsov* (Moscow). What is equal of zero? 106

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY
OBSERVATIONS

- G. Abdullabekova* (Baku). The contribution of the Azerbaijan scientists in XIX—XX c. to the development of the Polish orientalistics 108

REVIEWS

- R. A. Yusupov, F. G. Garipova* (Ufa). М. З. Закиев. Проблемы языка и происхождения волжских татар 116

ANNOTATIONS

- M. M. Akhmedov* (Baku). Igor destani (Oleg torunu Svyatoslav oglu Igor'un seferi destani) 118
- E. K. Skribnik* (Novosibirsk). Вопросы алтайского языкознания 118

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- M. S. Fomkin* (Leningrad). All-Union conferense on problems of the Eastern archeography 120
- A. D. Shukyurov* (Baku). Scientific-methodic conferense on culture of speech 122

PERSONALIA

- E. R. Tenishev* (Moscow), *Ts. A. Abuladze* (Tbilisi). Sergey Simonovich Jikiya 123
- S. Karabayev* (Alma-Ata). Zaki Akhmetovich Akhmetov 124
- A. A. Abdrakhmanov* (Alma-Ata). Aset Bolganbayevich Bolganbayev 126

OBITUARY

- N. J. Mamedov* (Baku). | Aziz Sharif | 127

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор Б. М. Абдуллаев.

Корректоры А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 15.06.88 г. Подписано к печати 30.09.88 г. ФГ 05165. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2 Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4707. Тираж 2450. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ
«СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ»**

НА 1989 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ:

СТАТЬИ ШИРОКОГО НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ;

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, ЭТНОЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ, РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ;

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И Т. Д.

В ЖУРНАЛЕ ОТКРЫТЫ НОВЫЕ РУБРИКИ — «НАСЛЕДИЕ» И «АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ».

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

НА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 6 руб. 60 коп.

Подписка принимается:

ОРГАНАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ПОЧТАМИ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70927.

В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ.